Хроники Ластарта:

Фаркский пасьянс.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Высшие государственные лица:

Неркан Элендский, Великий князь Ластарта, человек, мужчина, возраст неизвестен

Акра Ластартская, Великая княгиня Ластарта, воевода северный Великого княжества Ластартского, четверть-пустынник, женщина, 72 года

Ирлинг Альята, герцог, канцлер Великого княжества Ластартского, мертволесский эльф, мужчина, 153 года

Лито Легийский, граф, подканцлер ВКЛ, человек, мужчина, 58 лет

Стеф Клийский, граф, подканцлер ВКЛ, человек, мужчина, 49 лет

Лону Беркликан, князь, воевода западный Великого княжества Ластартского, человек, мужчина, 83 года

Ликве Лормеронский, граф, воевода восточный Великого княжества Ластартского, четверть-эльф, мужчина, 69 лет

Нир Калицкий, граф, главный скарбничий Великого княжества Ластартского, человек, мужчина, 85 лет

Этирита Ланегона, Великий магистр ордена Эльвэниэн Яростной, Великая жрица Эльвэниэн, воевода южный Великого княжества Ластартского, человек, женщина, 40 лет

Нив Беркликан, княжич, первый адмирал флота Великого княжества Ластартского, человек, мужчина, 45 лет

Толио Ринеркский, барон, второй адмирал флота Великого княжества Ластартского, человек, мужчина, 38 лет

Дилиан Бор, хорунжий, глава Илинской гвардии, боевой маг, человек, мужчина, 98 лет

Специальный отряд канцелярии Великого княжества Ластартского «Алый клинок»:

Кирий «Пёска» Динский, барон, человек, мужчина, 29 лет

Эйниэ «Иртэя» Мирриа, полуэльф, женщина, 31 год

Адда «Мали» из Леснерта, человек, женщина, 24 года

Сайн «Звяк» из Леснерта, человек, мужчина, 26 лет

Род Фаркских и приближенные:

Виро Фаркский, князь Фарка, человек, мужчина (мертв)

Илла Фаркская, княгиня Фарка, человек, женщина (мертва)

Альда Фаркская, княгиня Фарка, человек, женщина, 25 лет

Эглина Рейкская, княжна Фарка, человек, женщина 21 год

Ирия Найская, баронесса, регент графства Рейк, человек, женщина, 99 лет

Масий Утравницкий, барон, тысячник гвардии Фарка, человек, мужчина, 89 лет

Надия, молочная мать, нянька сестер Фаркских, человек, женщина, 49 лет

Род Теринских и клуб «Гарда»:

Радан Теринский, граф, человек, мужчина, 105 лет

Милан Теринский, граф, человек, мужчина, 34 года

Йатик Клесский, граф, человек, мужчина, 28 лет

Лиин Миковский, граф, княжканцлер ВКЛ по Фарку, человек, мужчина, 48 лет

Борин Циверский, барон, человек, мужчина, 32 года

Косит Анесский, хорунжий гвардии Терии, человек, мужчина, 31 год

Кир из Айния, член купеческой гильдии Теринки, человек, мужчина, 31 год

Клио Лимицский, барон, человек, мужчина, 42 года

Каит Холмицкий, пан, человек, мужчина, 25 лет

Озин из Теринки, телохранитель Милана Теринского, человек, мужчина, 31 год

Ильян Хомский, пан, человек, мужчина, 34 года

Ефхен Умежский, пан, человек, мужчина, 29 лет

Тилико из Теринки, человек, мужчина, 34 года

Род Динских и приближенные:

Ульт Динский, граф, человек, мужчина, 96 лет

Алек Динский, граф, человек, мужчина, 20 лет

Михо Динский, барон, человек, мужчина, 35 лет

Мицлав Угорский, барон, сотник гвардии Дина, человек, мужчина, 25 лет

Дворянство Рейка и приближенные:

Талько Бойковский, барон, тысячник гвардии Рейка, человек, мужчина, 87 лет

Михо Итинский, барон, сотник гвардии Рейка, человек, мужчина, 24 года

Улита Запольская, баронесса, человек, женщина, 19 лет

Алек Зареченский, пан, человек, мужчина, 41 год

Милан Зареченский, барон, человек, мужчина, 60 лет

Руфий, дворецкий в фольварке Рейк, человек, мужчина, 75 лет

Специальный отряд канцелярии Великого княжества Ластартского «Серые стрелы»

Льох Перина, человек, мужчина, 27 лет

Анто «Древ» из Улесья, человек, мужчина, 23 года

Миколь «Перо» из Перстинки, человек, мужчина, 31 год

Мир «Тетива» из Альята, человек, мужчина, 23 года

Динко «Упрямый» из Уречья, мужчина 26 лет

Специальный отряд канцелярии Великого княжества Ластартского «Выллльские совы»

Дэйнэ «Коготь» Зиния, четверть-эльф, женщина, 27 лет

Лиа «Филин» из Ластарта, человек, женщина, 25 лет

Миридэт «Сычик», человек, женщина, 16 лет

Прочие:

Иниан Айклин – мертволесский эльф, мужчина, 434 года

Янка Кот – «преступный барон» Гиррда, человек, мужчина, 25 лет

Ния из Яра, журналистка, человек, женщина, 32 года

Ника «Рыжая» из Инна, человек, женщина, 20 лет

Васий из Княжницы, человек, мужчина, 41 год

Дворяне, сотрудники канцелярии и войска, мястчане и селяне Великого княжества Ластартского.

Служители экзархата и Великого храма Семи.

Правый берег Ривмауна. Год 1473 от В.Н., 5 день весны

Весна в Срединных землях в этот год наступать не спешила. Обычно оттепель приходила уже к семидесятым дням зимы, а начало весны радовало местных жителей солнечной погодой и весело бегущими с холмов ручейками воды. В этом же году богиня Эльвэниэн, видимо, прогневалась на мирян, и теперь холодной поре, казалось, не видно конца. Уже больше седмицы резкими порывами ветер гнал мелкие снежинки почти параллельно земле, а солнце и не думало посещать серое, без просветов, небо. Лед на реках и озерах, обычно к этому периоду начинавший трескаться, был все еще прочным.

- И дернул меня Морвид двинуться сюда в такую погоду, - проворчал себе под нос Альхен, критично осматривая результат своих трудов. Лунка была довольно глубокой, но, судя по всему, ему предстояло пробурить еще такое же расстояние, чтобы наконец добраться до воды. Эльф поправил шапку, сильнее натянул на кончики ушей шерстяные колпачки и снова принялся за работу. Заграждение из снега, которое он кое-как соорудил для спасения от ветра, было небольшим, хлипким и неустойчивым. «Сначала поставлю снасть, а потом снова им займусь», - подумал Альхен.

Через минут двадцать работы он смог отложить бур и, удовлетворенно хмыкнув, разложил удочку. На мгновение поднял взгляд в сторону берега и заметил человека, уверенно шагавшего по направлению к нему. Альхен озадаченно почесал гладкую щеку. На рыбака приближающийся человек был не похож – снасти он с собой не нес. Зато за спиной у него явно было нечто большое – то ли боевой топор, то ли молот. Альхен досадливо поморщился. Предположение, что человек с боевым топором в такую погоду забрел на реку случайно, было бы очень сильным допущением. Положение Альхена обязывало относиться к любым подобным случайностям и допущениям с подозрением и недоверием. И сейчас эльф решил, что странный путник определенно пришел сюда с целью найти его. «Идти он будет еще минут десять-пятнадцать, - подумал эльф. – Если я захочу уйти от него сейчас, я без проблем это сделаю. Но, длимерн его побери, не зря же я делал эту лунку! Пусть подойдет поближе. И как он меня только разглядел?». Последний вопрос занимал Альхена больше всего. Даже ему приходилось напрягать глаза, чтобы видеть с такого расстояния в этой метели. Обычный же человек не смог бы видеть дальше полутора десятков шагов.

Между тем расстояние, разделявшее их, сокращалось. Эльф, ругая незваного гостя на чем свет стоит, отложил удочку – все равно внимание не сосредоточишь - и, чтобы занять время, начал укреплять снежное заграждение. Мокрые, противные снежинки били в лицо, как рой назойливых насекомых. Постоянно оглядываясь, Альхен все же соорудил некое подобие снежной стены, отряхнул, насколько мог, меховой кожух и оценил результаты работы. Изгородь теперь не грозила рухнуть в любой момент. Альхен поправил задравшуюся штанину, обтянув ее вдоль сапога, и повернулся лицом к застывшему в ожидании человеку.

Незваный гость был на две головы выше эльфа, намного шире его в плечах и производил внушительное впечатление. Кожух его и штаны, сделанные из кожи мертволесского ящера, были обшиты стальными пластинами на плечах и груди. Следы огромных сапог даже такая метель не заметала мгновенно. На голове был плотный кожаный же шлем и маска, скрывавшая, как уже догадался Альхен, скуластое, широких черт, могучее лицо со шрамом, проходящим через нос от левого глаза до правой щеки. За спиной у пришедшего действительно был огромный боевой топор, испещренный и по рукояти, и по лезвию невероятным количеством божественных символов и строками святых книг. Человек стянул с правой руки перчатку, приложил руку к груди, опустился на одно колено и произнес:

- Простите, что потревожил вас, экзарх.

- Исполнитель Клехт, - коротко кивнул Альхен. – Как ты нашел меня?

- Я молил богов ниспослать мне весть о вашем местоположении, - не поднимаясь, сказал жрец. – И в Маунтонском храме мне сказали, что похожий на вас эльф поселился в домике недалеко от Ривмауна.
- А дальше – белое зрение, я так понимаю? – ворчливо произнес экзарх. – «И душа, свет несущая, нигде не останется незамеченной».
- Ваша мудрость велика, экзарх Альхен, как и знание священных книг.
- Можешь подняться, - разрешил эльф. – Что привело тебя ко мне, исполнитель?
- Важные вести, экзарх, - человек поднялся. Альхен взялся за удочку, жестом сделав знак продолжать рассказ. – Наш агент сообщил, что Рамондская Империя собирается передать кому-то в Мертволесье большое количество золота. Судя по слухам, это связано с оружейными разработками и торговлей между Священным союзом и Мертволесским Королевством. Опять же по слухам, эти самые разработки должны усилить позиции Союза в будущем морском конфликте с Великим княжеством Ластартским.
- Темный Трон начал дипломатию с Рэндэльским? Против Ластарта? – удивился Альхен. – Неожиданно.
- Вряд ли это Темный трон. Нам доподлинно неизвестно, но, похоже, это сторонняя организация. Или, с вашего позволения, секта.

Альхен шумно втянул воздух ноздрями, чтобы не выругаться. Исполнитель Клехт был известен в храмовых кругах тем, что посвятил более сотни лет поиску некого «древнего зла, оставленного еще Падшими богами», по его предположению, стоящему за большинством бед на континенте. Паранойя исполнителя, однако, никак не сказывалась на качестве его работы. Его расследования были предметом нескольких дискуссий в высшем жреческом совете, но никаких доказательств прямого участия «древнего зла» в каких-либо известных акциях не было. Равно как и не было оснований считать, что такого влияния не существует.
- Помилуйте, Клехт, - Альхен неодобрительно покачал головой, краем глаза наблюдая за удочкой. – В таких акциях, будь они провокацией или же реальным способом наладить отношения, ничего удивительного нет!
- Вы, конечно, правы, экзарх, - исполнитель низко поклонился, - и я бы не стал вас беспокоить, если бы не одно обстоятельство: для передачи золота человек из Консулата Империи нанял Гончих Хамса.
- Гончие Хамса? Я должен помнить это название?
- Небольшой, но чрезвычайно эффективный отряд наемников. Работают на севере Империи, в открытых пределах Аш-твара и южном Зеленолесье. Но самое главное что, по нашим сведениям, они являются ушами и глазами Великого княжества Ластартского в этом регионе. Если Ластарт узнает об обмене между Империей и Мертволесьем, да еще и для помощи Священному союзу…
- Будет большой скандал, - Альхен продолжил мысль Клехта. – Империя до сих пор была нейтральна в этом конфликте. Эти же действия могут показать, что Император Сайдэн определился с позицией. И Ластарт расценит это, как подготовку к войне.

Альхен отложил удочку, встал и несколько минут размышлял об услышанном. Отношения между Княжеством и Священным союзом и так последнее время были напряжены до предела. Союз, который с таким трудом создал Храм, состоял из трех приморских держав – королевств Айнвилль и Литиния и Мирградской торговой республики – и был важен для Великого храма Семи как главная его политическая сила на юге континента. Сейчас страны Союза рвались к берегам недавно открытой земли Иртинтор, а Ластарт в свойственной ему агрессивной манере противился колонизационным планам соседей, полагая (впрочем, справедливо), что помешать освоению этих земель сейчас будет проще, чем потом пытаться отвоевать для себя место у закрепившегося там противника. Пока действия ограничивались лишь стычками на море. Корабли Союза то и дело попадали в засады «пиратов», неофициально вооружаемых и поддерживаемых Княжеством. Но если станет известно, что Рамондская Империя, еще

один крупный игрок и, к тому же, старый враг Княжества, начала помогать Союзу, открытая война станет неизбежной. Даже без учета того, что для этих операций используется Мертволесье – ближайший политический союзник Великого княжества Ластартского.
- Насколько точны сведения?
- Я верю своему агенту, как себе, - ответил Клехт.
- Если все вскроется, Неркан наверняка нанесет упреждающий удар. Начнет войну. А Союз к войне с Княжеством сейчас не готов, - экзарх покачал головой, вдохнул снежинку, чихнул, выругался. Потом посмотрел на исполнителя
- Я могу понять мотивы Империи – ослабить союз Ластарта и Темного трона и вместе с этим нанести удар по нашему Союзу. Но о чем думают в Мертволесье?!
- Не могу знать, экзарх.
- Наверняка это большая провокация, смысл которой мы пока не можем понять. И поэтому должны вмешаться.
- Это мудрое решение, экзарх, - почтительно сказал Клехт. – Мы можем не допустить передачи и сорвать провокацию.
- Да, - быстро кивнул экзарх, но тут же поправился. – Нет, не так. Передача должна произойти. Мы должны не допустить утечки информации об этой передаче. А потом проследить, что же собираются делать мертволесцы с имперским золотом. И кто конкретно в этом замешан. Эти действия вмешиваются в наши планы, и мы должны точно знать, направлены ли они против нас, или же мы можем использовать их в своих интересах.
- Это значит…?
- Да. Сразу после передачи золота все нежелательные свидетели должны упокоиться с миром. Затем найдите мне мертволесскую сторону сделки и разузнайте, какого длимерна они там задумали.
- Приказания экзарха будут выполнены, - снова опустился на колено исполнитель. – И да помогут нам Боги!
- Используйте любые средства, - тихо сказал эльф, свершая над коленопреклонненым Клехтом святой знак Семи. – Да облегчат Боги ваш путь.

Исполнитель встал с колен и направился к берегу. Альхен посмотрел на удочку. Конец удилища был отломан. Тоскливо покачав головой, эльф начал собирать снасть назад. Все равно настроение было подпорчено. «Плохой день для рыбалки», - подумал Альхен. Он собрал снасти, пнул с досады ногой свою преграду и пошел вслед за исполнителем.

Часть первая: младший козырь.

Когда б мы знать могли и видеть
Куда дорога приведет нас,
Кого мы будем ненавидеть,
И как мы встретим смертный час.

Ниэль Яркая «Мелодии духа»

Луговое. Год 1476 от В.Н., 46 день лета.

Луговое было небольшим городком тысячи в три населения. В округе он славился гильдией кожевников, которая не только выпускала славные товары, но и пропитывала город специфическим ароматом. Жители к нему привыкли, а вот гостям города приходилось несладко. Мало того, что дышать было трудно, так еще и к одежде он приставал так, что вывести его было тем еще приключением.

Именно об этом думал барон Кирий Динский, мястканцлер Великокняжеской канцелярии, известный также как пан Песка, следуя по узкой улочке меж одноэтажных деревянных домиков в сопровождении Эйниэ Мирриа, своего заместителя по боевому отряду «Алый клинок». Песка был чуть выше среднего роста, широкоплечий. Среди его черных, с отблеском, волос пробивалась редкая седина. Одет мястканцлер был в обычную походную форму канцелярии – легкий серый плащ, широкие удобные штаны, невысокие кожаные сапоги и темно-синий мундир со знаками отличия в петлицах: когтем феникса на правой лычке и красным клинком на левой. Эйниэ Мирриа, также называемая Иртэя – «Темная» – была на полголовы выше Пески, немного уже его в плечах, с выдающейся грудью и бедрами. Сама по себе подтянутая, в служебном платье она выглядела полноватой. Волосы бледно-фиолетового цвета были заплетены в косу до лопаток, шею закрывал платок из легкой полупрозрачной ткани. Парочка привлекала внимание случайных прохожих, но канцелярские были слишком увлечены спором, чтобы это замечать.

- А я утверждаю, что это возможно, - возбужденно проговорила Иртэя. – Я считала!

- И сколько ты перед этим выпила? – меланхолично вопросил Песка. – Ирти, я верю, что ты прирожденный маг-технолог, но твоя идея абсолютно несостоятельна.

- А вот и нет! – Иртэя недовольно посмотрела на мужчину. – Все ясно! Я слышала, как вы со Звяком говорили о том, что после Эльвэниэн история не знает ни одной женщины-изобретателя! И сейчас ты не слушаешь меня потому, что я девушка, и ты считаешь, что мы неспособны ничего придумать?

- Еще скажи, что я расист и не признаю твои выдающиеся способности из-за твоей эльфийской сущности.

- Вот-вот, - сказала Иртэя и подмигнула очередному уставившемуся на нее скромно одетому прохожему. Тот опустил глаза и прошел мимо. – А еще потому, что я красивая. А ты считаешь, что красивая не может быть умной.

- Не была бы ты умной, я бы тебя рядом с собой не терпел, - Песка посмотрел на нее и скривил губы. – Ну, разве что за грудь.

- После задания получишь пощечину.

- Ты не посмеешь нарушить субординацию, - усмехнулся Песка.

- Еще как посмею, - она положила руку на плечо барона. – Тем более с таким упрямым и непрогрессивным начальством.

- Иртэя, идея закидывать воев с помощью больших артиллерийских самострелов за стены противнику невыполнима, по крайней мере, до тех пор, пока ты не придумаешь, как им

там приземляться – даже в случае если их не размажет о стену из-за неверного расчета наводчиков.
- Ботинки на огненной печати, я ведь тебе уже объясняла!
- А если они воспламенятся в полете? – скептически посмотрел на собеседницу Песка. – Тушить его по прибытии никто не будет. Может, лучше сразу еще и разрывную печать – на всякий случай.
- Ай, иди ты! - досадливо поморщилась Мирриа. – Скоро там этот трактир?
- За углом, судя по описанию, оставленному Звяком, – Песка сверился с листком. – А теперь давай потише, нас и так полгорода уже считает за сумасшедших.
- А почему бы и нет? - ухмыльнулась девушка. – Я такая голодная, что за себя не отвечаю.

Барон покачал головой, но ничего не сказал.

Трактир, а вернее корчма, к которой они подходили, была расположена на окраине цехового района. Место это пользовалось достаточно сомнительной славой – в основном потому, что стала для местного криминального босса Ника из Лугового, более известного как Ник Рваное Ухо, своего рода рабочим местом. Ник выбился в «криминальные бароны» из мелких жуликов с помощью деловой хватки и ума, чем, безусловно, гордился. Судя по имеющейся в канцелярии информации, именно гордость и тщеславие побудили Ника связаться с торговцами оружием. По великокняжескому эдикту оружие в Ластарте запрещалось носить всем, кроме дворян и тех, кто находился на государственной службе. Поэтому наличие любого оружия, а тем более стрелкового, у различного рода лесных братьев и городских бандитов вызывало неподдельный интерес со стороны стражи и канцелярии.

Когда недавно разгромленная неподалеку разбойничья шайка оказала сопротивление местным гвардейцам с помощью хоть и устаревших, но эффективных военных самострелов, сотник гвардии сразу же сообщил об этом. На допросах удалось выявить непосредственного продавца – несмышленого послушника местного храма, позарившегося на легкие деньги. Тот направил следствие к лавочнику в соседнем от Лугового Прилесье. Лавочник, не сходя с места, выдал двух подозрительного вида мальцов, ошивающихся около местных цехов. Этих двоих взять живыми не смогли. Но знавшие их ребята из местных рассказали, что это сброд из шайки Рваного Уха. Местным писарям из Лугового ничего добиться от «барона» не удалось. Песка подозревал, что они даже в цеховой район пойти побоялись, на месте написав, что «объект уклоняется от сотрудничества, утверждая, что ничего не знает». Тогда местный графканцлер попросил Алый клинок, участвовавший в разработке прилесских ребят, завершить операцию – выйти непосредственно на поставщика. Или же хотя бы продолжить цепь.

Иртэя и Песка не сомневались, что именно Ник знал поставщика – местной криминальной верхушке связываться с продажей оружия мелким лесным бандам было бы не с руки. Имевшим же доступ к оружию дворянам, или же кому-то из их окружения, было бы не по чину вести дела с совсем уж мелкими сошками, сродни разгромленной у Прилесья шайки.

Корчма была приземистой (хоть и в два этажа, но, судя по всему, на верхнем комнаты делались чуть выше гномьего роста), деревянной, с соломенной крышей, неприветливой охраной и узким обеденным залом. Корчмарь за стойкой, две пухлые девушки-официантки, каких любят в цеховых районах, да несколько подозрительных личностей в зале. Среди них выделялась молодая худенькая коротко стриженая брюнетка в длинном черном плаще. Она сидела за столиком ближе к стойке. Чуть дальше расположились трое цеховиков. Они что-то бурно обсуждали и бросали взгляд то на корчмаря, то на официанток. В середине зала двое крепких мужчин, один из которых по виду походил на пустынника, играли в «панское вяселле». Левее стойки, под лестницей на второй этаж расположился вход в малый зал, который, судя по двум стражам – высоким плечистым ребятам с дубинами, не входившими в эдикт по оружию, – избрал себе резиденцией Ник. Напротив зала у противоположной стены за стойкой сидел высокий

черноволосый парень в кожаных штанах и стеганке на рубаху. Остальные столики пустовали.

Охранник у дверей окинул взглядом Песку и Иртэю. Остановив взгляд на петлицах, он скривился, но пропустил канцелярских внутрь. Песка рукой отослал подходящую к нему официантку и сразу направился к малому залу. Охранники Ника, до этого явно скучавшие, синхронно подхватили дубины. Но Песка поднял руку:

- Спокойно, ребята – мы только поговорить.

- Босс отдыхает, - прогнусавил один из амбалов. – Велел нипущать никого.

- Скажи боссу, что к нему пришли из канцелярии, по делам учета, - Песка изобразил любезную улыбку.

- Ухмылка у тебя противная, - проворчал охранник и вошел в малый зал. Вскоре он вернулся и произнес:

- Босс сказал обыскать и впустить.

Песка поднял руки, и парень бегло похлопал его по бокам, ногам и груди.

- Чисто, - кивнул он второму. – Теперь ты, девка.

Иртэя недовольно нахмурилась. Ее «досмотр» занял немного больше времени и доставил охраннику больше удовольствия. Эйниэ стойко перенесла обыск, лишь один раз зло шикнув на охранника, слишком надолго задержавшего руку на ее груди. Амбалы переглянулись и заржали.

- За мной идите, - сказал первый и провел гостей в малый зал. Помещение оказалось раза в четыре меньше основного зала – здесь помещалось всего три столика. За одним из них и сидел Ник Рваное Ухо. Он был худощавый, с маленькими быстрыми глазками, короткими, русого цвета, волосами. Тонкими и длинными пальцами он держал кружку с пивом. На нем была неприметная серая рубаха и самые обыкновенные для жителя небольшого города штаны и ботинки. Справа от плеча босса стоял телохранитель – очень похожий на того, который сейчас сопровождал их, и того, который остался у двери. Кирия всегда удивляла такая схожесть бандитов нижнего звена. Он даже иногда прикидывал, не могут ли их где-нибудь магическим образом размножать с кальки какого-нибудь эталонного подонка, но находил эту версию маловероятной.

Они подошли к столу. Ник всем своим видом изображал вежливое участие:

- Пан, пани, прошу садиться, - проговорил он. – Извините, что не встречаю – старые недуги.

При ближайшем рассмотрении Нику было за пять десятков. Ухо у него было действительно рваное. На щеках несколько небольших шрамчиков, говоривших о бурной молодости жулика.

Песка отодвинул тяжелый деревянный стул и сел. Иртэя стала у его левого плеча. В малом зале окон не было, помещение освещалось небольшой свечной люстрой – видимо, хозяин был небогат или скуп и не потратился на чародейские огни. Оставалось гадать, как в этом заведении с водопроводом.

- Садитесь, пани, - Рваное Ухо отхлебнул пива. – В ногах правды нет.

- Я постою, - ответила Эйниэ.

Босс сделал знак и один из его телохранителей стал у правого плеча Пески, а второй – за спиной Иртэи.

- Что привело вас ко мне, панство? – осведомился Ник.

- Сущая безделица, пан бандит, - ответил Песка, облокотившись на спинку стула.

- Я честный купец, - сразу стал серьезным Рваное Ухо. – Не надо меня обижать, пан…

- Песка.

- Пан Песка, - продолжил он. – Я просто купец, у которого просто очень хорошо идут дела.

- Особенно с самострелами, - кивнул Песка. – Мы наслышаны.

- Первый раз слышу о каких-то самострелах, - Ник отставил кружку и подался вперед. – У меня хорошие продажи по коже, мне незачем лезть во что-то незаконное.

- Рваное Ухо, ты меня за дурака-то не держи, - Песка тоже подался вперед. – Мы свалили твоих кабанов на паленом. Ты не глуп, Ник, и должен понимать, что лезть в петлю из-за кого-то из дворянчиков не стоит. На них свой суд – на тебя свой. Его могут отбрехать – тебя повесить. Не упирайся, тебе ж проще будет.

Песка отклонился на стуле и, словно гимназист за последней партой, покачнулся на задних ножках. Иртэя стояла бесстрастно, как и два телохранителя криминального босса. Они часто слышали перепалки Ника с конкурентами и законниками – пока босс не дал знак, они не будут дергаться, в каком тоне бы ни шла беседа.

- Песка – очень созвучно с псарней, - посмотрел на мястканцлера Ник. – Плохо вынюхиваете, Пан Ищейка. Ваш местный писаренок уже приходил – и я ему сказал то же, что и вам. Я знать не знаю ни о каких самострелах. И не ломайте мой стул!

- Ник, поразмысли, - Песка отметил, что зря он так плохо думал о местных канцелярских, у них все-таки смелости хватило дойти до этого наглеца. – Хорошо подумай, стоят ли твои нервы и свобода тех барышей, что тебе обещали. Я ведь не говорю, что потащу тебя в яму. Ну, имеешь ты доход с краденого, ну и длимерн с тобой, такие всегда были и будут. Но оружие – другое дело, совсем другое. Я мястканцлер, а не писаренок, которого ты можешь отшивать. Я таких как ты уже навидался.

- Мы остались при своем, мястканцлер, - усмехнулся Ник. – Я – удачливый купец, которому везет с продажей кожи, вот и все.

Он отхлебнул пива, стукнул пальцами по столу, и его ребята сделали шаг вперед – став вплотную к Иртэе и почти вплотную к Песке. Тот, казалось, этого не заметил и снова покачнулся на стуле.

- Ты же понимаешь, что своим отказом ты себе сделаешь хуже? - осведомился Динский. – Или не понимаешь?

- Нет, это ты не понимаешь, крыса канцелярская! Потащите вы меня в яму – назавтра тут такой галдеж подымется – не разберете. Петициями вас завалят и градоправитель, и местная канцелярия. Мне не с руки выдавать кого-то – даже если бы было кого. В этом городе не тронете вы меня, да и гвардейцы местные за мной не пойдут. А если пришлете других – от крови не отмоетесь.

- Ох и горазд ты пугать, Рваное Ухо, - снова откинулся на стуле Кирий. – Ох и горазд.

Ник хотел сказать что-то еще, но тут Песка потерял равновесие и начал падать на спину. Неуклюже вскинув ноги, он опрокинул кружку и, что более важно, стол на Рваное Ухо. Тот выругался, пытаясь освободиться от придавившего его стола. Охрана на секунду растерялась – то ли стол подхватывать, то ли гостя, то ли хозяина.

И в эту секунду Иртэя молниеносно, сорвав шарфик с шеи, оказалась за находившимся рядом амбалом. Шарфик мгновенно стянул горло телохранителя. Схватившись за шею и пытаясь ослабить захват, парень выронил дубину, которая, как по волшебству, упала в руки мястканцлера.

Песка, в отличие от второго громилы, мгновенно сориентировавшись, ударил тому по коленям, а когда тот согнулся – двинул дубиной в солнечное сплетение. Вскочив на ноги, Кирий повторно толкнул стол на уже кое-как высвободившегося Ника и, что есть силы, двинул дубиной по затылку стоявшего на коленях амбала. Рядом, обмякнув, рухнул на пол и другой телохранитель Ника. Иртэя аккуратно сняла с его шеи шарф.

- На помощь! - закричал криминальный босс. – Помогите!

- Кричи, не кричи, - флегматично произнес Кирий. – Даже если докричишься, тебе это уже не поможет.

Ник смог освободиться от стола и резким движением вынул из-за голенища сапога кинжал.

- Крысы, порежу обоих, - он направил клинок на Песку, - ну же, подходи. Сначала тебя, потом твою бабу. Сейчас братушки прибегут – мы ее живо оприходуем.

Песка покрутил в руках дубину. Потом поднял вторую и пошел к двери.

- Иртэя, он твой. Только не переусердствуй.

Ник повернулся к Иртэе. Та, конечно, была девушкой немаленькой, явно с примесью эльфийской крови, но он точно знал, что с ней – тем более безоружной – он справится в два счета.
- Трус, девкой закрылся! - крикнул Рваное Ухо в спину Кирию. – Думаешь, духа у меня не хватит ее пырнуть?
- А ты ведь меня боишься, - неожиданно мягко произнесла Иртэя. – Ты ведь даже с кинжалом меня боишься.
- Ничуть, - встряхнулся Ник. Ему вдруг стало не по себе. – И не боюсь – подходи и получи!

Он резко дернулся к ней – то есть ему так хотелось, но движения получились какие-то замедленные.
- Отдай кинжал, милый, - полуэльфка улыбалась, а лицо ее стало неестественно бледным. – Ты ведь боишься острого. Тебя когда-то уже порезали. Ты же не хочешь зваться Ником Девятипалым. Или, того хуже, Ником Безруким.
- Я… – протянул Ник. Мысли путались, а сердце охватывал ледяной ужас. – Я… не…

Он снова тряхнул головой. Эта ведьма что-то делала с его мыслями. Он слыхал однажды, что канцелярских тренируют влезать в голову. Но посчитал это басней от трусоватого, сдавшего своих подельников воришки. Теперь он ощущал что-то подобное на себе – и ему это не нравилось.
- Иртэя, ситуация под контролем, но сильно не задерживайся, - слова доносились до него как будто со дна колодца. Или он был на дне, а они доносились сверху…
- Ведьма, - проскрежетал он. – Порежу, ведьма

Он кинулся на Иртэю, но как-то медленно, нерешительно. Она взяла его руку с кинжалом, провела по ней пальцами, теплыми, но невероятно бледными пальцами, и это тепло, казалось, расслабило хватку. «Быть не может, - пронеслось в мыслях у Ника. – Я порезал Ваху Бугая, а теперь какая-то девка отобрала у меня нож?!».
- Ведьма, - уже тише сказал он. Или ему показалось?
- Видишь, - голос Иртэи заполнил все пространство. Ее лицо и большие черные, как у птицы, глаза было всем, что он видел. Ее слова – всем, что слышал. – Ты боишься кинжала. Ты боишься боли. Ты ведь знаешь, что такое боль. Ты боишься, что я буду резать тебя. Сначала пальцы – по одному, медленно. Ломая фалангу за фалангой. А потом… Может Пан Рваное Ухо станет вовсе не паном, а паненкой? Что скажут твои приятели? Ты ведь боишься, ты знаешь, что они скажут!

Она говорила, а он оцепенел. Он не чувствовал, исполняет ли она свои угрозы, он слышал только ее голос. А еще какой-то далекий крик. Да, крик был далекий и не отчетливый. Кричавший звал… звал Песку. Пана Песку и умолял его о чем-то.
- Иртэя, хватит, - слова прозвучали, как гром. И только после них Ник Рваное Ухо понял, что кричал он. Это он звал Песку и умолял убрать от него эту ведьму. Он был весь мокрый, его колотило. Он не мог даже посмотреть на свои пальцы.
- Как прикажете, мястканцлер, - Иртэя, оценивающе посмотрев на жертву, отошла.
- Итак, Ник, - Песка подошел к стулу, где сидел Рваное Ухо (он обнаружил, что сидит на стуле, когда Кирий сел напротив него). – Итак, ты мне все расскажешь, верно?
- Да, - хватая воздух, сказал Ник, - все расскажу.

И зарыдал.

Когда Кирий и Эйниэ выходили из малого зала, Ник Рваное Ухо сидел на стуле, трясся и казался постаревшим лет на двадцать.

В большом зале стало еще меньше людей. Корчмарь и официантки прятались за стойкой, цеховские куда-то сбежали, как и один из игроков в «вяселле». Второй, полупустынник, лежал посреди зала лицом вниз и признаков жизни не подавал. Охранник, остававшийся у дверей зала, что есть силы, пережимал обрубок правой руки – но жить ему, с таким кровотечением, оставалось недолго. Худой длинноволосый парень и девушка в черном плаще стояли недалеко от выхода и что-то обсуждали.

- Идем, - кивнул им Кирий, проходя мимо. – Вижу, вы тоже без дела не остались.
- Да, - девушка улыбнулась. – Звяк уложил одного, а я покалечила второго – он уж слишком похабно лапал Иртэю.
- Можно подумать, ты это сделала из женской солидарности, - проворчал парень, которого девушка назвала Звяком. – Мали, признай, тебе просто нравится отрубать людям руки.
- Никогда и не скрывала, - хохотнула Мали.
- И вот с этой маньячкой я живу, - вздохнул Звяк. – Как прошло?
- Наш поставщик – пан Лойский, - ответил Кирий. – И кстати о маньячках – Иртэя, ты чуть не перестаралась. Я не знаю, чем бы мы его отпаивали.
- Не люблю, когда меня называют крысой, - пожала плечами полуэльфка.
- Да, как он орал, даже через дверь слышно было! - Мали посмотрела на Иртэю с восхищением. – Подружка, ты меня просто вдохновляешь.
- Вы обе чокнутые, - констатировал Звяк.
- Что есть, то есть, - согласилась Иртэя. – Песка, то есть, пан Кирий, что будем делать с этим паном?
- Да ничего, - пожал плечами Песка. – Напишу отчет, пусть им занимается местное дворянство. Мы свое дело сделали.
- Ну, раз так, - Иртэя обвела взглядом друзей и сделала паузу, а потом очень быстро проговорила, – Тогда, кто последний добежит до канцелярии, тот и платит за ужин!

Она бросилась бежать. Песка тут же рванул за ней. Звяк и Мали бросилась следом, причем последняя на ходу в витиеватых выражениях высказывала свое отношение к этой разминке. Правило «кто последний, тот и платит» ввел Песка на заре существования отряда, дабы сплотить своих людей. Оно прижилось и стало традицией, однако постоянно кого-нибудь из них да и захватывало врасплох.

Вечерело, улицы города пустели. Четверо канцелярских мчались по переулкам, распугивая случайных прохожих. По ходу движения Иртэя уступила свое место Песке и чуть не оказалась позади Мали, но та напоролась на неосторожного мястчанина. Ни в чем не виноватый прохожий получил свою долю оскорблений, когда мимо Мали пробежал еще и Звяк. Девушка отряхнулась и бросилась следом за товарищами, но догнать их уже не смогла. У дверей канцелярии четверка перевела дух, и Мали обиженно ткнула Звяка пальцем в грудь:
- А еще мужчина называется, защитник и опора! Пробежал мимо и даже подняться не помог!
- Тебе или несчастному прохожему? – спросил Звяк. – Ты ж его чуть не зашибла! Остановился – стал бы соучастником.
- Ай, - махнула рукой Мали. Звяк хмыкнул. Все равно он никогда не признает себя неправым, да и условия соревнования вполне понятны. Чего уж тут. – Надеюсь, мне хоть не самой за этим ужином идти?
- Зачем самой? Пошлем местных писарей, - Песка открыл дверь, пропуская Мали и Иртэю вперед. - Мы же сделали за них их работу. Пусть хоть еды теперь принесут.

Канцелярия Лугового была новым каменным двухэтажным зданием с обилием окон. На первом этаже трудились местные сотрудники; второй, на котором, обычно, помещался кабинет начальника, использовали в качестве архива и комнаты для гостей. В канцелярии их встретили два писаря – задержались ребята, день, видимо, выдался трудный. Песка никогда не подтрунивал, как делали многие другие оперативники боевых отрядов, над сидячей работой простых городских писарей. Обслуживать население было иногда даже труднее, нежели исполнять свой долг на улицах городов и в лесах. Хотя значительно безопаснее.

Писари встретили Алый Клинок вопросами. Песка кратко обрисовал ситуацию, сказал, что подробнее они все узнают за ужином, и посмотрел на Мали. Та картинно вздохнула, достала из-за пазухи кошель и протянула писарям восемь серебрушек.
- Почти все, что осталось, - проворчала она. – Возьмите поесть и пива.

Местные переглянулись. Обычная зарплата городского писаря средней руки составляла пять серебра в седмицу. Ужин на восемь монет был для них роскошью и расточительством.
- Себе тоже возьмите, - сказал Песка. – И побыстрее, ребята. Голодный, как гончий пес.

Старший из писарей кивнул, и они быстро вышли из здания.
- Зря ты так много дала, Мали, - Песка укоризненно посмотрел на нее. – Четырех бы вполне хватило. Ребята растерялись – они на такую сумму треть сезона жить могут.
- А на четыре две седмицы, - Мали развела руками. – Не понимаю, чего ты от меня хочешь? Когда будешь платить ты – там можешь жаться, сколько влезет.
- Согласна с Мали, - сказала Иртэя. – В конце концов, ты сам сказал, что мы сделали за них работу. А еще мы их и покормим, так что не вижу в этом ничего плохого.

Песка посмотрел на Звяка, но тот выражением своего лица показывал, что ему все равно, что подумают о них местные.
- Как скажете, - согласился наконец Песка. – Пойдем наверх, там была гостевая комната.

Они поднялись на второй этаж. Песка снял мундир и растянулся на койке. Звяк сел чистить самострел, Мали стала перед зеркалом и стала придирчиво разглядывать себя. Иртэя или молилась, или медитировала – часто было сложно отличить одно от другого. Песка закрыл глаза и задремал.

Его разбудили вошедшие писари, принесшие ужин - бочонок пива, три жареных курчака, увесистый горшочек с запеченными грибами и хлеб. Кирий сладко потянулся, стряхнул остатки сна и приступил к еде. В следующие полчаса Песка, Иртэя, Звяк и Мали перекидывались впечатлениями от города и операции, шутили, ели и пили пиво. Писари благоговейно взирали на них, будто бы перед ними сидели герои, сошедшие со страниц древних легенд. Песка в подробностях описал события в корчме.
- Пани, а вы и правда можете вот так любому человеку в голову залезть? - спросил тот из местных, кто был помладше.
- Могу, - подтвердила Иртэя. – Не каждому, конечно, но многим.
- Ух ты, а можно этому научиться? – писарь во все глаза смотрел на нее.
- Проще простого, - кивнула Иртэя. – Нужно человека хорошенько связать, взять большой нож и вскрыть череп. Так обычно и влазят в голову.

Более молодой писарь побледнел и замялся, старший подозрительно посмотрел на Иртэю.
- Иртэя, не обижай наших хозяев, - Песка хмыкнул и сделал большой глоток пива. Напиток был не то чтобы хорошим, но и не особо гнусным.
- Слушаюсь, пан мястканцлер. Но они же просили рассказать, как можно в голову залазить.
- Не слушайте ее, – Песка после удачной операции чувствовал себя чудесно и был не прочь поболтать. – На самом деле, насколько известно, такие способности наследственные и могут проявляться по-разному. Иртэя может играть на страхе и неуверенности, например. А вот Мали увеличивает скорость реакции и движений. Способна даже от стрелки уклониться.
- Ничего себе! – тут уже старший удивился. – Я думал, это все россказни, а оно вот как!
- Уж вы мне поверьте, - сказал Звяк. – Только поэтому я ее до сих пор не пристрелил.

Мали скривилась и ткнула его локтем в бок, Звяк крякнул, Иртэя и Кирий засмеялись. Писари тоже улыбнулись, все еще не понимая, бравада это или же правда.
- Я хочу произнести тост, - произнес Звяк, - за Алый Клинок, лучший из специальных отрядов канцелярии.

Они выпили. Старший писарь посмотрел на часы на стене и сказал, что им пора уходить. Песка поднялся, поблагодарил местных за принесенный ужин и проводил их до дверей первого этажа.
- Лучший отряд, лучший отряд. Чтобы только наверху это видели! - проворчала Иртэя. – Уже несколько лет все в тех же званиях и ни гроша за душой.

Иртэя часто возмущалась своим недворянским положением. Хотя эльфы и полуэльфы в княжестве пользовались привилегиями мястчан, где бы они ни жили – так было записано в союзных обязательствах с Мертволесьем – Эйниэ считала, что своей службой давно заработала себе дворянство.

- Всему свое время, Ирти, - мягко сказал вернувшийся Песка. – В конце концов все у нас будет.

- Дворянство, не дворянство, - поднимаясь, сказала Мали, - главное, что не голодные и жопу есть чем прикрыть. Я в толчок.

- С такими манерами дворянка из нее выйдет знатная, - прокомментировал Звяк, когда девушка вышла.

- Что ж ты ее не учишь, манерный ты наш, - Иртэя ковырялась в зубах косточкой, тоже демонстрируя пренебрежение к этикету.

- Мне она нравится такой, какая есть. Зачем мне манерная девица, когда я сам без состояния и фольварка.

Мали вернулась минут через десять, весьма возбужденная. С порога протянула Кирию письмо. Кирий осмотрел конверт и присвистнул. Печать графа Легийского, подканцлера Великого княжества Ластартского. «Барону Кирию Динскому, мястканцлеру Великого княжества Ластартского лично в руки» - было написано на конверте.

- Чьи-то желания, видимо, начали сбываться, - произнес Кирий, ломая печать.

- Знала бы, так пожелала бы телегу золота, - заметила Иртэя. – Мне как-то хотелось хоть немного отдохнуть.

- Ага, подруга, - Мали села рядом с ней. – Если сейчас нам поручат доставать какую-нибудь длимернову голову триперетрахнутого дракона – я дам тебе подзатыльник.

- Не поручат – это не в юрисдикции канцелярии, - вставил Звяк.

- Зануда, - проворчала Мали. Звяк ничего не ответил.

Кирий справился с печатью, развернул письмо. Прочитал, вздохнул, перечитал снова. Письмо было написано на гербовой бумаге и подписано самим подканцлером.

- «Явиться не позднее сорок девятого дня лета в город Ластарт, в главное здание канцелярии Великого княжества Ластартского барону Кирию Динскому, пану Сайну из Леснерта, паннам Эйниэ Мирриа и Адде из Леснерта», - прочитал вслух Кирий. – Подпись – «Лито, граф Легийский».

- В столицу едем, значит, - задумчиво сказал Сайн. – Неужели нас все-таки заметили?

- Если так, то слава Морвиду, - прошептала Эйниэ.

- Так, ребята, не расслабляться, - Кирий несколько раз хлопнул в ладоши, призывая к тишине. – Вряд ли нас вызвали туда только для церемонии награждения. Обычно это делается немного по-другому. Так что надейтесь на лучшее, но готовьтесь к очередному заданию – причем, судя по вмешательству подканцлера, не из легких.

- Вечно ты все испортишь, - Иртэя потянулась и стала натягивать сапоги.

- Разговорчики, - цыкнул на нее Песка. – Собираемся и выдвигаемся. Нас ждут великие дела!

Ластарт. Год 1476 от В.Н., 46 день лета.

В тот момент, когда Кирий Динский и Эйниэ Мирриа в Луговом переступали порог корчмы, к Южным Воротам столицы Великого княжества Ластартского подъезжала карета герцога Ирлинга Альята, канцлера Княжества. Ластарт встретил герцога Альята шумом и духотой. Как ни старался Ирлинг полюбить этот город, но отношения у них никак не складывались. После уединенных закоулков Мертвого Леса, деревянного обаяния Илина или величественного остроконечного Альята Ластарт, суетливый и, словно лоскутное одеяло, пестрый и нескладный, заставлял канцлера чувствовать себя чересчур неуютно. Знать и духовенство, наполнявшие город, добавляли ко всему этому приторный, но с горчинкой привкус лести и интриг. Поэтому большую часть того времени, которое он вынужден был находиться в столице, Ирлинг предпочитал загородный фольварк. И такой жаркий день он с большим удовольствием провел бы с молодой супругой в саду или же у фонтанов, вслушиваясь в пение птиц и тихое дыхание ветра. Однако с утра гонец из великокняжеского дворца принес письмо, в котором Его Величество просил канцлера явиться в город по срочному делу.

Карету, видом своим соответствующую статусу хозяина, тянула шестерка ездовых псов – крупных, выносливых хищных зверей, всех как на подбор черных, короткошерстных и голубоглазых. На дверях ее красовался личный герб Ирлинга - перекрестье пера и двойного меча с развернутым на фоне свитком. Герцог слегка отодвинул шторку и выглянул на улицу. Летнее солнце освещало крыши домов, грело каменные мостовые и весело играло на стеклах дворянских особняков. Стражники у Южных ворот учтиво поклонились, пропуская карету в город.

- Сразу во дворец, Ваша Светлость? – осведомился псарь.

- Нет, заедем на Дворянскую, – ответил Ирлинг. Его дом в Ластарте находился недалеко от дворца, и эльф решил сначала навестить свою резиденцию, а потом отправиться на аудиенцию к Великому князю пешком. Он вдруг вспомнил отца. Тот тоже всегда предпочитал перемещаться на своих двух, говорил, что это помогает поддерживать форму. Где, интересно, он сейчас? Что делает? Глупые мысли, конечно. Расстались они не в лучших отношениях – Ирлинг не захотел идти путем, назначенным ему семьей. Будущий герцог Альята и канцлер Великого княжества Ластартского бежал из родного Мертволесья почти столетие назад, бросив службу в ордене Темного Храма и перспективу вскоре оказаться одним из личных стражей короля Данэирта. Отец наверняка считает это позором до сих пор, несмотря на все достижения сына за границей родной земли.

Резиденция Альята была небольшим двухэтажным строением с узкими окнами, одностворчатыми дверями и походила на крепость, в отличие от большинства домов на Дворянской улице. Она также выделялась материалом – мертволесской древесиной, гнетуще темной, в отличие от светло-серых каменных соседей. Ирлинг терпеть не мог камни, а хорошо сработанный сруб из деревьев его родины не уступал «каменным мешкам» ни в прочности, ни в огнеупорности. Дом этот соседи за глаза называли «пугалом». Ирлинг не обижался – он привык к непониманию и подозрительности за время своей жизни среди людей.

Канцлер раздал необходимые указания слугам и охране, поднялся на второй этаж. В доме было привычно прохладно и мрачно. Проверив корреспонденцию на столе и перечитав несколько наиболее важных писем, Ирлинг переоделся. Канцлерский камзол темно-синего цвета, вышитый золотой нитью, с серебряными фениксами на обеих лычках, и удобные свободные штаны сменили дорожный костюм; низкие туфли, более пригодные к каменным городским мостовым – высокие сапоги. Он взглянул в зеркало, уложил волосы и поправил воротник мундира. Улыбнулся самому себе. Нельзя, чтобы служба была в тягость – так он говорил себе всякий раз, когда князь срочно вызывал его к себе.

Следует подходить к делу как к вызову, с которым нужно справиться. А сегодняшний вызов, похоже, будет не из легких.

Будучи прекрасно образованным и вполне опытным (хотя полтора столетия для эльфа вовсе не возраст), Ирлинг отлично знал, как создаются и распадаются государства. Он осознавал, что основной опасностью для них являются внутренние интриги и распри. Пока группа единомышленников укрепляет свою власть в обществе, сражается с внутренними или внешними, но, что гораздо важнее, общими врагами – они способны преодолеть любые невзгоды и напасти. Но когда цель достигнута, а бывшие авантюристы и революционеры становятся властителями огромных земель и целых народов, вот тут их дружба, выдержка, цели и проходят главную проверку на прочность. Все это канцлер прекрасно знал, но как-то по-ребячески надеялся, что с ним этого не произойдет. И вот сейчас, видимо, пришло то время, когда два ближайших соратника Великого князя Неркана Элендского, Ирлинг Альята и Лону Беркликан начинали схватку за власть в стране.

Канцлер накинул легкий серый плащ, спустился вниз, велел ждать его к ужину и вышел через заднюю дверь. До дворца он пройдется в одиночестве, предавшись размышлениям. В центре города народу было мало – знать предпочитала летние месяцы проводить вне столицы. Крупных военных действий в ближайшее время не предвиделось, политические интриги в городе по случаю жаркого лета были отложены до более холодных времен, Государственный Совет закончил работу седмицу назад. Так что покой Дворянской улицы и Дворцовой площади нарушали в основном слуги да патрульные княжеские гвардейцы.

Дворцовая площадь была широкой, просторной, выложенной камнем. Находясь на возвышенности, она короной венчала Верхний Город. На ней располагались три построенных в разное время и сильно отличавшихся друг от друга дворца и кафедральный храм Морвида. Ирлинг по привычке склонил голову и прочел «*Иртэ анаи*» – начальные строчки Воззвания к Тьме. Улыбнулся сам себе – он никогда не был религиозен, но вбитые с детства привычки давали о себе знать. Правее храма расположился дворец старого князя Ластартского – Валра, где он счастливо доживал свой век, не зная нужды и забот. Дворец его, двухэтажный, но с высокими стрельчатыми башнями и узкими окнами-бойницами, напоминал о времени, когда это строение было замком, защищавшим расположившийся у подножия небольшой городок. Он был самым старым строением города. Окружавший его декоративный забор появился совсем недавно и был уступкой старого князя своему зятю Неркану для улучшения внешнего вида площади.

Левее храма расположился одноэтажный, округлый – в пустынном стиле – дворец Акры Ластартской, Великой княгини. Жена Неркана Элендского, князя Илинского, Великого князя Ластарсткого, Фаркского и прочих земель получила свой дворец в качестве свадебного подарка. Будучи на четверть пустынницей, Акра отличалась воинственным нравом, имела внушительную псарню, как ездовую, так и гончую, а также большую коллекцию боевых двуручных топоров. Ирлинг, который в свое время полагал брак Неркана и Акры чисто политическим, всегда удивлялся, насколько родственными душами оказались Великие князь и княгиня.

Во главе площади, аккурат напротив храма, расположился дворец самого Великого князя. Большой, четырехэтажный, украшенный морвидианскими статуями по фасаду, огражденный забором из черных прутьев с золотыми фениксами на каждом – дворец стал символом могущества Неркана Элендского и его неоспоримой власти.

Ирлинг прошел пост гвардейцев, слегка кивнув им. Оба гвардейца синхронно склонили головы, приветствуя канцлера. В дворцовом парке, более походящем на пролесок, эльф слегка замедлил шаг, наслаждаясь воздухом. Вокруг слышались голоса слуг, щелканье садовых ножниц и пение птиц. «Каждого эльфа тянет к лесу», – вспомнил он изречение своего учителя. Более ста лет назад он не воспринял его – не может каждый из огромного, разобщенного народа тянуться к лесу, ведь есть эльфы, которые никогда не

видели леса, всю свою жизнь прожив в городах или селах. Теперь он понимал, что утверждение это было справедливым – по крайней мере, в том, что касалось лично его. Мысли его вновь устремились к теме предстоящей встречи с Великим князем.

Неркан Элендский с самого начала проявил себя отличным организатором и стратегом, как в военном плане, так и в государственном строительстве. Именно поэтому, как казалось Ирлингу, интересы двух его ближайших соратников – самого канцлера и князя Лону – так долго, около полувека с момента начала расцвета могущества Великого княжества, сильно не пересекались. Но в последнее время Неркан начал все больше отходить от дел, предаваясь любовным интрижкам или же проводя большое количество времени в путешествиях по Срединным или даже Северным землям. Все больший груз ответственности он перекладывал на Лону и Ирлинга, как бы намекая, что в будущем кто-то из них может претендовать на высший государственный пост. Детей у Великого князя не было, что делало перспективу получения кем-то из соратников трона очень даже возможной. Иногда Ирлингу казалось, что Неркан специально провоцирует их на распри, желая посмотреть, как же они будут действовать в определенных ситуациях. Зная, что Великий князь никогда ничего не делает просто так, Ирлинг, как и Лону, из кожи вон лезли, чтобы показать, что они достойны высокого доверия. Лону Беркликан, формально являясь одним из четырех воевод Княжества, а на деле заведуя большей частью армии и речным флотом государства, в решении своих задач полагался на военную силу. Ирлинг противопоставил ему созданную им канцелярию – гражданскую службу, которая, однако, включала в себя также разведку и контрразведку Княжества, полагавшуюся на отлично обученных агентов, действовавших в одиночку или малыми группами. И вот теперь, видимо, эти две силы должны были столкнуться в княжестве Фарк, части Великого княжества, неожиданно ставшей точкой соприкосновения их интересов.

От этих мыслей канцлера оторвала молодая баронесса Мила Ратенская, новая фаворитка Неркана, с которой Ирлинг столкнулся у входа во дворец. Девятнадцати лет от роду, утонченная, Мила была третьей дочкой графа Ратенского. На наследство она не претендовала, учиться не желала, поступать на службу отказывалась. Все время и выделяемые ей отцом деньги Мила тратила на покупку нарядов и посещение балов – видимо, в надежде выйти замуж за богатого и влиятельного дворянина. Девушка озорно улыбнулась канцлеру.

- Доброго здравия, Ваша Светлость, - прощебетала она. – Я слышала, вы остепенились.

- И вам хорошего здоровья, пани Мила, - вздохнул Ирлинг. – Слух вас не подводит.

- И как поживает пани Альята? Ребеночка еще не ждете? – Милу не смутил не вздох, ни занятой вид Ирлинга, все ближе и ближе отступающего к двери, уже открытой дворецким. Эльф выругался про себя, но изобразил вежливую улыбку.

- Вашими молитвами. Нет, пока не ждем, - ответил он. Посвящать эту пани в свои семейные дела входило в его планы в последнюю очередь. – Прошу прощения, пани Мила – срочные дела у Великого князя

Мила сжала губки и, поклонившись, пожелала Ирлингу счастливого брака и долгих лет.

Раскланявшись с девушкой, канцлер прошел во дворец, отдал плащ одному слуге и сказал другому доложить о своем приходе. Слуга поклонился и удалился вверх по лестнице. Вскоре он вернулся и попросил Ирлинга пройти в верхнюю совещательную комнату.

Канцлер поднялся по широкой белокаменной лестнице на четвертый этаж, прошел по широким коридорам в угловую, наиболее дальнюю от лестницы комнату, предназначенную Нерканом для совещаний с наиболее приближенными лицами. Около нее не было писарской, в отличие от малого тронного зала, зала Государственного Совета или же трех других совещательных комнат. Соседствующими покоями были собственная спальня Неркана и оружейная, ключи от которой были у Неркана, Акры и коменданта

дворца. Верхняя совещательная была задумана как наиболее безопасное для проведения конфиденциальных переговоров помещение.

Комната была небольшой, с одним широким окном, выходившим на набережную реки Ласт, напротив двери. Помещение было обшито деревом, выкрашенным в темно-коричневый цвет. Из мебели в комнате стоял массивный квадратный деревянный стол, за которым с удобством могли разместиться четыре человека, и четыре одинаковых резных стула. В стену был встроен шкаф. В нем находился бар, включавший в себя любимые напитки князя и наиболее приближенных к нему лиц.

Неркан, смотревший в окно в тот момент, когда Ирлинг зашел, повернулся и протянул канцлеру руку. Они обнялись. Великий князь был чуть ниже Ирлинга, но шире в плечах. Темные длинные волосы были аккуратно расчесаны и спускались вниз гладкими прядями. Сам он выглядел как человек, который едва перешагнул за сорок, только серые глаза были глубокими, бездонными. Сколько лет жил на свете Неркан, Ирлинг не знал. Элендский был явно старше канцлера – но насколько, и откуда у обычного, казалось бы, человека такое долголетие, эльф мог только догадываться. С развитием магической медицины многие люди действительно смогли переступить столетний рубеж. Некоторые дотягивали до полутора сотен лет, а «избранные богами» жрецы или великие маги, казалось, нашли секрет бессмертия. Но в свои бессчетные года они и выглядели как почтенные старцы и убеленные сединами матроны. Неркан же был будто бы не подвластен времени вообще.

- Как поживает пан князь? – Ирлинг похлопал Неркана по плечу. – На молодух тянет?

- Прознал уже, шпион, – Неркан рассмеялся. – Отчего бы, пока жена на Большой Охоте, не вспомнить молодость и не тряхнуть стариной.

Большую Охоту учредила Акра для собственного развлечения. В леса Илина, вотчины Великого князя, съезжались охотники со всего Ластарта, а иногда даже из-за его пределов. Праздник продолжался несколько недель – и именно в этот период Неркан обычно менял фаворитку.

- Неркан, скажи честно, – Ирлинг сел за стол. – Что ты в ней нашел?

- Что старику нужно для счастья? – Неркан подошел к стенному шкафу, достал оттуда бокалы и бутылку крепкого ниадского вина. – Всего лишь внимание и ласка.

- Нет, ну серьезно, – канцлер принял из рук князя бокалы. – Она же недалекая. Ну да, формы, признаю, неплохи. Но и ничего выдающегося – в Мертволесье таких паненок держали для развлечений при воинах на заставах.

- Девочка решила, что может меня удивить, – Неркан усмехнулся, разливая вино по бокалам. – А мне интересно и до жути смешно, когда такие, как она, пытаются произвести на меня впечатление. Совсем другой характер отношений, понимаешь? Как, кстати, твоя супруга?

- Прекрасно, - Ирлинг улыбнулся. – Взаимопонимание и любовь. Да, жутко зла на тебя за сегодняшнее утро.

- К следующему своему визиту постараюсь загладить вину, - сказал Неркан и поднял бокал. – Во здравие, да будут добры к нам Боги.

- Во здравие, - откликнулся Ирлинг. – Но я думаю, ты вызвал меня не для того, чтобы обсуждать сердечные дела. И не для того, чтобы пить этот замечательный напиток. К сожалению.

Неркан кивнул и опустошил бокал до дна.

- Фарк, - выдохнул он.

Ситуация в Фарке действительно была сложной. Сравнительно недавно обнаруженные в местных горах большие запасы оружейного металла делали это княжество стратегически очень важной частью государства. Канцлер, понимая это, вложил в разработку месторождений и строительство обрабатывающих цехов огромные деньги. Поставки основного сырья для оружия давали, таким образом, Ирлингу больший контроль над армией и ставили Беркликана в очень невыгодную позицию. Однако гибель

в течение года правящих князя и княгини Фаркских привели к власти в княжестве их старшую дочь, политически необразованную и безвольную Альду. А вместе с ней ее прозорливого жениха, графа Милана Теринского. Граф Теринский, имеющий огромное влияние на свою невесту, немедленно объявил, что Великое княжество своими условиями в торговле, в том числе оружейными металлами и изделиями из них, просто грабит Фарк. Он прекратил поставки металлов в цеха и выдвинул абсолютно невыполнимые требования для их возобновления. Переговоры, в которых стороны пытались найти компромисс, велись уже почти целый сезон.

- Все наши инициативы отвергнуты, - Ирлинг посмотрел на Неркана. – А наш маленький граф продолжает придерживаться своих условий. На последнем Совете княгини Фаркской не было. Значит, ее мнение полностью совпадает с мнением жениха.

- У нее нет собственного мнения, - Неркан поморщился. – Ее отец, хотя и был отличным человеком, дочь воспитал несамостоятельной дурочкой.

- Ты же таких любишь, - усмехнулся Ирлинг.

- Не в политических делах, - Неркан снова наполнил бокалы.

- Что говорит Лону? - спросил Ирлинг, удобнее усаживаясь на стул.

Неркан снова подошел к окну. Потягивая вино, он смотрел на неторопливое течение Ласта.

- Точка зрения Лону тебе известна, - произнес наконец он. – Будь его воля, он бы установил военный контроль по всему Княжеству.

- Не самая, надо сказать, плохая идея, - ухмыльнулся Ирлинг. – Потом разогнать дворянство к длимерновой матери, вооружить мястчан – и все будут счастливы.

- Кроме, богатой, хорошо вооруженной, обученной и до кучи весьма озлобленной толпы дворян, - заметил Неркан. – Не говоря уже о том, что, ты прекрасно понимаешь, Лону никогда не решится их разогнать. Он видит в дворянстве опору трона. И делает ставку как раз на консервативных представителей.

- Знаю, - кивнул канцлер. – В этом они с Теринским похожи. Не был бы тот сепаратистом – наверняка нашел бы с нашим Лону много общего.

- Ну, все-таки, не настолько похожи, - покачал головой Неркан. – Я, кстати, до сих пор не понимаю, почему ты делаешь ставку на Теринского?

- Я не делаю ставку на Теринского, - поморщился Ирлинг. – Я делаю ставку на деньги. Мы слишком много вложили в развитие добычи в Фарке, чтобы просто так это терять. И Теринский, имея с этого приличный доход, не может не понимать, что пилит сук, на котором сидит. Я стараюсь пробудить в нем здравый смысл.

Неркан постучал пальцами по столу. Затем вновь наполнил опустевшие бокалы и отпил глоток.

- Покамест не пробуждается, - сказал он. – И я не уверен, что он у него вообще есть. Насколько я понимаю, он фанатик-идеалист.

- Или просто хитрец, жаждущий выбить из нас побольше преференций и привилегий, - возразил Ирлинг. – И что ты думаешь делать?

- Я? Я собираюсь встретиться с послом гномов, который будет меня уверять, что поднятые цены на чародейские кристаллы – отнюдь не диверсия и не нарушение соглашений. Потом выслушать, что по этому поводу думает наш уважаемый скарбничий. Ну, и еще принять послов Ресментеля и Мертволесья, послушать, какие еще гадости, прости, трудности стоят на пути укрепления нашего вечного союза. Я бы с удовольствием передал бы эти дела тебе – но, к сожалению, все они хотят видеть меня лично. Поэтому на тебя я сейчас переложу проблему Фарка. Ее надо решать, и решать как можно скорее.

- От меня ты ждешь вариантов, - утвердительно сказал канцлер и Великий князь кивнул.

Ирлинг встал и начал прохаживаться по комнате.

- Самое простое – это убийство Теринского. Но оно равносильно военному вмешательству – после его смерти на вакантный стул найдется множество претендентов, и Лону обязательно воспользуется случаем обкатать своих бойцов.

- Что совершенно невыгодно никому, кроме Лону. Также мы не застрахованы от того, что княгиня из упрямства не найдет кого-нибудь еще более… своеобразного, – Неркан присел на стул и глазами следил за Ирлингом.
- Сюда же идут все способы, включающие в себя заключение графа под стражу. Хотя я могу побиться об заклад, что после дня, проведенного в подвалах на Речном переулке, он бы согласился на все что угодно.
- Но тут уже на уши поднимется дворянство – и ситуация может стать неприятнее, - заметил Неркан.
- Зря ты мне все-таки не дал провести поправки о праве на превентивный арест дворянина без согласия местного сейма, - Ирлинг криво усмехнулся.
- И через сезон арестовывали бы уже нас, - Неркан скептически посмотрел на канцлера. – Ты иногда поразительно недальновиден. Ладно, давай далее.
- Далее… а что, собственно, далее. Мы можем предлагать ему более компромиссные варианты, бряцая оружием – я думаю, жить он хочет и понимает, что к чему.
- Он понимает. Но он не может не понимать расклад – военное вмешательство усиливает позиции Берклики в Великом княжестве, а этого ты допустить не можешь, а я, без крайней необходимости, не хочу.
- Тогда… - Ирлинг остановился и посмотрел на Неркана. – Ведь детей у князя Фаркского было двое?
- Было, - подтвердил Неркан. – Вторая девочка родилась в год, когда мы выбили пустынников из Реэя. Но это не решает проблему – она вторая и в очереди на престол.
- В случае необходимости она может заявить о своих правах, - Ирлинг хитро улыбнулся. – И это уже не свержение династии, а… скажем, восстановление справедливости. Прецеденты были, ты это знаешь. Из самого недавнего – Айнвилльский переворот.
- А где гарантия, что она не окажется такой же или еще более инфантильной, нежели ее сестра? – Неркан отставил бокал в сторону. – Мне хочется уверенности, варианта, который бы привел нас к решению проблемы, а не к возникновению новых.
- Нам необязательно сажать на престол девчонку, мы можем сделать вид, что хотим видеть ее на престоле. И когда Теринский поймет, что его власть под угрозой – мы навяжем ему те условия, которые будут нам удобны.
- Как один из вариантов это неплохо, - согласился Неркан. – Можешь также рассмотреть вариант брака младшей дочери с кем-нибудь из лояльных влиятельных родов Фарка. Это усилит ее позиции.

Эльф допил вино залпом. Посмотрел на пустую бутылку, покачал головой.

- Сколько у нас есть времени?
- Траур по матери старшая Фаркская будет держать еще три четверти года. До его окончания они не смогут сыграть свадьбу и Милан Теринский будет просто одним из графов, а не правящим князем. Это все время, что нам отпущено на решение проблемы. Чтобы предложить мне приемлемое решение, у тебя три дня…
- Пять, - сказал Ирлинг.
- Четыре дня, - продолжил Неркан. – После этого я хочу видеть стратегию действий. Если нет… Берклика и Илин начнут войсковой сбор. Я хочу быть готовым ко всему.
- Я понял, Великий князь, - Ирлинг встал и поклонился. – И не подведу тебя.
- Очень надеюсь, Ирлинг. У нас хватает внешних угроз и целей. Я бы не хотел, чтобы вы теперь стали с Лону грызть друг другу глотки.

«Если бы не хотел, то не сталкивал бы нас лбами, - думал Ирлинг, пожимая Неркану руку. – Ох, знать бы, что ты на самом деле задумал, Великий князь». С этими мыслями канцлер покинул переговорную. Он спустился вниз, подозвал к себе слугу.

- Отправьте гонца в центральную канцелярию и к подканцлеру Лито. Пусть передаст, что завтра утром я хочу разложить пасьянс.
- Разложить пасьянс, - повторил слуга. – Понял, Ваша Светлость. Еще указания?
- Нет.

- Всего хорошего, Ваша Светлость, - второй слуга подал ему плащ.

Ирлинг вышел из дворца и направился на Дворянскую. После хорошего вина самое время было хорошенько отужинать.

Ластарт. Год 1476 от В.Н., 46 день лета.

Граф Лито Легийский был мужчиной обстоятельным, исполнительным и по-служилому мудрым. От его отца ему достался низкий рост, темно-каштановый цвет волос и склонность к полноте, с которой он по мере сил боролся. От матери – жрицы из Зеленолесья – усидчивость, трудоспособность, аналитический склад ума и правильные черты лица. Собственно, во многом благодаря первым трем из материнских качеств он и добился текущего поста. Выйдя в отставку в звании сотника восточного войска и с титулом барона двадцать лет назад, он не начал наращивать жирок в полученном от герцога Альята фольварке, в отличие от своих сослуживцев, а сразу перешел к активным действиям по улучшению своего социального положения. Со службы он ушел не потому, что здоровье начало подводить – хоть это он и называл официальной причиной. Даже сейчас он все еще мог несколько часов заниматься активной физической подготовкой и после этого отправиться, как ни в чем ни бывало, на ночной бал. Но на военной службе он мог получить повышение лишь во время военных действий, а война – вещь непредсказуемая. Поэтому он сразу отмел все гвардейские и любые другие должности, которые несли с собой возможность быть направленным в сторону, где в меру разумные существа выясняют отношения с помощью самострелов и клинков. Перебрав возможности личной службы, их он тоже отверг. Ему вовсе не хотелось до старости лет прислуживать князьям и графам, смеяться над их шутками, видеть, как они впадают в маразм, и разбираться с их политическими или личными врагами. В конце концов, он решил, что нашел выход – и, добившись аудиенции у герцога Альята, попросился на службу в канцелярии.

К моменту, когда Лито, тогда еще не граф Легийский, а барон Тарнаский, решил поступить на службу, властные структуры Великого княжества не сильно отличались от окружающих его государств. В них законодательная власть обычно принадлежала монарху и самым влиятельным дворянам, исполнительная и судебная – их приближенным и воинам. В городах, если им было даровано самоуправление, все решал городской совет и городская же стража. Если же самоуправление не даровалось, то и там свою волю распространяли дворяне. Сменить эту систему смогли лишь Мирградская торговая республика – во главу поставив парламент, составленный из представителей всех городских сословий, и Рамондская Империя, где волю Императора Сайдэна исполняли Консулат и легионы. Великий князь Ластартский тоже был недоволен существующей системой, но вынужден был считаться с мнением дворянства, самой значимой вооруженной силой в государстве. Он, однако, постепенно проводил необходимые ему реформы. Инструментом их проведения и стала великокняжеская канцелярия. Сперва ей были переданы регистрационные и метрические функции, которые отобрали у жрецов. Храм был недоволен, но дворянство его не поддержало, а Неркан пообещал перестать выплачивать жречеству обязательный налог и пересмотреть права на храмовое имущество. Жрецы грозили Великому князю отлучением, но так и не решились на активные действия. Канцелярии были выстроены в каждом, даже самом захолустном городке. Вскоре писари были приставлены к городской страже, дабы усилить правоохранительную систему и помочь зачастую неграмотным стражникам. Даже княжеские и графские гвардейцы должны были теперь при свершении арестов по воле своего сюзерена писать отчеты в канцелярию, которая медленно, но неуклонно становилась основным инструментом исполнительной власти. Этот инструмент позволял Великому князю проводить свою политику на местах, часто в обход мнения местного дворянства или же городских советов. Структура канцелярии росла, круг вопросов, которыми она занималась, также неудержимо расширялся. Соответственно, росли и перспективы, связанные со службой в ней.

Лито был назначен руководителем городской канцелярии, с соответствующим этой должности званием мястканцлера, в одном из небольших городов княжества Вылла, где в

то время началась борьба между местными бандитами за передел сфер влияния. Восприняв назначение как испытание своих качеств, Лито принялся неистово трудиться. Всего за сезон он упорядочил дела по городу, ввел своих людей в три преступные группировки, а четвертую – наиболее несговорчивую – локализовал и уничтожил силами небольшой группы агентов. Нормализовав положение в городе, он оставил без сбыта дохода и поддержки несколько отрядов лесных братьев, которых чуть позже перебили регулярные части Северного войска.

Еще через сезон он получил повышение до графканцлера и был направлен в графство Легия на территории княжества Ластарт. Здесь ему пришлось здорово потрудиться – правящим графом здесь оказался хитрый и проницательный Карл Легийский, третий сын достославного отца, заслужившего свой титул в битвах времен основания Великого княжества. Сведя в могилу старшего брата и сестру, Карл потратил много времени, чтобы укрепиться на графском троне, и создал крупную криминальную сеть, которая, впрочем, была выгодна многим его соседям, да и вообще местному баронству. Почти десять лет потратил Лито на осуществление операции по привлечению графа Легийского к правосудию – после того, как тот отказался делиться частью дохода с казной. Будущий подканцлер не питал иллюзий по поводу чистоты политических игр. Он лишь старался по возможности улучшить мир вокруг себя – если это позволяли интересы государства, Великого князя и канцелярии. Он пережил семь покушений, но добился своего: посадил в острог, отправил на каторгу и лишил имущества более десятка дворян и полусотни мястчан – за преступления против Княжества. Лито создал и доказал необходимость боевых отрядов канцелярии, небольших групп «боевых писарей», которые проводили внутренние расследования там, где вмешательство графской или княжеской гвардии было либо невозможным, либо нежелательным, а сил и полномочий городской стражи не хватало. Все его усилия закончились грандиозной операцией, которую он возглавил лично. Граф Карл был взят под арест, обвинен в измене и обезглавлен на Бурой Площади в Ластарте. Его титул и имущество получил Лито. А вместе с ними и должность подканцлера – одного из двух личных помощников канцлера Ирлинга Альята.

За ситуацией в Фарке Лито наблюдал с того момента, когда умерла княгиня Илла, мать нынешней княгини Альды. Глядя на то, как ухудшаются отношения между Ластартом и Фарком, и зная, сколько средств было последнее время вложено в непокорное ныне княжество, подканцлер был уверен, что рано или поздно вмешательство канцелярии станет неизбежным. Когда он из своих источников получил донесение, что Лону Беркликан, главный политический противник Ирлинга Альята, готовит силовой вариант решения Фаркского кризиса, Лито понял, что надо действовать. Граф Легийский был умен и всецело предан канцлеру. Он понимал причину разногласий того с князем Беркликаном и рассчитывал, что в случае успеха своего руководителя тот не забудет, кто этот успех обеспечил.

Когда Ирлинг перечислял Великому князю варианты действия канцелярии, он опирался на подготовленный Лито доклад. Подканцлер включился в разработку возможных вариантов развития событий с момента провала первых переговоров с Теринским, две трети сезона тому назад, и был готов предоставить доклад к Государственному Совету, но предпочел придержать его до необходимости и лишь четыре дня назад отправил для ознакомления Ирлингу. Несвоевременно предоставленные бумаги и сделанные дела могут повредить работе – и, в конечном счете, ему лично, так считал Лито. И эта точка зрения никогда его не подводила.

Граф Легийский отдыхал у себя в особняке на Храмовой улице. Он купил себе небольшой двухэтажный домик здесь – подальше от Дворянской и Графской, почти у самого храмового квартала. Легийский ценил богатство и привилегии, предоставляемые его положением, однако терпеть не мог шума и суеты, которые обычно царили в самых богатых кварталах столицы. Здесь же, в своем уютном тихом доме, он мог перечитывать любимые трактаты и повести, писать заметки в одну из ластартских газет и обдумывать

перипетии будущего произведения – о детективе-пустыннике, который благодаря своим природным качествам распутывает убийства в бедняцком районе вымышленного города. Сюжет нравился Лито, но всякий раз, когда он был уже готов взять в руки перо, его отрывали неотложные дела.

Вот и сейчас, только, казалось, сюжет сам готов был лечь на бумагу – слуга доложил, что прибыл гонец из великокняжеского дворца. Граф вздохнул – начальство с назойливым упрямством прогоняло от него музу. Конечно, он мог попросить отставки, но менять карьеру успешного чиновника на долю начинающего писателя Лито считал глупостью.

Гонец в точности передал послание канцлера. Лито поблагодарил его, вручил две медные монеты и снова вернулся в кресло. Вызвал слугу, велел принести ему кофе, а затем вынул из внутреннего кармана трубку. Набив ее и подпалив от лучины в камине, он встал и подошел к окну. По улице в направление храмового квартала чинно шествовали шесть служителей Назара. Наблюдая за ними, Лито задумался.

То, что Ирлинг из всех предложенных вариантов выбрал именно «пасьянс», было закономерно. В ситуации, когда любое неаккуратное действие может привести к гражданской войне, было совершенно логично свести возможность спровоцировать вооруженный конфликт к минимуму. Вообще Лито склонялся к тому, что вся эта ситуация изначально провоцировалась Беркликой – слишком уж удачно все выходило для армии. Западное воинство, находившееся в прямом подчинении Беркликана, только что получило большую партию новых самострелов и закончило реорганизацию по новому образцу. Конфликтов на западе Княжества пока не предвиделось, и организовывать их было делом неблагодарным. Да и жаркое сухое лето способствовало ведению боевых действий, тем более на хорошо знакомой местности.

Для канцелярии же нынешняя ситуация была, наоборот, неприятной. Часть боевых групп Лито была на заданиях в Срединных землях, часть занималась вновь распоясавшимися бандами и лесными братьями, пришедшими в движение после производственных инициатив Великого князя, касавшихся расширения экономических возможностей мелкого мястчанства. А уж Фарк для подканцлера Легийского был совсем больной точкой – руководителем канцелярии этого княжества был граф Лиин Миковский, влиятельный дворянин, сторонник Милана Теринского. Но, что более важно, княжканцлер Миковский был ставленником второго подканцлера, Стефа Клийского, который любой нажим на своих протеже воспринимал как личное оскорбление и попытку вмешательства в свои дела. Все эти обстоятельства граф Легийский описал канцлеру в своем докладе. Теперь он знал, что канцлер ознакомился с ним и завтра утром операция, судя по всему, будет взята в разработку. Значит, сегодня вечером он поедет на рабочее место и ночью сможет тщательно и без лишней суеты организовать необходимые материалы.

И еще он сможет показать, что работа занимает у него огромное количество времени – ведь ничто так не ценит любое начальство, как занятого подчиненного.

Ластарт. Год 1476 от В.Н., 47 день лета.

Кабинет у подканцлера Лито был просторный. Размещался он на втором этаже трехэтажного здания Канцелярии Великого княжества. Широкое окно выходило на проспект Согласия – главную улицу Ластарта, ведущую от центральных ворот через весь город к Дворцовой площади. Сейчас оно было закрыто и завешено шторой так, что в кабинет не проникали ни свет, ни звуки с улицы. Над рабочим столом подканцлера – парадный портрет Великого князя, написанный полвека назад, после официального утверждения Ластарта столицей Великого княжества, и лампа чародейского огня, тускло освещающая помещение.

- Итак, пан Лито, - Ирлинг сидел на месте самого Лито. Подканцлер присел на менее удобный стул, с которого обычно на него взирали подчиненные. – Я ознакомился с вашим докладом и вчера обсудил ваши варианты с Его Величеством.

- Что сказал Его Величество?

- Великий князь на нашей стороне, - Ирлинг сделал короткую паузу, выразительно посмотрел на Лито, а потом продолжил, - пока, по крайней мере. И одобрил проведение операции.

- Операции «пасьянс»?

- Той, которую мы решим проводить, граф, - Ирлинг наклонился вперед. – Через три дня я должен представить Его Величеству вариант, который его устроит. Мне бы хотелось еще раз посмотреть на расклад в целом.

- С позволения Вашей Светлости, - Лито посмотрел на Ирлинга, и тот кивнул. Подканцлер подошел к полкам у дальней стены, вынул несколько увесистых папок, принес, положил на стол и начал доставать оттуда листы.

- Сначала пройдемся по колоде наших противников. Во главе сейчас номинально находится Альда Фаркская, - подканцлер положил черно-белый печатный портрет молодой девушки на стол перед Ирлингом. Затем рядом с ним положил другой портрет – красивого молодого мужчины. – Реально же всем управляет граф Милан Теринский. Милан выступает за большую независимость княжеств и за меньшее влияние центра, чем и снискал поддержку широкого круга дворян. У мястчан он менее популярен, хотя некоторые цеховики и купцы выказывали открытую поддержку его курсу. Не очень многие, но все-таки. Самыми влиятельными его союзниками являются род Озерецких во главе с графиней Лианой и род Миковских во главе с графом Лиином Миковским, княжканцлером Фарка.

- Очень неудобно, когда твои люди становятся твоими же противниками, - сказал озабоченно Ирлинг. – Тем не менее граф Клийский утверждает, что Лиин всегда был профессионалом и не допустит в своих действиях никаких поблажек Теринскому, окажись тот в открытом противостоянии с Княжеством.

- Будем молить Богов, чтобы слова графа Клийского оказались истинны, - сказал Легийский, выкладывая портреты еще нескольких молодых людей. – Далее. Из наиболее активных сторонников Милана Теринского мы можем также отметить Борина Циверского, старшего сына тысячника гвардии Теринки. По словам наших людей, очень несдержанный и честолюбивый субъект. Затем Йатик Клесский, старший сын из рода графов Клесских из Выллы. Чуть больше двух лет назад Клесский разругался с отцом, покинул родовое имение и выкупил землю в графстве Терия.

- Причина ссоры?

- Судя по слухам, Йатик оказался ярым эльфофобом и заявил отцу, что тот, ведя торговлю с Мертволесьем, предает интересы Княжества.

- Ох уж эта молодежь, - обращаясь сам к себе, сказал Ирлинг. – Прошу, граф, дальше.

- Хорунжий Коссит Анесский, имеет фольварк в графстве Терия.

- Из действующего войска? – заинтересовался Ирлинг.

- Приписан к Западному воинству, командует Озерецкой сотней, элитным верховым подразделением.
- И вот только пусть скажут мне после этого, что Лону здесь совершенно не причем, - усмехнулся Ирлинг.
- Эта троица, - продолжал тем временем Лито, - и примкнувший к ним купец Кир из Айния основали клуб под названием «Гарда», в котором собираются дворяне – эльфоненавистники и сепаратисты. Именно члены этого клуба и его основатели и составляют основное ядро приближенных Теринского.
- Еще кто-нибудь стоящий внимания?
- Из известных нам лиц – это все, - ответил Лито. – Теперь о других картах в раскладе. В явной оппозиции Милану Теринскому стоят дворяне Рейка – вотчины покойной княгини Иллы. Основными фигурами среди них являются баронесса Ирия Найская, двоюродная тетя покойной, и барон Талько Бойковский, тысячник гвардии Рейка. Последний интересен тем, что яро симпатизирует князю Лону.
- И выступает за интервенцию, как я понимаю, - сказал Ирлинг.
- Пока не открыто, - согласился Лито. – Но ходят слухи, что Берклика вооружает и снабжает гвардию Рейка. Основной оплот Беркликана в Фарке, Озерец, как я уже говорил, выступает в этом конфликте на стороне Теринского.
- Или делает вид, что выступает на стороне Теринского, - заметил Ирлинг. – Если Лону пытается нас переиграть.
- Среди Рейкского дворянства у нас есть и свои люди, что позволит нам вовремя получить информацию, если вдруг Найская или Бойковский решатся на самодеятельность. Остальная часть дворянства Фарка не выказывает особого интереса к междоусобной борьбе, - продолжил Лито. – Думаю, это связано с тем, что графы смотрят на метания Теринского как на придурь, а более мелкое дворянство этого региона занято своими повседневными трудностями и не хочет лезть на рожон.
- Я думаю, что остальные видят в этом конфликте то, чем он на самом деле и является - междоусобицу, – грустно усмехнулся Ирлинг. – Вы дворянин во втором поколении, граф?
- В третьем, Ваша Светлость, - Лито удивленно и немного неприязненно посмотрел на герцога. – Но все мои благородные предки не смогли заслужить наследственное дворянство.
- Не обижайтесь, граф, - эльф перестал улыбаться. – Я-то вообще дворянин первого поколения. Видели бы вы, как на меня смотрят мои вассалы на сейме в Альяте, те самые, за плечами которых десятки благородных предков. И плевать им, что я старше их всех, и многих – на целое столетие.
- Боюсь, не улавливаю сути, Ваша Светлость.
- Я к тому, что Фарк – просто собрание старинных родов. Даже Картент, несмотря на то, что графиня она в первом поколении, имеет за плечами род с историей в полтора столетия. А уж остальные роды восходят чуть ли не к Войнам Падения, а это полторы тысячи лет. Такие люди смотрят на междоусобицы свысока, как на суету. Пока эти усобицы не коснутся их лично или же не будет слишком поздно. Когда твой род тянется поколением, ты успокаиваешься, теряешь хватку. Считаешь, что так оно и будет продолжаться вечно. Поэтому они и не желают выбирать сторону – думают, что их это не касается.
- Может быть, Ваша Светлость, - не стал спорить Лито.
- Ладно, граф, мы отвлеклись, - сказал Ирлинг и подался вперед. – Какие у нас есть варианты расклада?
- Исходя из поставленных задач, мы не можем сбросить верхние козырные карты. Заменой им наверняка будет некто из младших мастей, некто гораздо более радикальный – например, Борин Циверский. Я боюсь, в случае гибели Теринского, княгиня Альда окажется полностью в руках группировки «Гарды». Если же задуматься на секунду о ее смерти – это подтолкнет все еще колеблющихся дворян против нас. Также, как я уже

отмечал в докладе, мы не смогли установить никаких сведений, порочащих Теринского – ни в глазах его будущей невесты, ни в глазах дворянских родов.
- Это понятно, - кивнул канцлер. – Что с его окружением?
- Проверка не показала компрометирующих связей, - уверенно сказал Лито. На самом деле проверку окружения графа Милана провели очень поверхностно – фаркская агентура теперь не заслуживала доверия, так как в основном подчинялась Миковскому, а новую сеть в такой короткий срок создать не удалось. Внутреннее чутье же говорило подканцлеру, что все ответы на вопрос «почему?» лежат на поверхности и тратить силы и время на поиск потаенного смысла толку не имело. – Не желаете ли чего-нибудь выпить, Ваша Светлость? – спросил подканцлер, уходя от неприятной темы.
- Нет, благодарю, граф, - ответил Ирлинг. – Себе закажите, если есть желание.

Лито вызвал секретаря, пожилую статную даму, и попросил ее принести кофе.

- Из вышесказанного следует, у нас остаются два варианта игры – операции «ход козырем» и «пасьянс»: соответственно, мы либо пытаемся заместить Альду Фаркскую и, в конечном итоге, Милана Теринского кем-то из своих людей, либо делаем вид, что пытаемся это сделать. И в этом моменте мы переходим, собственно, к нашим картам, - сказал граф после того, как секретарь вышла. – Как я упоминал в докладе, у старого Виро была еще одна дочь – княжна Эглина.
- Старик был не лишен самоиронии, - ухмыльнулся канцлер. – Назвать дочь Радостью, и это при том, как он хотел сына.
- По имеющейся информации, имя дочери дала мать, так как отец отказался принимать участие в жизни ребенка, - Лито протянул Ирлингу несколько листов. – Предваряя вопрос: нет, князь не отказывался от своей дочери официально. Просто он полностью игнорировал факт ее существования. До девяти лет девочка воспитывалась под присмотром матери приходящими наставниками. Обычное дворянское воспитание – этикет, фехтование, танцы, мертволесский и южное наречие. А вот затем…
- Только не говорите, что она сбежала из дому и ее приютила труппа бардов или банда разбойников, - Ирлинг, пролистывая переданное ему дело, остановился на портрете Эглины, выполненном на обряде посвящения. Портрет не был печатным, видимо, являлся оригинальным изображением из метрической книги. Девочка с серебряного цвета волосами, курносым носом, худыми щечками и синими глазами, в которых читалась непомерная тоска. Художник так чудесно передал это выражение, что на секунду Ирлингу стало жаль Эглину.
- Нет, не сбежала. За ее образование мать взялась всерьез и наняла мертволесского эльфа. Обычная практика в высших дворянских кругах, но имя воспитателя княжны может показаться вам знакомым, - Лито передал лист с донесением.
- Еще как знакомым, - проговорил Ирлинг, стараясь оставаться бесстрастным. – Мастер Айклин из Стражи Темного Трона.
- Да, Иниан Айклин, - кивнул Лито. – Мертволесский эльф, бывший воин гвардии короля Данэирта, из-за разногласий бежал из Мертволесья десять лет тому назад.

Вошла секретарь и поставила перед Лито маленькую чашечку, которую тут же наполнила из кофейника. Лито жестом указал оставить кофейник на столе, что секретарь и сделала, прежде чем покинуть кабинет.

- Я не знал, - протянул Ирлинг задумчиво, - что Мастер покинул Мертволесье. Должно быть, у него были веские причины.
- Вы были с ним знакомы лично, Ваша Светлость? – поинтересовался подканцлер.
- Мимолетно, граф, мимолетно, - соврал канцлер.

Ирлинг когда-то учился у Мастера Айклина. Иниан Айклин был Темным Храмовником, ланиртом, одним из немногих храмовников старой школы, уцелевших после битвы у Аш-Твара. Он был строгим учителем, но лучшим из тех, кого Ирлинг знал. И очень, очень хитрым и прозорливым. Последний раз их встреча закончилось, прямо скажем, скверно. Именно Айклину поручили остановить молодого ланирта Ирлинга от

побега, и отношения у них были испорчены. У Ирлинга – все еще периодически ноющим, несмотря на все старания лекарей, шрамом вдоль спины. А у Айклина – двумя убитыми учениками.
- Ходят слухи, что перед его отъездом из Мертвого Леса его лишили меча, который, как говорят, многое для него значил.
- Еще как многое, - мрачно усмехнулся Ирлинг. Он никогда не распространялся о том, что его тренировали на ланирта – даже когда сам проявил инициативу в обучении молодых агентов основам обращения с темным искусством. Лито был одним из немногих, кто знал эту подробность биографии канцлера. – Храмовники обручены со своими мечами. Вернее, связь даже больше, но точного синонима я не подберу. Но это, разумеется, между нами.
- Конечно, Ваша Светлость, - кивнул Лито. – Итак, Иниан Айклин бежал из Мертволесья. Зарабатывал себе на жизнь по-разному. В том числе и обучением дворянских детей. Младшую дочь Фаркского Мастер Айклин учил до тринадцати лет – после чего князь Виро все же обратил внимание на воспитание дочери, вернее, на то, что дочь становится чересчур, по мнению князя, самостоятельной. И прогнал со двора эльфа. Это было восемь лет назад.
- Что сталось с Айклином после этого? – осведомился Ирлинг.
- После этого он обосновался и пять лет находился в рядах Гончих Хамса.
- Отряд наемников, которые передавали нам информацию о происходящем на северо-западе? – уточнил Ирлинг.
- Да, пока внезапно не исчезли, - подтвердил Лито. – Потом оказалось, что их перебили.
- Значит, старик мертв? – спросил Ирлинг.
- Как оказалось, нет, - ответил подканцлер. – Недавно он прибыл в пределы Великого княжества. Под вымышленным именем. Если Ваша Светлость интересуется, я запрошу подробности.
- Потом, граф, - махнул рукой Ирлинг. – Давайте дальше по раскладам.
- Итак, Эглина Фаркская. Доподлинно неизвестно, но по информации, которую можно считать достоверной, после изгнания Мастера Айклина между дочерью и отцом произошел скандал и Эглина покинула родительское гнездо.

Ирлинг в удивлении поднял бровь. Девочка устроила скандал тираническому папаше? И это в тринадцать лет?
- Откуда эти слухи?
- Несколько слуг слышали, как князь орал на дочь, а молодая княжна в ответ кричала, что ненавидит его. Слугам, конечно, было велено молчать, но когда они умели держать язык за зубами? – хмыкнул подканцлер.
- Хорошо, - кивнул канцлер. – Очень хорошо. Что же наша девочка сделала дальше?
- Приехала в Ластарт и поступила в Княжескую Академию. Закончила курс общих дисциплин и дипломатический факультет. Дипломатический – с отличием. После этого была распределена дельным писарем в канцелярию города Нирра, графство Вилье, княжество Ластарт. Известна на службе как Эглина из Рейка. В настоящее время получила должность писаря польного – работает там же. Не замужем, живет на съемных апартаментах. Связь с семьей, по нашим сведениям, не поддерживает. Если говорить о титулах, то сейчас Эглина вполне может зваться графиней Рейкской, так как наследует младший титул в семье.
- Хм, девочка упрямая и своенравная, - заключил Ирлинг. – И вполне себе самостоятельная.
- Думаю, мы можем утверждать это вполне точно, Ваше Высочество, - согласился подканцлер. - Она – самый подходящий кандидат для нашей операции, какой бы из вариантов мы ни выбрали. Следующие после нее кандидаты на престол Фарка настолько спорны, что подойдет любой более-менее знатный представитель местного дворянства. Если вы пожелаете, я, конечно, мог бы предоставить вам самые подходящие кандидатуры из них…

- Не стоит граф, - остановил его Ирлинг, минувшим вечером освеживший в памяти родственные связи высшего дворянства Великого княжества и уже сложивший в уме иерархию этих самых кандидатур. – Мы остановимся на Эглине Фаркской. И, думаю, лучшим вариантом будет операция «пасьянс». Это может избавить нас от многих проблем в будущем. Я почти уверен, что граф Милан или его окружение не упустили из вида младшую дочь Фаркского. Поэтому мы как можно громче заявим о том, что делаем ставку на нее. Сделаем ее младшим козырем. Который, в случае обострения ситуации, может вполне сыграть главную роль. А там пусть Теринский думает: если ему дорога его власть, его деньги и владения – ему придется пойти нам на встречу.

Лито кивнул и вынул из оставшейся стопки папок одну, средних размеров, и положил на стол. Потом поднялся и вернул остальные документы обратно в шкаф.

- В этом случае упрямство и своенравность княжны хорошо и плохо одновременно, - сказал он, вернувшись на место. - Наша задача – дать Теринскому понять, что он и Альда не незаменимы. Говоря же о нашем объекте, я имею в виду княжну Эглину, я не уверен, что, войдя в игру, она согласится на роль разменной карты.

- Мы ведь можем не сообщать ей, какую именно роль она играет, не так ли? – улыбнулся Ирлинг. – Пускай она считает, что все происходит по-настоящему. Какие действия вы бы предложили в этом случае?

- Исполнители проведут работу с объектом и сделают все, чтобы она согласилась работать с нами. Это действия по ситуации, их я предлагаю оставить их на разработку. Здесь остается вопрос: насколько мы должны информировать исполнителей о действительных планах?

- Что вы советуете?

- Наша операция может принять разные обороты, - ответил Лито. – Поэтому я бы не сообщал нашей группе, что это все – имитация для Теринского. Пускай думают, как и объект, что операция серьезна. В случае чего, мы сможем от всего откреститься.

- Разумно, - кивнул Ирлинг. – В конце концов, если придется отыграть операцию назад или же доводить ее до логической развязки, очевидность нашего участия может только повредить, - как операции, так и объекту. Значит, играть будем втемную. Кандидатуры исполнителей вы уже подобрали?

- С вашего позволения, Ваша Светлость, - Лито протянул Ирлингу оставшуюся на столе папку. – «Алый клинок», особая операционная группа канцелярии под руководством барона Динского. На мой взгляд, группа отлично подходит для выполнения любой поставленной задачи в рамках операции «пасьянс».

- Пан Песка, - кивнул Ирлинг. – Тяготеет к псам и пафосным названиям. Он и его ребята проводили рейд в Липках. Я правильно помню?

- Да, Ваша Светлость.

- Почему именно они, пан Лито? - Ирлинг посмотрел на заместителя. – Насколько я знаю, это опытная группа, которая специализируется на работе с криминалитетом и боевых операциях.

Лито вздохнул. Он сделал глоток кофе, раздумывая, с чего начать.

- Первое, чем я руководствовался, это то, что наши карты придется играть втемную, - посмотрел на канцлера Лито. – Алый Клинок – отличная группа с достаточным опытом. Но все-таки не настолько поднаторевшая в политических интригах, чтобы догадаться обо всех аспектах нашей игры. Вы заметили, что среди Алого Клинка дворянином является только барон Динский.

- Заметил, - кивнул Ирлинг. – И считаю это упущением. В случае их назначения и проведения операции дворянами стоит сделать всех – они это заслужили.

- Как скажет Ваша Светлость, - склонил голову Лито. – Но я бы делал это позже. Или посмертно.

- Бросьте, подканцлер, - поморщился Ирлинг. – Их задача – вывести княжну из-под возможного наблюдения Теринского и привезти ее сюда, под нашу охрану. Риск

столкнуться с противодействием князя Лону минимален – откуда бы ему узнать о наших действиях? Не такая уж это и опасная операция. И, кстати, я пока не вижу в чем их преимущество именно для этих действий, кроме недостатка политического опыта.
- Подходя ко второму пункту, я бы хотел ознакомить вас с характеристикой Клинка.
- Кратко, пожалуйста, - сказал Ирлинг.
- Итак, группа образована нами четыре года назад из перспективных кадров канцелярий Берклики, Фарка и Илина, в качестве укрепления боевой агентуры на западе Великого княжества. Возглавляет ее, как я уже говорил, барон Динский, третий сын графа Ульта Динского, вассала Фаркских. Барон Динский, пан Песка, мястканцлер, показал себя умным и расчетливым руководителем. Он дворянин Фарка, имеющий связи в обществе и вхожий, по происхождению, в его высшие слои.
- А он не может симпатизировать Теринскому? – спросил Ирлинг, вглядываясь в портрет Кирия Динского. Портрет сделали лет десять назад, когда молодой человек поступал на службу, и отпечатали для досье. «Лицо красивое, волевое», - отметил канцлер про себя.
- Исключено, Ваша Светлость, - ответил Лито. – К тому же, он никогда не находился под прямым командованием Лиина Миковского. Прямое подчинение центральной канцелярии.
- Хорошо, - кивнул Ирлинг. – Продолжайте.
- Эйниэ Мирриа, или Иртэя, стольный писарь. Следователь-дознаватель, тренирована в темном искусстве. Заместитель Пески в отряде, начинала службу в Илине с расследований преступлений при городской страже.
- Любит и умеет вести допросы, - прочитал канцлер. Иртэя с портрета хитро улыбалась. Ирлинг отметил явное присутствие мертволесской крови в девушки – форма ушных раковин и глаз. – Допустим. Дальше.
- Адда из Леснерта, или Мали. Основная ударная сила отряда.
- Боец? – удивился Ирлинг. С портрета на него смотрела худенькая девушка с острыми чертами лица.
- Тренирована в темных искусствах, боевое направление, - пояснил Лито. – Показывала очень неплохие результаты.
- Вижу, - сказал Ирлинг, просматривая личную характеристику.
- Звание – польный писарь. Судя по рапортам, исполнительна, верна, хотя и не слишком инициативна. Последний – Сайн из Леснерта. Писарь польный.
- Звяк, - прочитал Ирлинг. – Если не ошибаюсь, до вступление в отряд имел другое прозвище.
- Не ошибаетесь, Ваша Светлость. Несколько лет работал в преступных кругах Фарка и Ластарта, под прикрытием. Отработал превосходно, ушел без провала, - пояснил Лито. – Текущее прозвище получил уже от Пески, за любовь к стрелковому оружию. Превосходный стрелок, имел знаки отличия во время службы в войсках. Насколько можно судить, среди криминального мира у него остались связи, и неплохие. Исходя из этого, если нам все же придется доводить операцию до конца, то со связями Пески среди дворян и Звяка в криминальном мире, талантами Иртэи и Мали, в случае необходимости мы сможем обхватить широкий спектр социальных слоев, а также создать комфортные условия для княжны Эглины, чтобы раскрыть ее потенциал. Третьим же пунктом является исполнительность данного отряда. Мы можем быть уверены, что Алый Клинок точно выполнит задачу, чего бы им это не стоило.
- Хорошо, - кивая головой, сказал Ирлинг. – Итак, подготовительный этап операции вы назвали. Что будет дальше?
- Я бы предпочел, - Лито сделал паузу, - чтобы на этом этапе операция прорабатывалась вместе с Алым Клинком.
- Вызовите их в Ластарт по окончании работы – я хочу посмотреть на наших орлов, - Ирлинг встал и направился к двери. – Не позднее, чем послезавтра они должны быть

здесь. И приготовьте документы на повышение всего отряда в званиях. Ребята должны понимать, что мы ценим их труд.
- Уже сделано, Ваша Светлость, - встал и коротко поклонился подканцлер. – Я отправил вызов четыре дня назад, в то же время что и доклад вам. По моим расчетам они уже должны быть на пути в столицу.
- Прекрасная прозорливость, граф, - одобрил Ирлинг. – И раз уж этот вопрос мы решили, перейдем к тому, что касается князя Лону. Подготовьте для него качественную дезинформацию. Постарайтесь как можно лучше скомпрометировать озерецких офицеров, запятнать их связями с тем же Анесским. Пускай Беркликан потратит время, гоняясь за призраками, пока мы оказываем давление на Теринского.
- Хорошо, Ваша Светлость, - ответил подканцлер. – Немедленно поручу своим людям заняться этим.
- Подключите для этой операции людей графа Клийского, тех, кому мы можем доверять. Пускай Стеф не чувствует себя исключенным из нашей работы. У него есть отличные специалисты в аналитике, пускай займутся созданием шпильки побольше.

Ирлинг открыл дверь. Затем снова прикрыл ее и произнес:
- Да, возвращаясь к Иниану Айклину. Установите, где он находится, и доложите мне. Я хочу встретиться с ним лично.
- Да, Ваша Светлость, - Лито еще раз поклонился. Он тоже не упустил из виду разговор об эльфе, но ждал, вспомнит ли о нем канцлер.

Ирлинг отворил дверь, постоял немного, задумавшись, а затем вышел.

Ластарт. Год 1476 от В.Н., 49 день лета.

По прибытии в Ластарт Алый Клинок явился в здание канцелярии, где барону Динскому было сказано, что подканцлер примет их в шесть после полудня. До встречи оставалось еще семь часов, поэтому у подразделения было время привести себя в порядок. В казначействе канцелярии им выдали суточные – и отряд тут же отправился в ближайший постоялый двор, где были арендованы комнаты с ванной и заказан обед. Песка привел в порядок форму, продумал, какие могли быть к нему претензии, не вспомнил ничего предосудительного в последних операциях, однако волнение его не оставляло. Он видел графа Легийского мельком один раз – три года назад, когда получил звание мястканцлера. Граф произвел на него тогда впечатление целеустремленного и умного человека. Песка продумал несколько вариантов того, как может пройти встреча. Затем, решив, что его волнения все равно ни к чему путному не приведут, лег и поспал несколько часов.

В назначенное время отряд прибыл в здание главной канцелярии. Пожилой дежурный в звании стольного писаря проводил их в зал собраний, где они должны были ожидать появления Лито Легийского. Отряд расположился за длинным, из темного дерева столом, на резных стульях. Сайн и Кирий были в темно-синих мундирах, того же цвета брюках и до блеска начищенных сапогах, Эйниэ и Адда – в длинных светло-серых платьях со строгим воротом и туфлях без каблуков. На столе было несколько графинов с водой, фрукты, бумага для записи и стальные перья с чернильницами. В ожидании графа Песка сосредоточенно почесывал подбородок и продумывал вариант развития событий, Иртэя обводила глазами зал, то и дела комментируя тот или иной элемент декора, Мали жевала неизвестный ей сочный фрукт, а Сайн вырисовывал на бумаге замысловатые узоры.

Дверь отворилась, и в помещение вошел граф Легийский. Он шел быстрым уверенным шагом и улыбался. Следом за ним вошли двое писарей с несколькими увесистыми папками. Отряд поднялся одновременно, приветствуя Лито.

- Приветствую, уважаемое панство, - граф пожал руку Песке и коротко кивнул Сайну и девушкам. – Надеюсь, вас не сильно утомило ожидание?

- Нисколько, Ваше Сиятельство, - ответил за всех Кирий. – Однако мы несколько удивлены таким неожиданным вызовом в столицу.

- Прошу садиться, - сказал Лито, усаживаясь не во главе стола, а на стул справа. Кирий отметил это про себя. Либо граф хочет казаться на равных с подчиненными, либо они ждут кого-то более знатного.

Писари уложили две папки перед Лито и по одной небольшой около каждого члена отряда. Затем поклонились и вышли.

- Поздравляю с прекрасной работой в Луговом, - лицо Лито светилось весельем. – Градоначальник написал целую петицию о недопустимости подобных действий, но местное дворянство очень благодарит вас – за исключением, конечно, виновного. Он под стражей, ожидает графского суда.

- Приятно слышать, - произнесла Мали. – Мы всегда рады поспособствовать чистке дворянских родов.

- Адда, - укоризненно произнес Кирий.

- Все нормально, барон, - благосклонно сказал граф, - я понимаю реакцию пани Адды. И поддерживаю – дворянство Великого княжества должно быть предано Великому князю и идеалам государства, а не своей собственной выгоде. Это нас и подводит к тому вопросу, по которому я вас сегодня собрал.

«Ловко сказал», - восхитилась Иртэя. Мали была излишне пряма – но то, как ее слова вывернул граф, производило впечатление. Иртэя украдкой потянулась к графу темным касанием. Подканцлер превосходно контролировал свои эмоции – за серой стеной деловитости чувствовалось легкое волнение и никакого раздражения.

- Для начала я хотел бы ввести вас в курс той непростой ситуации, которая вынуждает нас действовать, - Лито покачал головой. – Но нам придется немного подождать. Его Светлость занят государственными делами.
- Его Светлость? – Адда посмотрела на Песку. В глазах читалось смятение.
- Его Светлость герцог Альята, канцлер Великого княжества Ластартского, Ирлинг, - громко произнес отворивший двери дежурный.

Лито немедленно поднялся, и Алый Клинок последовали его примеру. Кирий раньше видел канцлера лишь на парадных портретах и отметил про себя, что представлял его немного по-другому. Ирлинг был чуть выше Иртэи, волосы его, иссиня-черные, были заплетены спереди в две косы и спускались вниз по щекам. Канцлер выглядел подтянутым, крепким, несмотря на худощавое телосложение.
- Добрый вечер, - сказал Ирлинг, занимая место во главе стола. Граф Легийский приветствовал канцлера средним поклоном, и все присутствующие последовали его примеру. – Прошу садиться, панство.
- Ваша Светлость, мы можем начинать? – спросил Легийский, усаживаясь на стул.
- Конечно, подканцлер, - кивнул Ирлинг.
- Итак, - начал Лито, – нашей сегодняшней встрече мы обязаны в меньшей степени князю Виро Фаркскому и в большей – графу Милану Теринскому. Как известно уважаемому собранию, Фарк присоединился к союзу Илина и Ластарта третьим, тем самым укрепив положение Великого княжества Ластартского в регионе. Сделал это князь Алек Фаркский, отец Виро, почти шестьдесят лет назад. Когда тридцать пять лет назад достопочтимый Алек скончался – его единственный сын и наследник Виро остался верен соглашениям и никакого сепаратизма не проявлял. Чего не скажешь о дядюшке Виро, брате Алека, Клио Фаркском. Тот никогда не поддерживал присоединения к Великому княжеству и, пользуясь случаем, попытался заполучить Фаркский престол и разорвать договор о присоединении к Великому княжеству. Благодаря умелым действиям дипломатов, - Ирлинг улыбнулся, - нам удалось рассорить графа Клио и его основных союзников. Граф, однако, был не из робких и поднял вооруженное восстание. Тогда усмирить его отправили род Теринских, одного из его самых преданных бывших союзников. Мы хотели посмотреть, действительно ли Теринские отреклись от своих предыдущих взглядов. Общий патронаж над подавлением бунта взяло на себя западное воинство. В результате Клио пропал и числился убитым, его хоругви разгромлены, а род Теринских укрепил свои позиции в Фарке.
- Я подозревал, что Теринские могли в тайне остаться верны Клио, - добавил Ирлинг. – Но решение об их участии приняли, несмотря на возражения канцелярии. Мы много времени убили в поисках каких-либо доказательств того, что Теринские помогли Клио бежать, но ничего не обнаружили.
- Граф Радан Теринский, - продолжил Лито, – делал все, чтобы его не могли заподозрить в сепаратизме. Он прилагал большие усилия, чтобы вернуть утраченное доверие и со стороны князей Фаркских, и со стороны Великого княжества. И в конце концов добился своего. И вот, десять лет назад, в горах на территории Фарка были обнаружены залежи горного металла. Сразу оговорюсь: судя по оценкам местных магов-специалистов, качество металла ненамного уступает гномьему. Разработка по многим экономическим причинам – не буду утомлять вас цифрами – важна для Великого княжества.
- Что более важно, - осмотрел собравшихся Ирлинг, - этот металл великолепно подходит для сборки малых и военных самострелов. Что дает нам стратегическое преимущество и независимость в военном деле от гномьих и мертволесских поставок. Продолжайте, граф.

Адда перевела это как «мы сможем сделать столько оружия, сколько захотим, и надрать всем вокруг задницы». Она была согласна с концепцией «независимости в военном деле» в полной мере.
- Через два года, когда стало ясно подлинное значение находки, Великий князь, герцог Альята и князь Виро заключили соглашение, по которому разработке присваивалось

государственное значение и рудники – равно как и намечаемые там обрабатывающие артели и цеха – переходили в великокняжескую собственность. Были потрачены значительные средства на расширение добычи и производства. Фарк получал семь десятых прибыли с продажи излишков металла за границу и втрое сниженную цену при закупке готовой продукции на артелях.

«Мнится мне, - подумала Иртэя, - что кто-то из дворян мог посчитать это грабежом – покупать то, что сам Фарк и производит».

- Условия достаточно честные, - сказал Ирлинг, словно прочитав мысли девушки. – И, поверьте, Фарк вложил в разработку и освоение этих рудников не так много, как Ластарт или Альят.

- На момент заключения соглашения все прошло удивительно спокойно, - тем временем продолжил Лито. – Ни возмущений, ни волнений. Логично, что организацию и охрану труда поручили местным властям под личным контролем князя. Позднее – три года назад – тот назначил Милана Теринского, сына Радана, управляющим этим предприятием. Князь Виро полностью доверял своему будущему зятю. Будучи матерым женоненавистником и противником наследования по женской линии, Виро получил тяжелейший удар судьбы – у него родились две дочери.

При этих словах Иртэя не смогла сдержать улыбку.

- Он очень страдал, - Ирлинг вздохнул. – Первой дочери он с раннего детства привил мысль, что она – приложение к будущему мужу. Такой она и выросла – безынициативной и неграмотной в политическом смысле. И когда сын графа Теринского стал проявлять знаки внимания его дочери, князь впервые за свои отеческие годы вздохнул с облегчением и чуть ли не официально провозгласил его своим приемником. Официально не успел, хвала богам.

- Князь Виро погиб на охоте почти полтора года назад, - вспомнил Кирий. – Помню, я тогда ездил в Фарк на траурные мероприятия.

- Все верно, - произнес Лито. – Погиб. Охотился с будущим зятем и еще несколькими близкими дворянами. Обстоятельства смерти на первый взгляд просты – вышел на логово дикого кабана один, самострел отказал, конец понятен. При ближайшем рассмотрении все как бы тоже верно. Не подкопаешься, да и поводов пока не было.

- А теперь нашлись? - перебила Адда, но тут же сконфуженно замолчала.

- Нашлись, - смерил ее взглядом Лито. – Чуть менее двух сезонов назад старшая дочь и наследница князя Виро Альда поссорилась с матерью. Та не дала благословения на свадьбу с Теринским после окончания траура по отцу – видимо, старая княгиня что-то узнала о своем будущем зяте, или просто разглядела его двуличную сущность. Через сезон княгиню-мать нашли мертвой у себя в фольварке. Причина – глубокое истощение. Умерла от горя. Смерть очень странная и при странных обстоятельствах. – Кирий и Сайн переглянулись и закивали, соглашаясь. – А через десять дней после этого граф Милан Теринский в письме Великому князю объявил, что желает пересмотра соглашений по рудникам – вплоть до их полной отмены и передачи под контроль Фарка. Также прошел слух, что граф на дворянских собраниях как бы невзначай упоминает о «старых-добрых независимых временах». Намек очень прозрачный, и многие – учитывая, что он самый вероятный наследник княжеского престола – могут понять их как руководство к действию.

- И следующим его шагом может стать пересмотр соглашения о вступлении в Великое княжество, - почесал переносицу Кирий.

- Мы подозреваем, что так оно и может быть, - согласился Ирлинг. – Если пойдем на уступки в рудниках. Тем более тогда мы не сможем проследить, сколько вооружения будет у гвардии Теринского и его приближенных. Отделение Фарка в этом случае может стать вполне реальной перспективой.

- И задача осложняется тем, что мы не можем просто устранить Теринского, - Лито пожал плечами. – Воля Великого князя такова, что граф Милан не должен быть убит – по крайней мере, не вмешательством с нашей стороны.
- Да, если бы Эльвэниэн покарала его молнией, желательно где-нибудь при большом скоплении свидетелей, - мрачно усмехнулся Ирлинг, – это бы решило многие наши проблемы. К сожалению, так просто такие проблемы не исчезают.
- Было принято решение добиваться возведения на престол Фарка младшей дочери князя Виро, Эглины, - и Лито кратко обрисовал биографию княжны, обратил внимание присутствующих на информацию в папках. История девочки произвела впечатление на Адду – когда-то она сама сбежала из семьи. Только Адда всеми путями стремилась наверх по социальной лестнице – Эглина же добровольно спустилась вниз. Адда не решила, осуждает ли она княжну или восхищается.
- Что вы думаете об этом, пан Динский? - Ирлинг посмотрел на Кирия. – Считаете ли вы это задачу выполнимой? Прошу отвечать предельно честно.
- Это будет непросто, - Кирий нахмурился. – Вероятнее всего, княжна не будет согласна сотрудничать, по крайней мере, сразу. Также необходимо произвести разведку текущего положения в Фарке.
- Задача выполнима? – повторил Ирлинг.
- Думаю, что да, Ваша Светлость, - быстро сказал Кирий. – Предложить более точный план я смогу минимум к завтрашнему дню. Пока я разделил бы нашу задачу на три большие части – склонение к сотрудничеству княжны Эглины, выдвижение ее на политическую сцену Фарка и дискредитация графа Теринского. Из них и вытекает наша главная задача: как можно более мирная передача власти под давлением дворянского сообщества. Конечно, каждая из этих частей может меняться в зависимости от обстоятельств.
- Вот и прекрасно, - сказал Ирлинг, вставая. Все последовали его примеру. – Детали вы доложите подканцлеру Лито – он будет курировать операцию. Помните, за вами стоит поддержка Великого князя. И о наградах. Я считаю, труд во славу Великого княжества должен быть достойно вознагражден. Вы не раз доказывали свою преданность нашим идеалам, поэтому я принял решение всех вас повысить в званиях. Кроме того, граф Лито каждому из вас, за исключением пана Кирия, выдаст листы утверждающее ваше дворянское происхождение. На ней не хватает только подписи сюзерена – им станет Эглина Фаркская. Свое дворянство вы получите, когда она согласится на сотрудничество с нами.
- Благодарим вас, Ваша Светлость, - произнес Кирий. Все остальные поклонились.
- Мне пора, панство, - он встал, и все последовали его примеру. - Пан Лито, сопроводите меня, мы должны обсудить еще одно небольшое дело.
- Я скоро вернусь, панове, - сказал Лито и вышел за герцогом.

В комнате повисла тишина. Адда смотрела то на Кирия, то на Сайна. Эйниэ облокотилась на спинку стула и закрыла глаза. Кирий сосредоточенно разглядывал потолок. Сайн посмотрел на каждого из них по очереди и вынес заключение:
- Кажется, не мне одному кажется, что мы попали.

Фольварк Теринка, близ Терии. Год 1476 от В.Н., 50 день лета.

Граф Милан Теринский более всего не любил бездеятельность. Лень и неподвижность, считал он, убивают и ум, и тело – а это недостойно дворянина. Поэтому в свободное время он предпочитал тренироваться с мечом или самострелом. В парке своего фольварка Теринка, на лужайке Милан отрабатывал фехтовальные приемы со своим телохранителем Озином.

Погода стояла жаркая, и на голом торсе графа блестели крупные капли пота, а тонкая белая рубаха его соперника была уже насквозь мокрой. Оба они были крепкими мужчинами, высокими, атлетически сложенными. Ростом Озин был чуть выше Милана, а так они казались почти что близнецами. Даже в стати телохранитель старался походить на пана. Милан любил фехтовать с Озином за то, что тот полностью погружался в процесс и не разговаривал без позволения графа. Кроме тренировки для тела фехтование позволяло Милану остаться наедине со своими мыслями.

Граф Теринский был красив. Короткие черные волосы, густые усы, серые стальные глаза, благородная стать. Кроме того, живой ум и недюжинная смекалка снискали для него славу весьма успешного политика. Все это, а также положение в обществе и немалые богатства делали его желанным женихом для любой девушки Фарка, да и всего Великого княжества. Со времен своего первого появления в свете он разбил не одно девичье сердце, стал героем множества сплетен и выиграл несчетное количество дуэлей. И когда его выбор пал на Альду Фаркскую, многие мужчины Княжества вздохнули с облегчением, а девушки и женщины – с завистью. Альда была красива и отличалась кротким нравом. Почти все сходились на том, что Милану очень повезло – девушка стала бы отличной женой и матерью, а в приданое к ней шло целое княжество.

Одним из тех, кто не считал все сложившееся везением, был сам Милан Теринский. Все, чего он добился, стоило ему огромных трудов, требовало выдержки и тонкого расчета на каждом шагу. И все это было подчинено одной цели – освобождению Фарка от гнета Великого княжества.

Милан хорошо помнил разговор с отцом, в котором тот рассказал, почему они «предали» Клио Фаркского. Произошел этот разговор в год, когда от тяжелой болезни умерла мать Милана. Радан носил траур, почти не выходил из фольварка, стараясь отвлечься от постигшей утраты, полностью погрузившись в политические заботы. Милан же приехал домой на время – в гимназии началась седмица традиционных каникул. Осенний день было пасмурным. Дождь лил как из ведра, ветер срывал с деревьев остатки листвы. Молодой граф, ему тогда было шестнадцать, стоял у окна. Окно запотевало от его дыхания, скрывая от взгляда внешний мир. В комнате было тепло и уютно, но Милану казалось, что он сейчас там, на улице, сражается с порывами ветра. Он отождествлял себя с дворянством Фарка, гордым и смелым, которому ветер из Княжества навязывал все более унизительные, как он считал, порядки. Сперва они дали самостоятельность городам, потом отпустили селян. Мястчане теперь были им почти ровней. И все это за сомнительные привилегии не быть растоптанными набравшими мощь Ластартом и Илином. И еще более сомнительную с точки зрения чести участь – нести эти самые порядки в другие земли. Он знал, что когда-то его отец поддался этому самому ветру. С самого детства история перехода Теринских на сторону Княжества не давала Милану покоя. Каждый раз, когда Милан спрашивал отца об этом, тот либо менял тему, либо грубо прерывал молодого графа, отвечая, что это не его дело.

- Почему, отец? – спросил Милан в очередной раз, повернувшись и посмотрев на отца. – Ответь, почему ты тогда предал Клио? Почему не сражался против Княжества? Я ведь знаю, что ты ненавидишь порядки, принесенные Нерканом! Так почему пошел на сделку с совестью?

- Милан, - Радан, сидя в своем любимом кресле на втором этаже дворца, затянулся горьким дымом. – Молодые любят все решать наскоком. Их легко поднять на бунт, легко

ими пожертвовать, сделать разменными картами в своей игре. Но когда умирают молодые – умирает будущее. Начать войну легко, чуть более сложно выиграть сиюминутное сражение. Но выиграть битву с грядущим – очень сложно.
- Я не понимаю, как это относится к твоим действиям! Ты ведь стал отступником!
- Молодой человек, никогда не говори громких слов, пока не знаешь истинного значения вещей, - старый граф строго посмотрел на сына. – Клио Фаркский всегда был горячим парнем – и когда был молод, и перед своей бесславной кончиной. Он думать так и не научился. Восстань мы тогда – сколько бы молодых погибло на той войне? Большинству его сторонников не было тогда и сорока, тогда как все пожилое дворянство стояло за Княжество горой. Возможно, лишь возможно, мы бы победили. Сколько бы мы потеряли крови? Никто не знает.
- Но сейчас мы бы не оглядывались на Ластарт всякий раз, когда хотим что-то сказать или сделать! – воскликнул Милан. – Не платили бы грабительские налоги, не подчинялись бы дурацким эдиктам!
- Ты так думаешь? – сказал Радан разочарованно. – Думай головой, молодой человек! Я не для того тебя растил, чтобы ты так легко поддавался речам и лозунгам. Посмотри на карту – вокруг нас Илин, Ластарт, Альят и Берклика – столпы Княжества! Через них не перепрыгнешь. Все важнейшие торговые пути идут через них, на них завязаны основные наши дипломатические связи. Как ты думаешь, чьих сыновей стали бы брать в мужья наши паненки, погибни тогда в битвах лучшие сыны Фарка? Илинских полуэльфов и беркликанских дикарей! Даже выиграй мы тогда войну – через двадцать лет Фарк снова бы попросился в Княжество. Из-за торговой ли блокады, из-за военного вмешательства или при поддержке ставших местными прихвостней Элендского, Альята или Беркликана – не все ли равно? Только шансов выбраться у нас бы уже не было.

Милан потрясенно молчал. Все в этих словах казалось ему абсолютно логично. Беспощадно логично.
- Значит, выхода нет? – он опустил голову.
- Есть, но он гораздо более трудный, нежели сломя голову с мечом наголо броситься на самострелы, - трубка Радана погасла. Он отложил ее на стоящий рядом столик, поднялся, подошел к Милану и положил ему руки на плечи. – В те времена я думал почти также, как ты – лучше умереть, сражаясь, чем жить под пятой у Княжества. Но потом я встретил одного человека в группе послов Ластарта. Он во многом смягчал позицию своих коллег по нашему вопросу. Я смог переговорить с ним наедине. Он изложил мне те доводы, которые я тебе привел сейчас. Потом сказал, что очень сочувствует нашему положению и вообще считает, что создание Княжества было большой ошибкой. Я был удивлен и поражен, посчитал это какой-то провокацией. Я сказал ему, что позволю себе не верить его словам. Он улыбнулся и сказал, что это мое право. А потом добавил, что мудрый расчет всегда превосходит грубую силу. И, может, мне стоит подумать над тем, как сделать Виро Фаркского своим союзником – вольным или не вольным. Мы распрощались. Я не спал ночь после этого разговора, а потом согласился на предложения дипломатов. Я знал, что я или же мои наследники смогут сделать так, чтобы Фарк стал свободным, не погубив при этом множество жизней.
- Как звали этого человека? – молодой граф поднял голову. – Где он сейчас?
- Насколько я знаю, он умер много лет назад, - Радан грустно улыбнулся. – А звали его Милан Деннский. В честь него, человека, подарившего мне надежду, я и назвал тебя.

Молодой граф Теринский опустил голову, а затем снова посмотрел на отца. В глазах стояли слезы.
- Посмотри, сын, - Радан указал на окно. Затем пальцем написал на запотевшем стекле «свобода». – Наша земля – как это стекло. Она помнит все наши действия, ничто не остается незамеченным. Каждая надпись остается на ней. Завтра ты не увидишь этой надписи здесь, но стоит тебе подышать на стекло, вложить в него толику своего тепла – и надпись снова появится. Так же и наше дело: каждое наше действие, наше рвение

приближает нас к цели, делает ее еще более явной. Клио, сам того не понимая, пытался разбить стекло. Мы же вложим в него столько тепла, чтобы наши стремления смогли проявиться в полной мере.
- Я сделаю все, отец, - пообещал Милан. – Я сделаю все, чтобы наша земля стала свободной.

Милан помнил это обещание. Он знал, что его отец заручился многими полезными связями в государстве и практически очистил свое имя в глазах лояльных приверженцев Великого князя. Радан поддерживал осторожные контакты с теми своими бывшими сторонниками, которые не утратили положения после мятежа. Тех же, которые были подвергнуты репрессиям, старик старательно игнорировал. Милан понимал расчет отца – и те, и другие были в определенной степени опасны их замыслам. Однако опальная часть дворянства и их дети были также и основным политическим ресурсом в их игре. С ними заводил знакомства Милан и вел осторожные разговоры. В случае если бы на сына донесли, старик всегда мог прилюдно отчитать его и отправить на несколько лет в Ластарт или Ресментель – повышать образование. Тем временем, обучаясь в гимназии, Милан прослыл бунтарем. Дети бывших революционеров во многом считали его за своего. Отец прилюдно журил и втайне хвалил отпрыска. Многих своих сверстников и просто знакомых Милан покорял обаянием и красноречием. Так случилось с Борином Циверским, сыном главы гвардии Терии. Отец его был умеренным лоялистом и сын шел по его стопам, до тех пор пока не повстречался с Теринским-младшим. В долгих спорах они провели не один вечер, и в конце концов Циверский стал самым приближенным соратником Милана. Вскоре молодой граф (тогда ему исполнилось двадцать три) попросил аудиенции у князя Виро. Милан затронул моменты недостаточных привилегий, предоставляемых купцам Фарка в Илине и Ластарте и еще некоторых вопросов торговли и отношений внутри Княжества. Виро внимательно выслушал Теринского и обещал подумать над его словами. Потом предложил прогуляться по саду, рассказал свое видение политической ситуации (которое Милан про себя назвал «идиотски соглашательским») и познакомил графа с женой и старшей дочерью. Милан слышал намеки на патриархальные настроения князя – но тут он увидел их воочию. Виро Фаркский был показательно строг, а даже иногда жесток с пани Иллой и Альдой. Без его разрешения дочь не могла сказать и слова, а уж речи о том, чтобы высказать свои суждения по тому или иному вопросу, вообще не шло.

План созрел сам собой. В последующие годы на публике Милан Теринский показывал себя умным, проницательным сторонником реформ, заслужившим признание князя и старой политической элиты. Его отец потихоньку отходил от дел, на собраниях рассказывая, как он гордится сыном, который «взялся за ум», однако порицая сердечную привязанность сына к княжне Альде. Молодой граф через три года после знакомства начал проявлять знаки внимания к восемнадцатилетней княжне Фаркской. Предложения он ей не делал – объясняя это нежеланием спешить и намерением сначала упрочить свое положение в верхах и изменить мнение отца о будущей невестке. Князь Виро не настаивал, говоря, что отцовское мнение всегда надо учитывать. Милан заручился доверием Виро и привязанностью Альды, играя у одного на патриархальном нраве, а у второй – на привычке к сильной мужской руке. «Главное не спешить, - повторял Радан. – Когда у нас все будет готово, тогда он сам преподнесет ее тебе на блюдечке».

В этом плане была лишь одна проблема - Альда была совершенно не во вкусе Милана. Каждая встреча с ней была для него пыткой. Он терпел ее долгие наивные размышления о жизни. С улыбкой слушал, когда она сплетничала и рассказывала об очередном увлечении очередной подруги. Близости у них до свадьбы быть не могло – князь Виро был очень строг в этих вопросах. Поэтому единственное, что могло бы скрашивать эти встречи, было для Милана под запретом. Каждый раз, направляясь к Альде, Милан про себя говорил, что делает это для великой цели.

Милан знал, что у Фаркского была младшая дочь, но с ней он так и не смог познакомиться. Когда та уехала из дома в Ластарт, граф Теринский взял это на заметку, но особого значения не придал. Видя, как воспитана старшая дочь, он сделал вывод, что характер младшей не будет особо отличаться.

Милан сделал Озину знак передохнуть, стряхнул пот, отдышался, отпил воды из кувшина, заблаговременно принесенного слугами. Он не любил алкоголь, не понимал пристрастия отца к курительным зельям. Разум должен всегда оставаться чистым, считал он. Именно чистый разум, а также здоровое тело, позволяет человеку добиваться того, чего он хочет.

Кулуарная деятельность графа давала свои результаты. Многие дворяне Фарка в той или иной степени разделяли его недовольство положением в Княжестве. Кому-то не нравилось свобода селян, других раздражала бумажная волокита, вызванная, как считали многие дворяне, введением института канцелярии. Рост преступности – неизбежная составляющая увеличения запретов с одной стороны и общей вольницы бедного населения с другой – очень сильно нервировал купцов. На этих недовольствах граф Милан и строил свой план. С канцелярией он был в добрых отношениях – княжканцлер Лиин Миковский, благородный и отзывчивый человек, стал одним из его лучших друзей. Лиин, конечно, не был посвящен во все планы Теринского, но во многом их взгляды совпадали. Милан был уверен, что в будущем граф Миковский, потомственный дворянин Фарка, поймет и поддержит политику отделения. Еще одним подарком судьбы стал молодой граф Йатик Клесский, переехавший в Терию после конфликта с отцом. Клесский, энергичный и увлеченный, сразу проникся идеями Милана и перешел к активным действиям. Йатик был так же, если не более, красноречив и умел договариваться с разными людьми. Он и Борин, в компании с амбициозным офицером Косситом Анесским и при финансовой поддержке успешного купца Кира из Айния, основали фехтовальный клуб «Гарда», который стал местом собрания единомышленников Теринского. Основан клуб был при поддержке Теринского-младшего, и по этому поводу у них впервые за много лет возникли серьезные разногласия с отцом. Радан считал, что энтузиазм друзей Милана не приведет ни к чему хорошему. Отец говорил сыну, что Борин уж слишком напоминает ему Клио, а Йатик, судя по всему, является типичным авантюристом. На что Милан возражал, считая, что отец слишком долго пробыл в бездействии и теперь всякая активность пугает старика.

Смерть князя Виро стала для Милана ударом. По традициям и храмовым канонам после смерти отца Альде до брака следовало ждать еще год – а именно в этот год Милан и планировал наконец-то породниться с княжеской линией. Он на самом деле был очень расстроен кончиной своего будущего тестя – еще и потому, что будущая теща его сразу невзлюбила. По-своему мудрая, Илла Фаркская, урожденная графиня Рейкская, после кончины мужа стала настраивать дочь против жениха. Сказалась многовековая вражда между родами Рейкских и Теринских. До этого подавляемая авторитетом мужа, теперь Илла открыто говорила, что Милан Теринский женится на Альде только через ее труп.

Мать и дочь спорили и ругались, но видно было, что Альду слова Иллы не всегда оставляют равнодушными. Милан пытался найти ключ к сердцу старой княгини, но та на порог не пускала будущего зятя. Среди дворян поползли слухи об отмене помолвки. Альда в письмах клялась жениху в любви, но не могла решиться пойти против воли княгини. Милан настаивал, и княжна почти уже была согласна. И тут Иллу Фаркскую обнаружили мертвой в ее покоях в Рейке. Естественно, его противники поспешили обвинить графа в смерти княгини. Несмотря на то, что проведенное в короткие сроки (постарался Лиин Миковский) расследование показало, что смерть Иллы была естественной, репутация Милана была подмочена. Не говоря уже о том, что свадьбу вновь пришлось отложить. И тогда друзья из «Гарды» посоветовали Милану начинать действовать. После совещания с ними он и написал письмо Великому князю, в котором говорил о несогласии с ценами на оружейный металл. Через день после этого у него

произошел еще один спор с отцом. Раздосадованный решениями сына, Радан уехал в фольварк Раданка и оставался там поныне.

Милан размял плечи и снова поднял меч. Озин напротив него встал в оборонительную стойку.

- Ни секунды без дела, Милан? – раздался сзади знакомый голос. Теринский обернулся, улыбнулся и положил оружие на землю, его телохранитель вложил меч в ножны и вытянулся по стойке смирно. Борин Циверский приблизился к Милану, и они пожали друг другу руки. – Озин, он тебя еще не сильно загонял?

- Что вы, пан Циверский, - почтительно поклонился Озин. – Тренироваться с графом большая честь и удовольствие для меня.

- Для меня это тоже большое удовольствие, - отозвался Милан. – Лучшего партнера для тренировочного поединка найти очень сложно.

- Благодарю, Ваше Сиятельство, - ответил Озин.

- На сегодня тренировка закончена, - Милан поднял свой меч и протянул Озину. – Отнеси в оружейную и направляйся на кухню. Скажи, что я распорядился хорошо накормить тебя и подать обед в большой зал. Да, и передай Оруну к вечеру приготовить баню.

- Будет сделано, Ваше Сиятельство, - Озин поклонился Милану и Борину и удалился.

– Рад тебя видеть, Борин, - граф повернулся к другу.

- И я тебя, старик.

Они обнялись. Борин был одного с Миланом роста, но не так атлетически сложен. Широкое, гладко выбритое лицо его озаряла хитрая улыбка. Темно-русые волосы доходили до шеи. Его можно было назвать красивым, если бы не грубый шрам на правой щеке от уха до скулы. Борин был одним из самых заядлых дуэлянтов и задир в Фарке. Свое мастерство владения мечом барон оттачивал с юности и по праву считался одним из лучших клинков в Великом княжестве.

- Пройдемся, граф? – улыбнулся Циверский.

- Пройдемся, барон, - кивнул Милан. – Тебе не жарко?

Борин был одет в походный светло-коричневый плащ, походные же сапоги, кожаные штаны и стеганку.

- Не спарюсь, - ответил Борин. – Ты действительно настолько доволен Озином, насколько его хвалишь?

- Вполне доволен, - Милан накинул на плечо рубаху, и они медленно зашагали по направлению к фольварку. – Отличный малый, я рад, что ты его нашел. Еще пару лет верной службы, и его можно будет посвящать в дворяне.

- Если все у нас пойдет удачно, то, может, и раньше, - Циверский глубоко вздохнул, наслаждаясь теплым летним воздухом. – Твой отец все еще не вернулся?

- Нет, - Милан покачал головой. – Его Сиятельство считает, что мы слишком рано начали действовать.

Борин подобрал небольшой камушек с земли, легонько подбросил его вверх. Потом прицелился в яблоко, висящее на нижней ветке дерева, в десятке шагов от него.

- Он поймет, - убежденно сказал Циверский. – Альда от тебя теперь никуда не денется. А чем раньше мы захватим инициативу, тем проще нам будет потом, - Борин размахнулся и кинул камень в яблоко. Фрукт от удара разлетелся на кусочки.

- Ты приехал один? – сменил тему разговора Милан.

- Нет, конечно, - ответил Борин. – Вся верхушка «Гарды» в сборе и хочет видеть своего предводителя.

- Ну что ж, нельзя заставлять почтенных панов ждать, - Милан решительно зашагал к фольварку.

Они прошли по саду, вошли на террасу, а затем в коридор, который сразу окутал их духотой. Миновав его, Милан и Борин вошли в небольшую светлую комнату, где за столом сидели еще трое мужчин. Когда граф вошел, все трое поднялись, двое шагнули навстречу Милану, третий застыл в почтенном поклоне. Милан каждый раз удивлялся

тому, как настолько внешне непохожие люди могли быть объединены единой целью – дать свободу своей земле.

Первым с Миланом поздоровался рыжеволосый, аккуратный красавец Йатик Клесский. Улыбаясь, он пожал руку Теринскому, затем слегка отстранился, заметив:

- Мы оторвали тебя от тренировки, Милан. Следовало сказать, что тебе необходимо время для того, чтобы привести себя в порядок.

- Не волнуйся, Йатик, - ответил Милан, хлопая того по плечу. – Я в отличной форме, а физические нагрузки лишь помогают мне думать.

- Граф Клесский волнуется за свои одежды, дабы они не пропахли потом, - заметил второй мужчина, рослый, крепко сбитый, бритый налысо и с аккуратной черной бородой.

- Коссит, тебе бы следовало научиться хорошим манерам, - отметил Клесский недовольно, присаживаясь на свое место.

- Меня учили всегда быть честным, - парировал хорунжий Анесский, крепко пожимая руку Милану.

- Панове, не спорьте по таким мелочам, - шутливо погрозил им Милан. – В нашем деле важно согласие и сплоченность.

- Мы вполне сплочены, - Коссит посмотрел на Йатика. – Просто не всегда согласны в вопросах воспитания.

- Ну-ну, - хмыкнул Милан, подошел к склонившемуся в поклоне Киру, небольшого роста, полноватому, выглядящему в своем дорогом купеческом одеянии слегка нескладно и протянул тому руку. – Здравствуй, Кир.

- И вам доброго здравия, Ваше Сиятельство, - ответил купец на рукопожатие. Рукопожатие считалось приветствием равных, и среди дворян было не принято подавать руку мястчанам. Борин с Йатиком переглянулись, но ничего не сказали. Кир сделал вид, что не заметил этого жеста.

- Прошу садиться, панове, - сказал Милан, занимая место во главе стола. - Чем порадуете меня кроме своего присутствия?

- У меня есть отличная история, - сказал Коссит. – Не далее как позавчера мы устроили засаду на крупную банду, лютовавшую на Озерецком тракте.

- Ну-ка, - Милан заинтересованно посмотрел на хорунжего. – Рассказывай.

- Так вот, - продолжил Коссит. – Эти ублюдки мне покоя не давали седмицы четыре. Вроде всех зачистишь, а тут – бах, и новый купец в ратушу жалуется, дескать, обобрали. Ну и решил я этим вплотную заняться. Проглядел все жалобы, и оказалось, что от нападений не страдали только поставки одного цеховика. И даже наоборот, после нападений цех начинал работать чуть ли не с удвоенной силой. Я и подумал, что неспроста. Пустил слух, что пойдет два каравана – один, побольше, под охраной моей сотни, а второй, который поменьше, с простой городской стражей. Думаю, должны клюнуть. Посмотрели мы с десятниками, где удобнее всего напасть на меньший караван, и заняли позицию чуть поодаль. А с караваном пустили озерецких стрелков в форме городской стражи.

- Клюнули? – спросил Борин.

- А как же, - удовлетворенно улыбнулся Анесский. – Как понеслись вперед: дубинами машут, орут, как оголтелые. Правда, после первого залпа приуныли, наутек бросились, но тут и мы подоспели. В общем, через седмицу будем показательно казнить на площади. И мастера цеха тоже подвесим – он, паскуда, все это и организовал.

- Вот так и надо, - заметил Милан. – Такими темпами мы скоро выгоним всю эту шваль с нашей земли.

- И не только эту, - вступил в разговор Йатик. – Вчера слышал, некоторые из наших друзей в клубе хвастались, что количество дуэлей с лоялистами выросло в несколько раз.

- Йатик, ты знаешь, я это не одобряю, - нахмурился Милан.

- Знаю, - ответил Йатик и виновато развел руками. – Но я не могу запретить нашим братьям-дворянам искать сатисфакции у этих лизоблюдов. В конце концов, чем меньше у

Княжества здесь сторонников, тем лучше для нас. И да, Борин, ты что-то хотел сказать о погромах в Ларке.
- Да, чистое недоразумение, - Борин невинно посмотрел на Милана, переведшего на него непонимающий взгляд. – Несколько молодых дворян по пьяному делу ворвались в редакцию проластартской газетенки и немного там побуянили. Ну, еще с журналисточкой-мястчанкой поразвлеклись. Градоначальник вынес им свой протест. Ничего важного, в общем.
- Будь осторожнее, Борин, - нахмурился Милан. – Все это, конечно, шалости, но не лезь пока на рожон.
- Как скажешь, Милан, - Борин закивал.
- Я громлю преступность, а вы ее поощряете, - тихо сказал Анесский.
- Да какая там преступность, Коссит, - поморщился Борин. – Ребята просто пошалили. Они же не наносят такого ущерба, как эти зеленые, которых ты вешать собрался.

Анесский промолчал. Милан подумал, что, вряд ли со стороны обесчещенной мястчанки эти шалости были такими уж безобидными. Но тут ничего не сделаешь – если ты высекаешь искры, пламя рано или поздно разгорится. Главное его контролировать.
- Как дела у тебя, Кир? - обратился Милан к купцу.
- Нашими стараниями, вашими молитвами, Ваше Сиятельство, - сказал Кир не без гордости в голосе. – Дела идут, наше предприятие развивается. С вашими усилиями по борьбе с бандитами риски стали меньше, а значит, прибыль растет.
- Это прекрасно, - улыбнулся Милан. – Так значит, панове, наши дела везде идут успешно?
- Вполне, - сказал Борин. – Даже в Рейке наш друг Клио Лимицский ведет активную деятельность по привлечению дворян на нашу сторону. Не говоря уже об остальных графствах, где мы подогреваем недовольство Княжеством. Динские вовсю заявляют о своем нейтралитете в этой ситуации, Озерецкие с нами. Да, пришло письмо от моего человека из Нирры.
- Откуда? – удивился Милан.
- Из Нирры, где живет сестра твоей невесты, - пояснил Борин.
- Ах, да! Эглина, или как ее там? И что у нее?
– Все так же – сидит, пишет, не подает никаких признаков желания вернуться домой.
- Дай боги, чтобы так и оставалось, - произнес Милан.
- Возможно, я скажу что-то не то, панове, - сказал Кир. – Но почему бы нам просто не убить эту девчонку, если вы считаете, что она может нам угрожать?

Йатик недовольно поморщился, Коссит презрительно скривил губы, Борин скорбно возвел глаза к потолку.
- Кир, убивать женщину-дворянку, а тем более из такого древнего рода – это подлость, которая не соответствует понятию дворянской чести. Если, тем более, она нам не угрожает, - пояснил Милан.
- Тем не менее, - сказал Борин, – опасения по поводу княжны имеют место, и мой человек, там, в Нирре, получил необходимые инструкции. В случае чего, он может пойти на крайние меры. Но только лишь, - поправился он, поймав неодобрительный взгляд Теринского, - если от нее действительно начнет исходить опасность. Еще мне бы хотелось поговорить о Лиине, Милан.
- А с Лиином-то что? – не понял Теринский. – С каких пор у вас трения?
- Трений нет, - сказал Циверский – Пока нет. Ты не думал, что будет с Миковским, когда он узнает о наших планах? Думаешь, он останется верен?
- Он поймет, Борин. Он все поймет. Он станет нашим союзником – лучше него никто не справится с налаживанием внешних отношений, - убежденно сказал граф.
- Я поддерживаю Милана, - сказал Йатик. – Миковский - потомственный дворянин. Он не пойдет против своей совести.

- На мой взгляд, вы тешите себя иллюзиями. Он старается быть честным. Как благородный рыцарь из баллад и трактатов. И он никогда не поддержит нас до конца.

Милан опустил голову.

- Ты все усложняешь в этом деле, - тихо сказал он. Он понимал, к чему ведет Борин. Лиин Миковский действительно старался быть чистым и честным. И если Милану от начинавших творится в Фарке вещей становилось иногда не по себе, то что же мог подумать Миковский?

- Хватит, Борин, - снова пришел на выручку Милану Йатик. – Миковский нужен нам сейчас. И мы сможем убедить его, что наша цель оправдает средства. Я уверен в этом.

- Может быть, - пожал плечами Борин. – А может быть, нет. Коссит, что ты думаешь?

- Я с ним сталкивался по делу. Могу сказать, что он полезен сейчас, но может стать опасным в будущем. Поэтому я согласен с Борином, - сказал Коссит твердо. В этот момент он показался Милану очень неприятным. Анесский был единственным из всей четверки, у которого с Теринским были натянутые отношения. И, как бы Милан ни хотел быть объективным, к мнению Коссита он относился с большим сомнением.

- В любом случае, пока Лиин нам нужен, - подвел итоги Теринский. – Я поговорю с ним, и проблема будет решена – вот увидите. Он все-таки мой друг.

- Как скажешь, - не стал настаивать Борин. - И пока оставим эту тему. Еще меня беспокоит молчание Неркана. Мне кажется, это затишье перед бурей. Судя по всему, они готовят интервенцию. Будь я Великим князем – я бы так и сделал. У них численное превосходство.

- А у нас родные стены, - с решимостью произнес Коссит. – К тому же, мои знакомые из Берклики молчат, и приказ по западному войску о мобилизации не отдан. А это значит, что мы пока можем не ждать активных действий со стороны Его Высочества Беркликана.

- Это может также значить, что Неркан отдал предпочтения методам Ирлинга, - сказал Йатик. – Эльфийские забавы – заказные убийства и отравления. Милану следует увеличить охрану.

- Моя охрана меня и так устраивает, - сказал Теринский. – Я бы не беспокоился так, панове. А то Озин уже и так за мной чуть ли не по пятам ходит.

- Я плохих людей не посоветую, - хмыкнул Циверский. – Озин очень ответственно относится к любой задаче. Особенно к такой, как защита своего хозяина.

- В любом случае, - Милан по очереди посмотрел на каждого из присутствующих, - Ирлинг не заинтересован в моей смерти. В Ластарте все больше слухов ходит об их размолвках с Беркликаном. Князь Лону ставит на мое смещение, а значит, канцлер постарается сохранить мне жизнь и положение. И пока они будут соперничать между собой, мы сыграем свою игру так, чтобы им оставалось лишь кусать локти.

- Хорошо сказано, мой князь, - Йатик поднял воображаемый бокал. – Кстати, не пора ли нам отобедать, панове?

- Да, действительно, - согласился Милан. – Прошу в большой зал, друзья. Вечером нас ожидает баня и выступление моего оркестра на террасе.

- Может, стоит съездить в Терию за девицами? – осведомился Коссит.

- Во-первых, я помолвлен, - хитро улыбнулся Милан. – А во вторых, мой эконом все устроит в наилучшем виде. Как всегда.

Они поднялись и вышли из зала. Коссит, Йатик и Кир прошли вперед и свернули за угол. Было слышно, как Анесский рассказывает байки из своей казарменной жизни. Теринский тихо сказал шедшему рядом с ним Циверскому:

- Борин, так что там с младшей Фаркской? Что за распоряжения ты отдал?

- Успокойся, Милан. Обычная предосторожность. В случае если ею начнут интересоваться подозрительные люди, мой человек похитит ее и вывезет сюда к нам. Мы объясним ей, что эти люди хотят вовлечь ее в политическую игру и, таким образом, повлиять на ее сестру.

- Хорошо придумано, - одобрил Милан.

- Не сомневайся во мне, старик, - улыбнулся Борин.

Циверский решил не говорить Теринскому, что в его послании человеку в Нирре была и вторая часть. В которой содержалось указание убить княжну, в случае если первый вариант будет невозможен.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 51 день лета.

- Вы должны нас поженить! – заявила женщина.

Эглина удивленно посмотрела на нее. Ника по прозвищу Рыжая подняла голову и тоже посмотрела на посетительницу.

- Простите, а кого «нас»? – осведомилась писарь.

- Меня и Гирку из кузницы! – возмущенно ответила женщина. Сама по себе полная, невысокого роста с широким лицом, она представляла сейчас неприятное зрелище – Эглина не могла решить, то ли из-за безвкусно подобранного наряда, то ли из-за мешков под глазами и непричесанных волос, то ли из-за своего мерзкого настроения.

- А где сам досточтимый кузнец? – осведомилась Эглина.

- Какой он кузнец! – воскликнула посетительница. – Ему до кузнеца еще – ого-го!

- Уважаемая, - вздохнула Эглина и покосилась на Нику. Та опустила голову и беззвучно смеялась. – Мне решительно все равно, кузнец он, жнец или менестрель. Мне важно знать, почему его нет с вами, если вы решили заключить брак?

- Не надо со мной так разговаривать! – женщина пылала гневом. – Вы что, считаете меня дурой?

«Да», - мысленно сказала Эглина. Она поправила волосы, положила перо и откинулась на спинку стула.

- Нет, но вы слишком возбуждены. Успокойтесь и скажите мне, где ваш жених.

- В кузнице, - выпалила посетительница. Эглина снова покосилась на Нику – та рисковала задохнуться от беззвучного смеха. – Где ж ему еще быть?! Работы у него много, мастер злющий, вот и сидит там с утра до вечера.

Эглина наклонила голову на бок, даже не скрывая своего изумления. Писарь работала здесь уже более двух лет и видела многое, но к таким случаям до сих пор привыкнуть не могла.

- Давайте разберемся, пани. Вы просите нас поженить вас – официально, по законам Великого княжества. По этим законам для заключения брака необходимы два разумных существа, не больше и не меньше. В данном случае здесь я вижу только вас.

- Послушайте, пани писарь, - отчеканила женщина. – Я, может, гимназий не кончала, но я знаю, что если парень девушку обесчестил, то обязан на ней жениться.

Ника положила перо, просушила бумагу, встала и вышла. Эглина очень надеялась, что той хватит сил дойти до уборной и отсмеяться там, а не в приемной перед очередью.

- Пани, - Эглина изобразила сочувствие, а потом разумом потянулась к Тьме. Мастер Айклин когда-то учил ее, что человеческие чувства – как пламя. Их можно раздуть до пожара, а можно потушить до углей. – Мне неловко спрашивать, но он сделал это по вашему согласию?

Женщина уставилась на нее:

- Конечно, по согласию! Что я, дура, такому красавчику отказывать?

Эглина сосредоточилась и направила чувства на посетительницу. Два небольших щупа выросли из ее ауры и потянулись к женщине. Эглина практиковалась редко, и вмешательство в чужие эмоции давались с большим трудом. Судя по всему, посетительница действительно была уверена в своей правоте. Эмоции гнева и обиды так и рвались наружу. Эглина аккуратно дотронулась до них и перенаправила в неуверенность, огонек которой зародила сама. Чувствуя, как ощущение тревожной неуверенности начинает нарастать, писарь убрала ментальные щупы. Подумала, что мастер Иниан мог бы ей гордиться.

- Вы понимаете, - сказала Эглина участливым голосом, - по законам Великого княжества, ваш жених обязательно должен присутствовать и дать свое согласие. По-другому мы ничего сделать не сможем.

- А как же быть? - неожиданно для самой себя растерялась посетительница и вдруг заплакала. – Он ведь… ну… я ж… Мужчины меня никогда не замечали! Даже не

приставал никто – хотя подружки все давно замужем! И вот такой красавец – я на него засматривалась из окна – как он меха раздувает. Ну, понимаете, украдкой поглядывала, когда в кузницу приходила. А давеча смотрю: идет, спотыкается. Ну, думаю, бедняжка, еще ж упадет где-нибудь под забором. Я его приобняла, позвала с собой. Накормила, смотрю – приставать начал. Ну, я ж не дурная. У меня, может, шанс последний! А с утра он встал и даже не попрощался. А кому я обесчещенная сейчас нужна?

В дверь вошла Ника. Посмотрела на рыдающую женщину, покачала головой и села за стол. Рыжая сегодня вела дела по разводам, а разводиться сегодня жители Нирры и окрестных сел были не в настроении. Поэтому Ника заполняла отчетность и периодически сочувственно глядела в сторону подруги, которой сегодня, судя по очереди, отдыхать не придется.

- Так, слушайте меня внимательно, - улыбнулась Эглина. – Сейчас вы пойдете домой, отдохнете и успокоитесь. Потом тщательно вымоетесь и причешетесь, переоденетесь во что-нибудь подобающее и вечером пойдете в ближайший трактир – там вам обязательно кто-нибудь встретится. Может, не сегодня – тогда отдыхайте и не думайте о грустном, но в ближайшее время вы обязательно встретите того, кто вас полюбит.

Женщина замигала удивленно, и Эглина снова прощупала ее настроение, немного заглушив страх и предав решительности.

- Спасибо, пани писарь, - посетительница улыбнулась. – Спасибо, вы так меня выручили. Вот вам – немножко.

Женщина полезла в сумку, но Эглина остановила ее.

- Спасибо, но не стоит. У нас с этим строго – и выгнать могут.

- Понимаю, милая, понимаю, - женщина участливо посмотрела на писаря. – Я тогда пойду…

- Идите, - улыбнулась Эглина. – У вас все будет хорошо. Скажите пока не заходить – перерыв четверть часа.

Рассыпаясь в благодарностях и кланяясь, женщина вышла за дверь.

- Как ты с ними справляешься? - Ника оторвалась от работы. – У меня терпения на таких не хватает. Они ж… стукнутые какие-то.

- Не зря же у меня был отличный балл по дипломатии, - улыбнулась Эглина подруге. – Конфликт почти всегда лучше решить, чем усугубить. Все равно потом тебе же расхлебывать придется.

- В то время, когда у нас была дипломатия, мальчики с потока фехтованием занимались. Я бегала смотреть.

- Оно того стоило? – усомнилась Эглина. Она встала, подошла к бочке с травяным отваром и налила себе немного.

- О, да, - мечтательно закатила глаза Ника. – Ты бы их видела!

Эглина сказала непристойность, Ника захихикала и швырнула в нее скомканный лист бумаги.

- Пан Мирко просил остаться после службы, - сказала Ника, отсмеявшись. – Что-то важное сказать хотел. Опять планы на вечер накрываются! Да, пес их всех раздери, неужели нельзя зайти сейчас и все рассказать?

- Чего, интересно, там еще придумали? - скривилась Эглина. – Теперь будем заполнять в два раза больше отчетности?

- Скорее платить меньше будут, - вздохнула Ника. – «Простите, девочки, но из-за обвала на золотых рудниках в Дальних Пердунах сокращаются расходы на канцелярию».

Эглина грустно улыбнулась. Мястканцлер Мирко Тиничский, глава канцелярии Нирры, был добрым, несколько безвольным человеком лет пятидесяти, из безземельных дворян, поступавших на службу в поисках лучшей жизни. Высокий, лысоватый, с остатками коротких седых волос, черными с проседью усами. С подчиненными он обычно был мил, но вызывал к себе обычно только для плохих новостей. С хорошими спускался сам. Он допоздна засиживался на работе – дома его ждала властная, ревнивая жена и

младший недоросль, так пока и не ушедший на собственные хлеба. Старший сын погиб за год до того, как Эглина попала в Нирру.

Эглина допила отвар, выглянула в коридор и позвала следующую пару.

За работой день прошел быстро. Нике тоже пришлось немного потрудиться – одну пару она убедила подумать подольше, другую – с удовольствием зарегистрировала как разведенных: стервец-муж не работал и клянчил деньги у жены, которая кормила его, его маму и двух малолетних отпрысков. У Эглины экстраординарных пар сегодня больше не попадалось. Монотонная работа и утренние упражнения в работе с Тьмой сказались, и она чувствовала себя уставшей и разбитой. В семь часов после полудня, она вышла, объявив, что на сегодня канцелярия закрывается, вызвав раздраженные причитания и расстроенные вздохи.

- Пошли, послушаем, что скажет начальство, - сказала она, вернувшись в кабинет.
- Что бы ни сказало – хорошо не будет, - заметила Ника.

Эглина глянула на себя в зеркало, подправила волосы, взяла ключ и, пропустив Нику вперед, закрыла дверь. По дороге они выгнали из здания зазевавшуюся влюбленную пару, пообещав, что завтра их «обязательно-обязательно» зарегистрируют.

- Эгли, у тебя были планы на вечер? – спросила Ника, пока они поднимались на второй этаж к кабинету мястканцлера.
- Дойти до дома, дочитать трактат об искусстве пустынников, хорошенько вымыться и спать, - Эглина зевнула. – Очень устала.
- Да брось ты, - дернула за рукав подружку Ника. – Пойдем с нами в «Вепря». Дарик и Мика будут, может, еще какие ребята подтянутся. Выпьем, потанцуем, повеселимся.
- Завтра рабочий день, Ника, - Эглина вздохнула. – К тому же, я действительно очень устала. И, если честно, ни Дарик, ни Мика на меня впечатления не производят.
- Милая, ты так парня никогда себе не найдешь, - поучительно произнесла Рыжая. – Пока все не пообвисло, надо ловить свое счастье.
- Брось, нам по двадцать – пока обвиснет, ты этого счастья поменять раз десять успеешь.
- Значит, в десять раз больше счастья, - захихикала Ника. – Хоть в чем-то. А ты, наверно, князя или графа ждешь? Княгиня Эглина – вот смех-то.

Кабинет Мирко был узким и продолговатым. Мястканцлер сидел за столом, спиной к единственному окну, лицом к двери. Вдоль одной стены стояли шкафы с текущими делами, на противоположной стене располагались два чародейских огня, заливавших комнату ярким светом.

Когда девушки вошли, в кабинете уже стояли их коллеги из отдела регистрации рождения и смерти: невысокого роста, аккуратно постриженная Рития и высокая худая длинноволосая Лина, да две прислужки – Кая и Фетри. Рития была ветераном отдела. Ей шел шестой десяток, и она начала работать еще до того, как Мирко был назначен начальником. Седые, аккуратно постриженные волосы, сделанные на заказ очки, хорошо сидящее форменное платье. Рития следила за собой, была педантична и строга. В свое время она отказалась от поста начальника. Решила, что такие заботы не для нее. Поэтому так и осталась в ранге стольного писаря.

Лина была почти полной противоположностью Ритии. Не сильно следящая за собой, вечно заспанная, она была родственной душой пана Мирко. Нелюбимый муж, непослушный ребенок, жизнь в доме с родителями. Работник из нее был посредственный, без каких-либо надежд на продвижение по карьерной лестнице. В итоге Лина сдалась и теперь плыла по течению своего существования. Сейчас ей было под тридцать, выглядела она почти на сорок, а мыслями была старше Ритии. Ника как-то предположила, что у Мирко и Лины может быть роман – слишком уж они на людях вели себя официально, да и засиживались на работе часто. Предположение это, с точки зрения Эглины, было небезосновательно – этакая единственная радость в жизни обоих.

- Пане, - пан Мирко встал из-за стола. – Мне сегодня сообщили, что к нам направляют очередную проверку. Не знаю, чем мы им не угодили – но сведения верные. Какая-то мястканцлер, причем, судя по всему, из самого Ластарта.
- Столичная штучка, - прошептала Ника Эглине на ухо. – Вот уж в нашей-то глуши ей не понравится.
- Ты что-то сказала, Ника? – сердито посмотрел на нее Мирко.
- Нет, пан мястканцлер, - Ника опустила голову.
- Так вот, она приезжает завтра после полудня. До полудня тогда работу прекращаем, приводите в порядок рабочие места и бумаги – и смотрите у меня, чтобы все было хорошо.

У пана Мирко явно было не очень хорошее настроение. Внеочередная проверка через полсезона после очередной – это подозрительно и плохо.
- Вопросы есть? – Мирко вернулся за стол.
- Пан мястканцлер, - виновато посмотрела на него Лина. – У меня с отчетами проблема, может, вы мне поможете?
- Неси свои отчеты, - махнул рукой начальник. – Посмотрим, что у тебя. Если у остальных вопросов нет, тогда до завтра, девочки.

Лина вышла из кабинета и побежала за отчетами. Рития, Ника и Эглина вышли следом. Прислужки остались, мястканцлер давал им какие-то дополнительные указания на счет комнат.
- Вот где девка на передок слаба, - прокомментировала поведение коллеги Рития. – Бежала бы домой детей кормить, а не «отчеты» свои демонстрировать.

При слове «отчеты» Рития показала на грудь, а Эглина и Ника улыбнулись.
- Смотрите, девки, ищите себе нормального мужика – а то будете, как эта, под столом отчитываться для утешения. Ладно, до завтра.
- До завтра, Рития, - сказала Эглина. – Ника, ты в корчму?
- Да, - кивнула Рыжая. – Рит, подожди, пойдем вместе. Эгли, ты не решилась?
- Нет, я домой.
- Жаль, - вздохнула Ника.
- Эглина, ты молодуха же, - Рития повернулась. – Ты бы пошла, развлеклась, что ли.

Эглина улыбнулась, но ничего не ответила. Рития покачала головой и пошла к выходу. Ника помахала рукой подружке и пошла следом. Эглина вздохнула. Потом повернулась и зашла в уборную. Посмотрелась в зеркало. Действительно, молодая девка. Хорошенькая. Длинные прямые серебристые волосы, правильные тонкие черты лица, веснушки. Не полненькая, но и не худая. Грудь, бедра – все при ней. И чего она, в самом деле, дома сидит? Все боится, что узнают, кто она? Или боится, что дома узнают? Кто узнает? Отец давно погиб – туда ему и дорога. Мама тоже умерла. Сестра про нее и не вспоминает. А она все живет страхами. Эглина отвернулась, вытерла сбежавшую по щеке слезу. Пора заканчивать с этим. В первый же выходной пойдет с Никой в трактир. Вроде Мика – или как там его – был не прочь с ней погулять.

Эглина еще раз глянула в зеркало, облизала губы, улыбнулась сама себе и побежала домой.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 52 день лета.

Прибыв на место ранним утром, Эйниэ до полудня измучалась бездельем. Организовав «случайную утечку» о «внезапной проверке» в канцелярии Нирры, подканцлер Лито строго запретил Иртэе появляться там раньше полудня. Сняв комнату в корчме «Серая лисица» в торговом квартале, она оставила там свои вещи и отправилась на экскурсию по местным купеческим лавкам. Нирра славилась ткаными изделиями, и Эйниэ приобрела себе белый с замысловатым узором платок, коим прикрыла петлицы парадного форменного платья. Затем вернулась в «Лисицу». По утреннему часу никаких представлений не было, официантки были хмурые, а редкие посетители – заспанные. После четвертой чашки травяного отвара она поднялась, кинула пару медяков на стол трактирщику и вышла. «Если я посижу здесь еще полчаса, то сойду с ума», - решила она. Медленно она направилась в административную часть города, по дороге прикидывая, как стоит себя вести во время «проверки». Судя по всему, с местным начальником проблем не будет. А вот вывести Эглину на откровенный разговор было задачей интересной. Сначала, скорее всего, придется отработать ее коллег, разузнать, что да как. И лишь потом сойтись с самой девушкой.

По дороге Иртэя наткнулась на доску объявлений, просмотрела раздел «Разыскиваются живыми или мертвыми», приметила пару особенно запоминающихся рож и оценила награду. Подумала, что градоуправление Нирры явно поскупилось. Затем чуть-чуть понаблюдала за сценой «два недоросля и недовольные мамаши». На пересечении рабочего и рыночного кварталов ей попытались продать бижутерию по цене драгоценностей, «любовное снадобье», пахнувшее почему-то сивухой, и живого ушаста, который очень скоро рисковал отправиться к Феломене. Зверушку было жалко, но времени ухаживать за несчастным животным у Эйниэ все равно не было, и она пошла дальше. У самой границы административного квартала худенький молодой щурящийся парень преградил ей дорогу и сказал:

- Пани, что вы знаете о Богах?

Иртэя скептически осмотрела его. На служителя он был не похож, послушника уже перерос. Сама она воспитывалась в приюте при морвидианском монастыре и о Богах знала многое, но явно не то, что хотел ей рассказать подслеповатый мальчишка. Обычно Иртэя обходила стороной различных сектантов – но сейчас до полудня оставалось еще половина часа, и ей стоило их чем-то занять.

- А что вы можете мне о них рассказать? – она посмотрела в глаза парню.

- Вы никогда не думали, что боги не благоволят всем? Вы не хотели бы изучать священные книги? – оживился тот. Видимо ему не часто удавалось привлечь внимание прохожих, поэтому, даже не прибегая к темному зрению, Эйниэ почувствовала, как настроение парня поднялось.

- А что именно мы там будем изучать? – Эйниэ изобразила удивление.

- Ну… - парень замялся, - официальный храм на многое смотрит не так…

- А как? – Иртэя чуть ближе придвинулась к парню, и тот отступил к стене. Мимо прошли два гимназиста, посмотрели на них, ухмыльнулись. Иртэя улыбнулась в ответ.

- Вы меня не слушаете! – обиженно взвизгнул парень.

- Я вся во внимании, - покорно сказала Эйниэ.

- Я говорю, что все не так, как говорят служители! Боги не милостивы - они карают нас за грехи! Чародейские огни, водопроводы, магия – это все богопротивно!

- Воистину! – согласилась Эйниэ. – Я вот тоже думаю – все это богопротивно! Особенно ванны – как могли додуматься до того, чтобы очищать свою плоть!

- Да, - закивал паренек, - именно, именно!

- Но с другой стороны, если же не мыться, - размышляла вслух девушка, - это же от тебя нести будет. Да и болезни всякие неприятные.

- Плоть вторична, - уверенно сказал парень. – Духовное – вот главное. Богам…

- Богам слава, брат! - Эйниэ приблизилась к нему вплотную. – Как я раньше этого не понимала. Дай мне обнять тебя, ты открыл мне путь к просветлению.

Пареньку деваться было некуда. Он залился краской, попытался уклониться от объятий – но провести мястканцлера было нелегко. Судя по запаху, богопротивными ваннами адепт пока не брезговал.

- Вы не… - пытался сказать паренек, но жаркое дыхание новообретенной сестры не давало ему сосредоточиться. – Я не…

- Что ж ты, милый, - шептала ему на ухо Эйниэ. – Твоя вторичная плоть бунтует? Во грех ввести пытается? Сопротивляйся! Это богоугодное объятие, я чувствую!

- Да вы издеваетесь надо мной! – парень попытался оттолкнуть Иртэю, но, дотронувшись до ее груди, покраснел еще больше, обмяк и обиженно всхлипнул.

- Нет, шельмец, - Эйниэ отпрянула от него, и адепт сполз по стенке на землю. – Издеваются над тобой твои святые благодетели. Я тебя учу. Пошел бы ты умылся, да за ум взялся!

- Боги все видят! - парень глотал слезы. – Они не допустят!

- Не допустят, чтобы за ум взялся? – рассмеялась Иртэя.

- Не допустят свернуть с пути истинного! - парень поднялся и тут же с подозрением, переходящим в уверенность, посмотрел на Иртэю – видимо разглядел заостренные кончики ушей. – Да ты… ты же – эльфийская ведьма!

- Точно, - кивнула Эйниэ и, хищно посмотрев на него, облизала губы. – Сначала я околдую тебя, чтобы ты нарушил обеты, данные богам. А потом убью и съем, дабы душа твоя вечно мучалась в агонии.

Парень вскочил и быстро ретировался, испуганно оглядываясь. Эйниэ смотрела ему в след и хохотала.

В канцелярию она дошла ближе к четверти первого. После случая с неудачливым адептом, настроение у нее было прекрасное. Миновав недовольную очередь (до полудня не открывались, а сейчас вон эта еще без очереди лезет), Иртэя зашла внутрь и сразу поднялась на второй этаж. Постучавшись, она вошла в кабинет мястканцлера Тиничского.

Тот сидел за столом и вчитывался в какие-то бумаги. Он оторвался от чтения, посмотрел на посетительницу, и на лице у него засияла неискренняя заискивающая улыбка.

- Пани мястканцлер, - он протянул ей руку, и она пожала ее. – Доброго здравия вам. Проходите, проходите, присаживайтесь. Травяной отвар? Кофе? Сейчас соберем коллектив…

- И вам доброго здравия, пан Тиничский, - холодно поздоровалась Эйниэ и строго посмотрела на Мирко. – Присядьте и слушайте.

Улыбка исчезла с лица ниррского мястканцлера. Он вернулся за стол и присел, Иртэя устроилась за столом напротив.

- Пани что-то не устраивает? – быстро проговорил Мирко. – Я не понимаю…

- Пан Тиничский, - взодхнула Эйниэ. – Давайте начистоту. Меня отправили сюда потому, что в Ластарте недовольны работой канцелярий на местах.

- А при чем здесь мы, - недоумевающе спросил Мирко. – В прошлую проверку нас даже похвалили – образцовое ведение документации…

- Мирко – можно я вас так буду называть? Так вот, Мирко, понимаете, в подковерную грызню наверху я не лезу и вам не советую. Я не знаю, кто не угодил канцлеру, но копают сейчас под городские канцелярии так, что не дай боги. Так что в ваших же интересах не высовываться, - Эйниэ многозначительно подняла указательный палец.

Тиничскому стало не по себе. Эйниэ чувствовала его волнение, страх и недовольство. «Эко тебя пронимает, - подумала она. – Сейчас я тебя займу на все время операции, чтоб под ногами не путался».

- В общем, мне сказали найти у вас нарушения, - продолжила она вслух. Видя, как Мирко начинает закипать, она примирительно подняла руки. – Мне самой это не по нраву, но если я ничего не найду, и меня по головке не погладят, и сюда комиссию пришлют.
- И что делать? - обреченно спросил Тиничский.
- Выход такой – вы находите у себя какие-нибудь мелкие нарушения, я пишу отчет, предоставляю его в центральную канцелярию. Самое большее – небольшой штраф, жалование сезонное срежут.

Мирко сидел и удивленно моргал глазами. Он ожидал чего угодно – но только не задачи искать нарушения у самого себя.
- С коллективом я побеседую, - пообещала Эйниэ. – Сделаем вид, что все по инструкции.
- Пани…
- Эйниэ.
- Пани Эйниэ, - Тиничский пытался взять себя в руки. Получалось с трудом. – Пани мястканцлер, то есть вы предлагаете мне самому себя подставить? Я ничего не понимаю! Это какой-то бред!
- Следите за языком, Тиничский, - прервала его Иртэя. – Я вам вроде все объяснила – либо вы сами находите у себя ошибки и отделываетесь штрафом, либо их ищу я, и вас отправят в отставку, хорошо, если в почетную. Все, я пошла, коллектив подготовьте – завтра буду беседовать с ними с утра.

Эйниэ поднялась, оправила платье. Мирко сидел, будто оглушенный.
- Вы не проводите меня? – поинтересовалась Иртэя.
- А вы разве не у нас остановитесь? – Мирко подскочил, будто ужаленный. Мало того, что встреча прошла не по его плану – так еще он совсем позабыл об этикете и внутренних правилах.
- Я сняла комнату в корчме, - улыбнулась Эйниэ. – Терпеть не могу казенных помещений.

Мирко непонимающе посмотрел на нее. Иртэя рассмеялась и поклонилась. Тиничский тоже улыбнулся – хотя посчитал юмор проверяющей довольно странным. Они спустились вниз вместе. Иртэя попросила подготовить характеристику местного персонала и прислать ей в корчму. Потом пожелала Мирко хорошего дня и удалилась, оставив того недоумевать и негодовать в одиночестве.

По дороге Эйниэ купила местную газету у босого неумытого подростка, заплатив ему чуть больше, чем требовалось. Мальчишка просиял и пообещал молиться за здравие щедрой пани. Потом Иртэя прошла мимо того места, где она встретилась с молодым фанатиком. Тот не вернулся – видимо утренние приключения слишком повлияли на впечатлительного юнца. Иртэя постояла немного, задумавшись, и направилась в корчму.

В комнате мястканцлер переоделась в «неофициальное» скромное серое платье с небольшим вырезом, заказала обед и принялась за чтение. Газета называлась «Магистратский вестник» и сообщала о героических буднях местного градоправителя и его подчиненных в борьбе с суровым раздолбайством местного населения и заезжего купечества. Эйниэ скептически хмыкнула – в небольших городах газеты были похожи одна на одну с точностью до запятой. В этой, например, рассказывалось о стражнике Валике, который, не жалея жизни, спас от утопления отрока мястчанки. Иртэя уже встречалась с подобными историями в трех разных городах. Менялись лишь имена стражников, отроков и матерей. Видимо, народу остро не хватало героев, их приходилось создавать прямо на месте.

Остальные три страницы издания Эйниэ просмотрела мельком. Доев обед, она заперла дверь, растянулась на кровати и задумалась.

Ей, приютской сироте из храма Морвида в Илине, казалось странным поведение Эглины Фаркской, сбежавший от княжеской жизни в этот маленький городок. Мирриа не могла понять, каким образом можно бросить родительский дом по собственной воле, что может принудить отказаться от богатства и положения, уехать в Богами забытое место, работать обычным писарем.

Иртэя не помнила своих родителей. Про отца не было ничего известно, мать была танцовщицей в бродячей труппе. Видимо, дочка стала ей обузой, поэтому в три года маленькая Эйниэ оказалась в приюте, а мать исчезла в неизвестном направлении. В храме Эйниэ получила ту долю заботы, которую получали все воспитанники – крышу над головой, сносную еду и работу от рассвета до заката (а периодически и от заката до рассвета). В десять лет ее начали обучать грамоте, в двенадцать, разглядев в девочке талант к темным искусствам, приняли в послушники. К шестнадцати Эйниэ решила, что судьба жрицы не для нее, и подала прошение на обучение в храмовой канцелярии. Морвидианцы, известные свободными нравами, не стали возражать, и через четыре года, окончив базовый курс, Эйниэ получила ранг дельного писаря и право работать в любой канцелярии Великого княжества. Но молодую полуэльфку тянуло на приключения – и очень скоро она уже служила при городской страже в Илине. Работка была не из престижных – приходилась зачастую не спать ночами, общаться с неприятными субъектами, ходить в опасные места с не иллюзорными шансами получить кинжал в бок или стрелку в грудь. Никто из стражников не рассчитывал, что молодая писарь надолго задержится. Думали, что, как и остальные, сбежит, не проработав и сезона.

Эйниэ проработала два года, получив ранг польного писаря и не единожды помогая страже – иногда советом, а иногда и в обезвреживании уличных преступников. Именно из-за хвалебных рапортов тысячника илинской стражи начальство в Ластарте обратило внимание на Эйниэ. В Илинскую канцелярию пришло распоряжение включить ее в проект боевых групп.

На улице стемнело. Стража зажигала фонари – городок был маленький, и на чародейский огонь средств магистрату не хватало. Иртэя зажгла свечи, посмотрела в окно.

Торговый квартал сворачивался – люди спешили по домам или по трактирам и корчмам обсудить с семьей или друзьями-приятелями произошедшее за день. Под окном три горожанина о чем-то оживленно спорили. Вокруг корчмы собирался народ. Эйниэ зевнула, подошла к зеркалу и придирчиво посмотрела на себя. Придется переодеться и нанести макияж – не может же она, почти столичная гостья, спуститься вниз в таком виде.

Она шла по лестнице, придерживая полы длинного облегающего платья лазурного цвета. Рукава не доходили до локтя, декольте оставляло простор для фантазии. Знак канцелярии «за десять лет безупречной службы» сошел за брошь – небольшое серебряное перо, украшенное полудрагоценным камнем. Волосы Иртэя собрала в косу, спустив ее вперед. Все это, вкупе с высоким ростом, делало ее заметной среди постояльцев и гостей корчмы.

Сам хозяин, представительный седовласый мужчина, проводил ее за столик. В город редко заезжали гости из столицы, а канцелярские останавливались где-нибудь кроме здания канцелярии еще реже. Поэтому хозяин посчитал целесообразным воспользоваться случаем и оставить о себе хорошее впечатление. «В случае чего, может, зачтется», - думал он про себя.

Иртэя поблагодарила корчмаря, присела за стол и осмотрелась. Зал был большим и хорошо освещенным. Сейчас он был практически полон – «Лисица» слыла одним из любимых мест проведения досуга горожанами Нирры с достатком выше среднего. Первичный осмотр показал, что Эйниэ как минимум не уступала местным качеством наряда, а многих даже превосходила. Это принесло приятное чувство удовлетворения. На сцене три лицедея изображали классическую сцену «Книги Назара» - Ресментельский совет. Получалось не очень, но ребятам, ставившим религиозную классику в стенах местячковой корчмы, следовало отдать должное хотя бы за усердие. Иртэя подозвала официантку и заказала пиво.

Люди приходили и уходили, по залу слонялась от столика к столику гадалка в поисках наивных простаков. Иртэя вкушала ногу вепря, запивая пивом. К ней то и дело подходили мужчины разной степени респектабельности с предложениями угостить и составить компанию. Мястканцлер вежливо отказывалась, ссылаясь на усталость.

Приключения любовного характера ее сегодня не интересовали, да и не стоило совмещать работу и развлечения.

Лицедеи тем временем покинули сцену, уступив место маленькой аккуратной девушке-менестрелю с шестистрункой. Девушка была одета в зеленую блестящую блузку мертволесских тканей и шерстяные серые штаны. На каждой руке по несколько разноцветных браслетиков. Черные до пояса волосы были распущены, и Эйниэ стало любопытно, не будут ли они мешать менестрелю играть.

Девушка подстраивала инструмент, увлеченно перебирая струны. Иртэя вернулась к еде и размышлениям. Интрига, задуманная канцлером, ставила ее в тупик. В политике она была не сильна, но ей всегда казалось, что дворянство – основа Великого княжества, и держится эта основа на незыблемости дворянского права. Сейчас же канцлер и Великий князь по своей воле вмешивались в дворянские дела, стремясь нарушить закон о праве наследования. Иртэе было сложно понять, каким образом можно спасать государственную безопасность, подрывая государственные устои. Она допускала, что часть информации для нее неизвестна, да и не считала себя умнее канцлера или Великого князя. Размышляя над порученной Алому клинку операцией, она старалась поймать ту ниточку смысла, которая ускользала от нее.

- Эй, важная пани, - окликнули ее. Иртэя подняла голову. На нее сверху вниз смотрела Мали – с большими позолоченными серьгами в ушах, кольцами на каждом пальце и в странном мешковатом наряде. - Важная пани не желает погадать на любовь иль семью? - осклабилась писарь. – Посеребрите ручку и узнайте, что ждет на пути.

- Посеребрить-то посеребрила бы, да стоит ли того твой дар? – ответила Иртэя. Жестом она остановила идущего к ней с целью выпроводить докучающую важной гостье гадалку хозяина.

- Так ты послушай, а там и решишь, достоин ли мой дар твоей серебрушки, - сказала Мали, присаживаясь.

Иртэя заказала еще пива и протянула ладонь «гадалке». Мали сосредоточенно начала водить пальцем по линиям руки. Менестрель перебрала струны и начала играть.

- А не великовата ли ты для трока, Мали? - шепотом спросила Иртэя. – К чему этот наряд?

- А не полновата ли ты для эльфки? – гадко улыбнулась Адда. – И платьице не слишком узкое?

- Ой, нарвешься ты у меня! Что узнала?

- Ты б пива мне заказала, что ли? – Адда провела пальцами по руке. – Я день по городу бегаю, да и болтать уже горло пересохло.

- Не заслужила, - ехидно улыбнулась Эйниэ, но, увидев выражение лица Адды, быстро добавила. – Хорошо. Есть будешь?

- Не, не буду разорять бедную государственную служащую, - произнесла Адда, жадно глядя на остатки мяса на тарелке Иртэи. Эйниэ вздохнула. И заказала подруге еды.

Пока Адда насыщала организм, Иртэя потихоньку пила пиво и слушала менестреля. Мелодия ласкала слух, то накатывая волнами, то освежая легким ветерком.

- Красиво играет, шельма, - с набитым ртом сказала Адда. – Никогда не любила эти трельки, но что-то в этой мелодии есть.

- Мали, ты и так вошла в образ, - недовольно и резко оборвала ее Иртэя. – Не надо уже совсем изображать из себя воспитанную троками невежу. Ешь быстрей и рассказывай.

Адда пожала плечами и принялась жевать дальше. Она не обиделась. Ну и что такого, в плохом настроении Эйниэ? Как минимум три раза в сезон и у нее настроение портилось.

Менестрель закончила играть, прикрыла рукой струны. А потом зазвучал незатейливый перебор, и девушка запела высоким звонким голосом:

Кому нужен день без света,
Плетение пустых фраз,

Вопрос, лишенный ответа,
И жизнь без любимого глаз?

Кровью не мытая воля,
Песня, что далась без мук,
Мир, где счастье без боли,
И ночь без любимого рук?

Приз без борьбы и победы,
Как кошель у бедного, пуст.
Кому нужен день без света
И жизнь без любимого уст?

- Кровью не мытая воля, - повторила Иртэя слова песни. – Неужто свобода всегда измеряется кровью?
- Свобода, - прожевав, сказала Адда. – Свобода, Эйни, измеряется кошельком. Пока жрать у тебя нечего – какая тут свобода?
- Тебе лишь бы опошлить, - скривилась Иртэя.
- Правда – не пошлость, - Мали допила бокал. – Правда – это правда. И попробуй только сказать, что я ничего не понимаю в свободе и крови.
- Понимаешь, Адда, понимаешь. Горло промочила – давай рассказывай.
- Угу, приступим. Ток руку мне дай, а то наша маскировка и так по швам трещит.

Иртэя фыркнула и протянула Адде руку.

- Итак, милка моя, - Мали провела пальцем по ладони Эйниэ, - ждет тебя дорога, да дом казенный, да пятеро законников, одна из которых пани знатная. А еще где-то ошивается крыса последняя, за паненкой следящая…
- Вот оно что, - Иртэя нахмурилась. – А об этом подробнее.

Адда приехала в Нирру чуть позже, чем Иртэя – за небольшую плату подвязалась к знакомым трокам в повозку. Лито и Кирий предположили, что Теринский просто обязан был организовать слежку за Эглиной, и канал необходимо было отследить. Это очень помогло бы как в работе с самой княжной, так и с компрометацией графа Милана. Задачу возложили на Мали, оставив ей свободу импровизации. Адда, сама когда-то подрабатывавшая на почте, предположила, что начать поиск стоит оттуда.

- В общем, нагадала местным девкам с три короба, - хитро улыбнулась она, - и потом, такая, говорю: а есть ли у вас, девочки, в городе богатенькие приезжие? Ну, они мне сразу про тебя давай рассказывать, дескать, в канцелярию столичная штучка заехала, не иначе как с проверкой. Немного почехвостили тебя, вот, а я говорю, дескать, а кто-то более местный – хочу пару деньков тут пообжиться. Они сначала скривились недовольно. А я и говорю, что если хорошо заплатят, так я в долгу не останусь, угощу чем-нибудь. Ну, тут задумались они крепко. Про всякую шушеру рассказывают. И я не отстаю – сплетенками делюсь, дескать, в Фарке вон была, там сейчас новый то ли графчик, то ли князек уже, красивый, на местной мымре женится. И тут одна из них так вдруг и захохочет. Помните, говорит, треть сезона назад забегал один хмырь, как раз вроде в Фарк слал письмецо. Те на нее цыкнули, да и приговаривают, что, дескать, тот не из Фарка был, да и письмо слал не туда, а в Циверк. Ну, я так – тип не богатый? - а они – не, так себе выглядел. Шумел только много. Я рукой махнула, а хохотушку заприметила.
- Интересно, с чего бы такая забота о конфиденциальности клиента, - усмехнулась Эйниэ. – Почтовые вроде никогда не страдали особой щепетильностью в этом вопросе.
- Я тоже так подумала, - кивнула Мали. – Поэтому как от них вышла, пошла поговорить с местными вепревыми. Ну, на удачу, вдруг они чего знают.
- Ну, это вполне мог быть не наш герой, - заметила Иртэя. – Мало ли кто шлет письма в Циверк.

- Вепревые мне ничего путного не сказали. Ну, я им бутылку крепкой оставила, говорю: появится кто богатенький, я зайду – вы мне скажите. Прошлась по корчмам. Чуть не набралась, благо снадобья отрезвляющие с собой были. И вот в рабочем квартале – есть там такой трактирчик, «Наковальня» называется – с вепревым разговорилась. А он мне и говорит, что каждые две седмицы заезжает к ним франт один. Года полтора уже. Последний раз, говорит, полторы седмицы назад был, ждут скоро. Ну, я пожалилась, что столько наверно тут не пробуду, чмокнула его, бутылочку подарила.
- На тебя никаких суточных не хватит, - цокнула языком Эйниэ.
- Ты вот тоже не голодаешь, - ответила Мали. – И живешь не в канцелярии.
- Тоже верно, - согласилась Эйниэ. – Пока платит канцлер, было бы большой оплошностью не воспользоваться.
- Ну, за канцлера, - захихикала Мали и залпом осушила кружку. Иртэя последовала ее примеру.
- Еще, мне вепревый сказал, что этот самый гонец как раз треть сезона назад и не приехал.
- То есть как раз тогда, когда на почту наш не-фаркский гость заявился, - подытожила Иртэя.
- В точку, - сказала Мали и с тоской посмотрела на опустевшую тарелку. – Эй, подруга, еще не закажешь?
- Что ты мне такого нагадать должна была, чтобы я тебя кормила на такое количество денег?
- Ладно, жадюга, я тебе припомню, - недовольно скривилась Адда.
- А с девочкой словоохотливой с почты ты поговорила?
- Ловко меняешь тему, - Адда, все еще недовольная, посмотрела на Эйниэ. – Конечно, поговорила. Встретила у почты, проводила до дому, погадала бесплатно. Только она мне то и сказала, что мужчина был немолодой, серьезный. Очень просил побыстрее письмецо отослать, деньги предлагал немалые и очень расстроился, когда не получилось. Ругался громко, когда вышел. Где он живет, она не знала, наверно, «где-то среди богатеньких». Но оббегать все дома в округе у меня времени не было.
- И не надо, - облизала губы Иртэя. – Поселишься в «Наковальне», пусть тебе твой знакомец шепнет, когда наш гонец появится.
- Не учи ученую, - Адда встала. – Ой, вводишь ты меня во грех, Иртэя. Там же мужики рабочие, ууух, мускулы какие.
- Ну и вкусы у тебя, - скривилась Эйниэ. – Бедный Сайн.
- О вкусах, милка, не спорят, ими наслаждаются, - Адда серьезно посмотрела на подругу. – А Сайн не бедный. Выдумали тоже – раз милок есть, так на других красавцев и посмотреть нельзя! А теперь посеребри ручку, а то как-то не по совести получается.
- Я тебя накормила! – возмутилась Эйниэ.
- А я тебе нагадала аж на два ужина, - ответила Адда. – Давай, не жмись, подруга.
- Грабительница, - проворчала Эйниэ, но достала из кошелька две серебрушки и протянула Мали. Та поклонилась и быстренько исчезла из зала.

Эйниэ заказала еще кружку пива и прислушалась к следующей песне менестреля.

Альят, Год 1476 от В.Н., 54 день лета.

Иниан Айклин смотрел в окно. Капли дождя, стекая вниз, рисовали на стекле причудливые узоры. Эльфа они завораживали. Он проводил взглядом каплю, прочертившую линию сверху вниз. Там, в покинутом десять лет назад родном краю, обходились без стекла. Раньше же, когда он бывал в людских владениях, он не обращал внимания на такие мелочи. Есть вещи, красоту которых начинаешь понимать только с возрастом.

Стена дождя оградила его комнату от остального города. Огни в домах напротив уже потухли, и окна их лишь изредка освещались всполохами молний. Богиня Эльвэниэн сегодня разгневалась не на шутку – такую грозу он видел последний раз очень давно.

«Отличный был бы вечер для смерти», - подумал Иниан. Он подошел ко внушительных размеров сундуку у стены, в котором держал свои вещи. Те вещи, которые остались у него от жизни в Мертволесье. Поднял тяжелую крышка и извлек из сундука черный плащ с капюшоном, кожаные наручи и маску храмовника. Он облачился и посмотрел на маску. Произведение искусства, она была сделана на заказ одним из лучших творцов Мертволесья. Такие маски называли «Скорбный взгляд»: мертвенно белый цвет, с черной окантовкой по контуру, излом по правой щеке, открывающий половину рта и скулу. Он перестал надевать ее еще в Мертволесье, когда отказался от служения, в ожидании изгнания. И потом уже, будучи наемником, он не решался надеть маску снова. И вот теперь время, видимо, наступило. Кто бы сейчас ни пришел за ним, он должен понимать, что бывший храмовник серьезно настроен на последний бой. Иниан не зажигал ни свечи, ни камин – хотя одного канделябра вполне хватало, чтобы осветить маленькую комнатку, которую он снимал с тех пор, как появился в Альяте.

Еще днем он почувствовал, что его ищут. Больше двух лет он был в бегах, чувствуя преследователей за спиной. И вот тут, когда Иниан уже думал, что оторвался от них, кто-то пустил по городу «темную сеть». Грубое темное вмешательство, но вполне эффективное вне границ Мертволесья. Мастер Айклин не мог понять, каким образом преследователям все же удалось определить, что он здесь, но теперь готовился наконец встретиться с ними лицом к лицу.

Иниан надел маску. Знакомый холодок на лице, все как в старые времена. Только его меча нет под плащом. Меча его лишил сам король: если храмовник не служит Мертволесью, то меча он недостоин. Боль до сих пор давала о себе знать. Он чувствовал, когда уже после его изгнания меч сломали – неделю после этого он лежал в бреду, только доброта трактирщицы да деньги, уплаченные вперед, помогли ему тогда не погибнуть. Он снова встал и посмотрел в окно. В блеске молнии он увидел свое отражение. Воистину, когда-то он был способен испугать саму смерть – посмотрим, чего он стоит теперь. Из-под кровати он вынул обычный меч северной ковки, служивший ему оружием последний десяток лет. Хороший клинок, но ему, конечно, было далеко до настоящего двухклинкового оружия ланиртов.

Дверь в комнату отворилась, и эльф обернулся. Он не сомневался, что его гость пройдет неслышимым по коридору, но ловкость проделанного все равно восхитила его. Пришедший был одет в такой же длинный черный плащ, капюшон на голове скрывал лицо.

- Я восхищен твоей ловкостью, - произнес Иниан.

Пришедший фыркнул и скинул капюшон. Отер лицо руками.

- Я счастлив, что мне удалось наконец восхитить вас, Мастер Айклин, - канцлер Великого княжества Ластартского Ирлинг Альята поежился. – Но не могли бы вы зажечь свет и камин? И снимите маску – мы не у Темного трона.

- Ирлинг Эльден? – в голосе Айклина слышалось удивленное недоверие.

- Я предпочитаю «Ирлинг Альята», - канцлер скинул плащ на спинку стула. На его поясе Айклин заметил длинный кинжал с богато украшенной рукоятью и стрелковое оружие,

которое люди именовали самострелом, – «пан канцлер» или «Ваша Светлость». Зажгите же камин – я промок до нитки!
- Тебе всегда недоставало такта, Ирлинг, - проворчал храмовник. Он снял маску, положил ее на подоконник. – «Темную сеть» ты использовал?
- Я, - подтвердил Ирлинг. – Не было времени заглядывать в каждую дыру, в которую вы могли забиться.

Иниан взял огниво, подошел к камину и зажег его. Затем зажег еще несколько свечей, скинул плащ на кровать и начал развязывать наручь.
- Я бы спросил, кто учил тебя так обращаться с «сетью», но, боюсь, я знаю ответ. Скажи мне, мой бывший ученик, неужели должность и положение в обществе так ослабили твою память? Вторая эмоция в «сети» не страх, а любопытство. Страх используется при карательных действиях на заранее известную личность. Понять бы, ты забыл это за последний век или никогда не знал.
- Но ведь сработало! - почти обиженно протянул канцлер. В присутствии старого учителя ему стало не по себе. «Хорошо, что меня никто не видит», - промелькнула у него мысль. Но он быстро подавил ее в себе. Не хватало еще, чтобы Мастер почувствовал его неуверенность. – И потом, ваш страх выдал вас с головой. Это кого ж вы такого зацепили?
- Кого-то достаточно могущественного, как ты понял, – Иниан бросил наручи на плащ. – У тебя, в твоем-то положении, должно быть достаточно ресурсов, чтобы узнать это, не обращаясь ко мне.
- Я знаю, что вы единственный из Гончих Хамса избежали смерти, - сказал Ирлинг. – После этого исчезли на три года, а сейчас появились здесь, в моем городе. Я не питаю к вам особой симпатии, вы это знаете. Тем не менее вы предпочли остаться здесь. Надеялись, что ваши преследователи не пойдут за вами, потому что могут привлечь мое внимание?
- А еще больше, что мое появление не привлечет такого пристального внимания и ты не явишься ко мне лично. Но, в общем, все верно.
- Так куда же вмешались Гончие, что вашей жизни уже три года угрожает опасность?
- Это никак не связано с Гончими, - Иниан посмотрел на Ирлинга. Их глаза встретились, и канцлер не выдержал взгляда.
- Допустим, - сказал он, глядя на огонь в камине. – Тогда с чем же это связано?
- Сперва скажи, зачем ты пришел ко мне?
- Мне нужна ваша консультация по одному вопросу, - Ирлинг вытянул руки к камину, ощущая, как приятно растекается тепло по продрогшим пальцам. – Думаю, это не касается вашей проблемы.
- Тогда зачем спрашиваешь?
- Скажите спасибо, что я не начал с причин вашего изгнания из Мертволесья. Согласитесь, меня не может не интересовать ваша деятельность на территории Великого княжества – учитывая ваши способности и репутацию.
- Причины изгнания как раз очень просты: Данэирт - старый консервативный идиот, который начал впадать в маразм. Я не был уверен, что с нами, эльфами, это происходит. Но он предоставил мне возможность убедиться на практике. Кстати, десять лет назад тебя он поносил на чем свет стоит. Так что будь осторожней, если соберешься в Мертволесье с посольской миссией. Характер у старика с каждым годом все более мерзкий.
- Я запомню, - улыбнулся Ирлинг. – У вас не будет чего-нибудь выпить горячего?
- Только горячительного.

Иниан достал из небольшого шкафчика бутылку настойки и две рюмки. Ирлинг придирчиво осмотрел бутылку, удовлетворенно хмыкнул, открыл ее, налил себе и храмовнику. Выпили, не чокаясь, залпом. Канцлер закашлялся, потом глубоко вздохнул, скривился, но смолчал.

Они посидели в тишине еще некоторое время. Это было традицией прошедшей Войны Храмов: если ланирты пили крепкие напитки в компании сородичей, то после первой рюмки они поминали павших – и своих, и вражеских.
- А что касается причин, по которым я в бегах, - сказал, наконец, Иниан. – Ирлинг, Эсте мертва. Ее убили из-за меня.

Ирлинг недоверчиво посмотрел на бывшего учителя. Эсте Лайин была одной из самых могущественных ланиртов старой школы и очень влиятельной женщиной. То, что ее могут просто так убить, вообще не укладывалось в голове.
- Быть того не может, - сказал наконец канцлер. – И никакой реакции Темного трона?
- Официально она оступилась и упала с уровней вниз, - горько усмехнулся Иниан, глядя на недоверчивую гримасу Ирлинга. – Но ты сам прекрасно понимаешь, что просто так этого случиться не могло. Особенно если в нашу последнюю встречу я просил ее об одолжении, а через полсезона она мертва, а по моему следу идут убийцы.
- И что это было за одолжение?
- Личного свойства, Ирлинг, - Айклин вновь наполнил рюмки и залпом опустошил свою. Ирлинг последовал его примеру. Эсте долгое время была любовницей Иниана Айклина, еще в те времена, когда сам канцлер обучался в Мертволесье. Что происходило между ними в последующее столетие, да и вообще, в какие внутренние интриги мог влезть его бывший учитель, Ирлинга, конечно, интересовало, но он был уверен, что Айклин просто так не выдаст своих секретов.
- Так что привело тебя ко мне? - спросил Иниан, меняя тему разговора. – Тем более в такой невежливой манере.
- Эглина, княжна Фаркская, - сказал Ирлинг. – Помните такую?

Айклин некоторое время сидел, будто раздумывая. Он помнил маленькую Эглину, девочку с живым умом, любопытную, честную. И с талантом к темному искусству. Слышал он также и о происходящем нынче в Фарке. Причудливо сплетались нити судьбы, ничего не скажешь.
- Возможно, - сказал он. – И чем тебя заинтересовала девочка?
- Девочка – ничем. Княжна Фаркская – ролью, которую она должна сыграть в политической жизни своего княжества.

Ирлинг в общих чертах рассказал Иниану о положении в Фарке. Иниан дослушал рассказ бывшего ученика. И рассмеялся.
- Значит вас, двух матерых псов, какой-то щенок обвел вокруг пальца? – храмовник хохотал. – Ну, ты-то ладно, но Неркан – этот-то как проморгал?
- Мастер Айклин, – недовольно произнес Ирлинг, – я не затем рассказал вам эту историю, чтобы вы подвергали сомнению ум и наблюдательность Великого князя. Мне нужна ваша консультация в отношении княжны. Вы знали ее и можете сказать, что мы можем от нее ожидать.
- В зависимости от того, что собираетесь с ней делать, - Иниан стал серьезен. – И что ты собираешься мне предложить.
- Предложить?
- Ирлинг, не строй из себя простака, - Иниан поморщился. – Нам с тобой обоим давно за сотню. Ты вряд ли надеялся, что я помогу тебе по доброте душевной. Тем более учитывая наши старые разногласия. Ты ведь выспрашивал у меня о причине моего бегства для того, чтобы понять, можешь ты мне предложить защиту от преследователей или это будет затрагивать интересы Великого княжества. Я прав?
- В общих чертах, - неохотно подтвердил Ирлинг.
- Значит, о моих условиях мы поговорим позже. Расскажи мне, что вы планируете делать с княжной?

Ирлинг задумался, стоит ли посвящать мастера во все детали операции. И решил, что сойдет та версия, которую он дал Алому Клинку.

- Мы хотим посадить ее на трон вместо сестры, - сказал канцлер и кратко изложил суть операции.
- Ваш план зияет дырами, Ирлинг, - заметил Иниан. Он достал трубку и принялся набивать ее, не обращая внимания на недовольное лицо собеседника. – Во-первых, девочка может не согласиться на ваше предложение.
- Мы думали об этом и…
- Не перебивай, – наставительно произнес Айклин. Он встал, взял с подоконника маску и положил ее в сундук. Потом зажег трубку и снова уселся перед камином. – Во-вторых, она будет абсолютно не подготовлена к правлению. Даже теоретически представляя, что нужно делать, ей не хватит жесткости. Тебе нужна дикая кошка, а не вышколенный котенок.
- Вы сами знаете, как часто котят сажали на престол – и все было вполне пристойно.
- Одной из самых страшных ошибок Войны Храмов было именно насаждение такого количества котят, - скривился Иниан. – Они легко поддаются влиянию, и неразумно считать, что это всегда будет ваше влияние. Фарк – взрывоопасный регион, ты согласен? Если вы не подготовите девочку к правлению, то через пару лет вам все равно придется гасить восстание войсками, только последствия будут еще хуже, чем сейчас. Вам нужен союзник, а не марионетка. Марионетка на троне там уже есть сейчас, судя по тому, что ты говоришь.
- Допустим, - принимая игру Мастера, согласился Ирлинг. – И что вы предлагаете?
- А вот теперь мы подходим к тому, что ты можешь мне предложить. Я помогу тебе за определенную услугу. Точнее, две услуги.
- Если вы не попросите у меня титул герцога и голову Данэирта, - вздохнул Ирлинг, - я подумаю над вашим предложением.
- Все гораздо проще, - улыбнулся Иниан. – Первое – я хочу меч. Меч-заготовку для ланирта.
- Я передумал насчет титула герцога, - озадаченно произнес Ирлинг. – Это было бы проще.
- Ты достанешь меч? – жестко спросил Айклин.
- Достану, - кивнул Ирлинг. – Второй просьбой будет голова Данэирта?
- Да что ты заладил со своей головой, - отмахнулся храмовник. – Я хочу участвовать в вашем предприятии.

Ирлинг удивленно посмотрел на Иниана. Тот хитро усмехнулся и снова наполнил рюмки.
- Если ты нашел меня, то и преследователи рано или поздно найдут. Сидеть и ждать, пока за мной придут, даже если охранять меня будет вся твоя гвардия – это не по мне. А тут я окажусь при деле, да еще и в центре событий государственного значения. Если они и не потеряют след окончательно, то вряд ли решатся влезть в эпицентр урагана.
- Я могу это устроить, - согласился Ирлинг. – Вопрос в том, насколько я могу вам доверять.
- Я когда-нибудь тебя обманывал? - хитро улыбнулся Айклин
- Ни разу, - признал Ирлинг. – Что ж, тогда вы в деле.
- За доверие, - поднял рюмку Айклин, - и за успех.

Ластарт, Год 1476 от В.Н., 55 день лета.

Последние четыре дня стали для графа Легийского настоящим кошмаром. С тех пор, как канцлер отбыл в Альят и передал ему часть своих дел, Лито приходилось ночевать на работе. Тем не менее отчет по «фаркскому пасьянсу» и сопутствующим операциям для Великого князя он подготовил в срок. Не в первый раз, будучи на докладе у Неркана, Лито отмечал, что в присутствии Его Величества чувствовал себя неуютно. Великий князь производил впечатление человека далекого от работы и методов канцелярии. Но граф Легийский неоднократно видел, как Неркан Элендский мог поставить собеседника в неудобное положение в тех вопросах, в которых, казалось, не разбирался. Поэтому, готовясь к аудиенции у Великого князя, Лито старался предусмотреть все вопросы, которые тот мог задать. К большому сожалению подканцлера, доклад был слишком общим. Конкретных ответов по многим вопросам пока не было – и в этом Лито видел большой промах своего ведомства. Во всем, что касалось работы, граф Легийский старался походить на канцлера Ирлинга. И теперь он силился понять, как поступил бы на его месте герцог Альята. Но ответа не находил. Несколько раз он помянул канцлера недобрым словом – и понадобилось же тому лично заниматься поисками старого эльфа…

Лито протер глаза. До аудиенции оставалось чуть меньше часа. Он встал, прошелся по кабинету, размялся. Выглянул в коридор, попросил дежурного писаря сделать ему крепкий кофе и проследовал в уборную. Вымыл лицо – мир стал чуть менее раздражающим, а сам подканцлер чуть более бодрым. Он вернулся в кабинет.

За кофе подканцлер еще раз пересмотрел все бумаги по докладу. Сделал пометки на тех документах, информацию в которых ставил под сомнение. Затем вызвал своего заместителя и отдал ему несколько распоряжений. Заместитель, тоже ночевавший на рабочем месте, более в силу характера и желания выслужиться перед начальством, нежели по острой необходимости, угрюмо кивнул и с мрачной решимостью отправился выполнять задания. Вернее, передавать их вниз по иерархической лестнице. Лито зевнул, вызвал дежурного и приказал подготовить ему карету.

Погода стояла жаркая, в карете было душно. Лито дремал, поручив псарю разбудить его по приезде. Подканцлеру снился берег реки около его поместья в Легии, молодые девушки, плетущие венки и пускающие их по течению. Он, облаченный в белые просторные одежды, стоял на балконе и наблюдал за ними. Особенно ему нравилась одна блондиночка, такая худенькая и бойкая, пританцовывающая на берегу. Он улыбнулся.

- Ваше сиятельство! – позвал его слуга. Лито очень хотел отчитать того за несвоевременное появление. Но, дернувшись, подканцлер проснулся.

- Ваше сиятельство! - псарь отворил дверцу. – Приехали!

- Да, хорошо, - сказал Лито, скидывая с себя остатки сна.

Он вышел из кареты, поднялся по широким ступеням, кивнул привратнику и гвардейцам и вошел внутрь.

Графа Легийского проводили к совещательной комнате на втором этаже. Приемная была отделана деревом и выкрашена в белый цвет. Окон не было. Стены украшал позолоченный орнамент, по углам расположилось несколько подсвечников – видимо, как дань традиции. Под потолком висела люстра чародейских огней, ярко освещавшая комнату. В приемной сидел секретарь Великого князя, графканцлер Горовский, у двери в совещательную стоял гвардеец с военным самострелом в руках и коротким мечом на поясе. Лито подошел к секретарю.

- Подканцлер Лито Легийский, на аудиенцию к Его Величеству, - произнес он.

Графканцлер поднялся, поклонился и сказал, что сейчас доложит о прибытии графа. Из-за дверей совещательной донесся раскатистый смех.

- Если Его Величество занят, то я могу подождать, - сказал Лито, усаживаясь в кресло.

- Думаю, он примет вас, - сказал секретарь. – Они ожидали вашего прихода.

- Они? – удивился подканцлер.
- Его Величество принимает у себя Его Высочество Лону Беркликана, - ответил секретарь, и у графа неприятно стянуло живот. Лону Беркликан был, по мнению Легийского, одним из самых неприятных людей во всем высшем сословии Ластарта. Старый вояка не признавал правил этикета, был прям, как дуло самострела, и скор на расправу. А еще являлся одним из самых близких друзей Неркана Элендского. Присутствие Беркликана на докладе было неожиданным и нежелательным. Для Лито было очевидно, что канцлер не хотел, чтобы его главный соперник узнал о его планах относительно Фарка. Но пропустить информацию об операции «пасьянс» в докладе было невозможно. Граф Легийский внутренне сжался.
- Уточните, примет ли меня Его Величество сейчас, или же мне подождать здесь, - как можно спокойнее сказал Лито.
- Конечно, Ваше Сиятельство, - поклонился графканцлер.

Он вошел в совещательную комнату и через мгновение вышел, не закрывая двери.
- Его Величество и Его Высочество ожидают вас.

Лито встал, изобразил уверенную улыбку и вошел в комнату. Дверь за ним закрылась.

Совещательная комната была просторной и светлой. Отделкой она походила на приемную, только по трем стенам висели чародейские огни – по две штуки на стену, а между ними – гербы Ластарта, Илина и Великого княжества. Огромное окно выходило на сад во дворе замка и дворцовую площадь. Посреди комнаты расположился длинный стол, шестнадцать стульев и мягкое кресло, служившее Великому князю троном.

Неркан Элендский и Лону Беркликан стояли у окна. Великий князь был одет в богато вышитый длинный камзол парадных желто-красных цветов, темные свободные шелковые штаны и рубашку. На ногах темные туфли, начищенные до блеска. Элегантный фасон одежды Неркана контрастировал с обмундированием Лону – высокие военные сапоги, стальные наручи, кожаные штаны и броня с перевязью. Широкий длинный меч в ножнах. Лито в очередной раз поразился росту и складности Беркликана. На полторы головы выше Великого князя (сам Лито по сравнению с ним казался карликом), гораздо шире в плечах. Седые волосы аккуратно уложены, черная с проседью борода аккуратно пострижена. На лице, без морщинок, но покрытом мелкими шрамами, широкая открытая улыбка, а вот глаза пронизывают насквозь, не хуже стрел или стрелок.
- Добро пожаловать, граф, - улыбнулся Великий князь. – Мы ожидали вас.
- Доброго дня, Ваше Величество, - Лито низко поклонился Неркану. Затем учтиво склонил голову перед Лону, - Ваше Высочество.
- Приветствую, пан Лито, - кивнул Беркликан. – Великий князь как раз говорил о ваших успехах в фаркском направлении.
- Великий князь слишком добр к нашему скромному ведомству, - снова поклонился Лито.
- Присядем, панове, - Неркан указал на стол. – Желаете ли чего-нибудь?
- Мне бы настойки травяной, - пробасил князь Лону. – Бутылку.
- Я бы, с вашего позволения, выпил бы чашечку кофе, - произнес Лито.

Неркан занял свое место за столом, Беркликан и Легийский последовали его примеру. В дверях появился секретарь, вызванный Нерканом. Услышав пожелания высоких особ, он поклонился и вышел.
- Мы слушаем вас, граф, - повернулся Великий князь к Лито. Тот откашлялся и начал.
- Положение в Княжестве Фарк за последние дни начало меняться, и отнюдь не в лучшую сторону. Местная пресса, подконтрольная графу Теринскому и его приближенным, усилила нападки на политику Ластарта. Наиболее радикально настроенные газеты обвиняли Ластарт и Берклику чуть ли не в торговой блокаде – хотя реальных мер на государственном уровне принято не было. Увеличение цен и уменьшение товаров скорее было следствием политики, проводимой самим Теринским, направленной на защиту интересов фаркских торговцев и цеховиков. Газеты же преподносили увеличивающийся

дефицит многих товаров как происки великокняжеского дворянства самых высоких уровней. Несколько газет, лояльных к центральной власти, подверглись нажиму и гонениям. Помещение одной из них было разгромлено «неизвестными». Действия Теринского против криминального мира Фарка также привели к определенным последствиям. Большое количество мелких и средних дельцов либо оказывались арестованными, либо бежали за границы княжества. Что, естественно, привело к постоянным стычкам криминала друг с другом и со стражей в приграничных областях. Пришлось даже организовать несколько рейдов с участием дворянского ополчения. Цеховики приграничья были недовольны.

Неркан и Лону молча выслушали эти новости. Вошел секретарь, поставил кофе перед Лито и бутылку ластартки и рюмку перед Лону. Неркан кивнул, и секретарь вышел, закрыв дверь.

- Хм, а шельмец здорово взялся за дело, - нарушил молчание Беркликан. Он открыл бутылку, налил рюмку и осушил ее залпом. – Но и мы не лыком шиты. А, Неркан, давай сделаем его сказку былью – запрем границы – посмотрим, как петушок запоет.

- С позволения Вашего Высочества, - произнес Лито. – Блокада только еще больше настроит фаркийцев против нас.

Беркликан глянул на Лито, уголок его рта дернулся. Легийский остался бесстрастным. Он понимал, что Беркликан провоцирует Великого князя, подталкивает к решению, хочет посмотреть, не решился ли тот принять силовой вариант. И, соответственно, играет с самим Лито, чтобы тот хоть одним словом, но согласился с его мнением. «Я должен показать, что всего лишь выполняю распоряжения, - думал Лито. – Что я далек от их интриг. Но при этом твердо отстаивать позицию канцлера».

- Подканцлер прав, Лону, - сказал Неркан. – Блокада будет полезной только в случае военной интервенции.

- Так чего ждем? – Лону стукнул кулаком по столу. – Давайте покажем мелкому ублюдку, где раки зимуют! Я уже говорил тебе, Неркан: мне нужно три дня, и я размажу Теринского и его союзников тонким слоем по земле! Вы слишком много с ним церемонитесь. Посадим его на голодный паек, а если продолжит упорствовать – ты понял, что сделаем.

- Ваше Высочество, даже если нам удастся установить блокаду, это вряд ли поможет, - Лито подбирал слова. Следующая новость должна была стать для Лону Беркликана очень неприятной. Это была та самая заготовка, что, с одобрения Ирлинга, Лито подготовил специально для князя Берклики. Он рассчитывал ее подкинуть ему с достоверным источником. Достовернее источника, чем он сам, на докладе у Великого князя, решил Лито, он не найдет. – Есть сведения, что некоторые из беркликских дворян ведут переговоры с посланниками Милана о свободном проходе судов по Берке через вашу территорию. Рейнвилльские или даже имперские товары будут перегружаться на небольшие селянские лодки и следовать по рекам сквозь мытные посты. Если мы установим блокаду, прибыль в такой торговле увеличится стократно. И те из ваших дворян, кто сейчас лишь ведет вежливые беседы с людьми Теринского, с удовольствием будут покрывать контрабандистов. Не говоря уже о тех, кто даже сейчас поддерживает графа Милана.

За одно мгновение на лице Беркликана отобразилась целая палитра эмоций – от удивления до разочарования и безудержного гнева. Князь открыл бутылку, сделал глоток из горла, выдохнул и спросил:

- Доказательства? Граф, мне нужны имена и доказательства, что такие переговоры ведутся!

- Прямых доказательств пока нет, - поспешно сказал Лито. – Мы разрабатываем эту информацию.

- Граф, если вы узнаете что это правда, - проговорил Беркликан глухо. – Если только узнаете…

- Спокойно, Лону, - положил ему руку на плечо Неркан. – Спокойно.
- Я спокоен, Неркан, - взревел Лону Беркликан. – Но если окажется, что эти шлюхины дети за моей спиной ведут переговоры с фаркским графчиком – это при том, что знают, как я к нему, выродку, отношусь! Если окажется, что это правда – я развешу их вдоль Берки на деревьях!

Князь выдохнул, сжал кулаки. Лито посмотрел на Великого князя. Тот нервно постукивал пальцами по столу. Сам граф был доволен реакцией Беркликана. Судя по всему, тот купился на эту информацию и потратит некоторое время на ее проверку. А время в таких играх – самый главный ресурс.
- Что по поводу Ластарта и Альята? – спросил Неркан. – Имеют ли место быть подобные переговоры там?
- Информация скудная, Ваше Величество, - сказал подканцлер. – Мы подозреваем, что канцелярия Фарка приукрашивает факты в пользу Теринского, на местном же уровне тяжело отличить простые дружеские визиты от деловых переговоров. Дворянство недолюбливает канцелярию, вы же знаете.
- Знаю, - Неркан покосился на Лону. – Почему не проведено внутреннего расследования по фаркской канцелярии?
- Информация перепроверяется, - уклончиво ответил Лито. Сейчас он подходил к самому неприятному для себя моменту в докладе. Принимай его только Неркан, Лито бы полностью описал бы все нюансы операции «пасьянс». Но раскрывать карты перед Беркликаном ему совершенно не хотелось. - Мы проводим ряд мероприятий для нормализации ситуации в Фарке. Работу по ним сейчас на месте курирует лично канцлер Ирлинг.
- Лично? Ирлинг? – переспросил Лону, оторвавшись от собственных мыслей. – Неркан, ты что пообещал нашему эльфу, что он сам взялся за работу, да еще и через пару месяцев после свадьбы?
- Точно, - сказал Неркан и тихо выругался. Лито отвернулся и разглядывал герб Ластарта.
- Я же обещал заехать к Лил.
- И только? – ухмыльнулся Лону. – Он не приревнует?
- Про это потом, - бросил Неркан. – Граф, введите нас в курс этих самых, как вы выразились, мероприятий.

Лито посмотрел на Великого князя. Неркан был непроницаемо серьезен и вроде как совершенно не обращал внимания на то, что сейчас приказывал подканцлеру раскрыть все карты перед лицом основного соперника его шефа. Лито не понимал, зачем Великий князь так откровенно сталкивает его с Лону, но нутром чуял, что такой расклад грозит ему, подканцлеру, огромными неприятностями.
- Ваше Величество, мне бы не хотелось утомлять вас и Его Высочество деталями…
- Я бы не переживал на вашем месте по этому поводу, граф, - сказал Неркан, и Лито заметил как на его лице появилась тень раздражения. – Нам с князем очень интересно послушать детали вашей операции.
- Весьма интересно, - согласился Лону.

«К длимернам! - подумал Лито. – Если канцлеру хотелось играть с ними в недосказанность, остался бы и играл. Ему-то ничего, а я, чего доброго, головы лишиться могу».
- Как вам, Ваше Величество, уже докладывал Его Светлость, разработанная нами операция ставит своей целью заставить графа Милана Теринского считать, что в наши намерения входит посадить на трон Фарка младшую дочь Виро Фаркского и тем самым лишить его, Милана, власти. Мы считаем, что это подвигнет графа быть более сговорчивым. Для этого решено, во-первых, найти Эглину и убедить ее с нами сотрудничать, а во-вторых, провести ряд мероприятий в самом Фарке с целью показать серьезность наших намерений. Исполнителями для этих заданий выбран один из наших оперативных отрядов. Во избежание утечки информации, а также для придания нашим

действиям большей правдоподобности, исполнители не знают о том, что вся операция - это спектакль для Теринского. В соответствии с их текущими заданиями, двое из исполнителей направлены в Фарк. Один будет вести переговоры в дворянских кругах, а также проведет анализ действий местной канцелярии, второй выяснит настроение мястчанского населения. Двое других исполнителей направлены непосредственно к Эглине Фаркской для установления контакта и охраны. Мы подозреваем, что Милан Теринский мог установить наблюдение за княжной. Прямое руководство за операцией, как я уже говорил, осуществляет Его Светлость Ирлинг Альята.

Великий князь удовлетворенно кивнул. Князь Беркликан поднял взгляд на графа и ухмыльнулся.

- А как зовут ваших героев? – спросил он.

- Я бы предпочел не разглашать имена исполнителей, Ваше Высочество, - твердо сказал Лито. – В целях безопасности.

- Граф прав, Лону, - Неркан прервал начавшего было возмущаться Беркликана. – Имена исполнителей нам не важны. Главное, чтобы операция была выполнена на уровне.

- Я бы не хотел ставить под сомнение способности графа или Ирлинга, но мне кажется, что вопрос Фарка все равно придется решать мечом. Теринский не понимает языка переговоров, и нам придется показать ему свою силу.

Лито склонил голову. Он совершенно не понимал Великого князя. Возможно, тот хотел показать Беркликану, что все под контролем. Но ведь он не мог не понимать, что, дав Лону информацию по операции канцелярии, дает тому простор для действия? Или все же мог?

- Увидим, - жестко сказал Неркан. Он потер подбородок и откинулся на спинку кресла. – Что-нибудь еще, пан Лито?

- Из хороших новостей можем также отметить, что в Фарке – по нашим данным – существует достаточно крепкая группа дворян, настроенных враждебно к графу Теринскому. Я думаю, они готовы будут оказать нам поддержку в любой акции против графа.

- Тоже мне новость, - проворчал Лону. – Да весь Рейк оказал бы нам поддержку при любой акции против графа!

- Это хорошо, пан Лито, - кивнул Неркан, проигнорировав замечание Лону. – В остальном я полагаюсь на ваши знания и мудрость канцлера. Единственное, о чем я вас настоятельно прошу, это удостовериться в лояльности фаркской канцлерии. Мне было бы очень больно знать, что там есть те, кто служит кому-либо, кроме Великого княжества.

- Да, Ваше Величество, - подканцлер встал и поклонился, понимая, что аудиенция закончена. – Я немедленно займусь этим. Лично.

- Удачи вам, граф, - поднялся Беркликан и пожал Лито руку. – Помните, пожалуйста, о моей просьбе насчет тех негодяев, что ведут переговоры с Теринским. Как только узнаете имена – я должен узнать их сразу после вас.

- Конечно, Ваше Высочество, - улыбнулся граф. – Вы можете на меня рассчитывать.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 56 день лета.

- Я говорю тебе, эта Эйниэ - ненормальная! - Ника покрутила пальцем у виска. – Ты представь, весь вечер задавала мне какие-то дурацкие вопросы! Будто бы заняться мне по вечерам нечем, только сидеть и развлекать ее скучающую особу.
- А мне она показалась милой, - пожала плечами Эглина. – Да и спрашивала в основном только по делу. Обходительная такая. Не то что тип, который в прошлый раз приехал.

Работы у отдела браков и разводов сегодня было мало – город и пригороды готовились ко Дню Назара. Заключать браки в эти дни было не принято, разводиться к празднику у жителей не было желания. Поэтому писари скучали, пили отвар и перемывали косточки Эйниэ Мирриа.
- Да какая она милая!? - продолжала возмущаться Ника. – Стерва, и все тут. Я ей: «Пани, будьте добры – ждут меня сегодня», а она: «Сегодня могут и не дождаться – вопросов у меня много». Ну не сучка ли?
- Ника, что за выражения? - поморщилась Эглина. – А, все, поняла. Это у тебя вчера свидание накрылось?
- Ну да, накрылось! - насупилась Рыжая. – И теперь меня Вик вряд ли вообще куда-нибудь позовет!

Эглина улыбнулась. Ника старательно пыталась построить личную жизнь все то время, которое они были знакомы. Но все потуги девушки разбивались то об нежелание местных парней сговорчиво привести ее на рабочее место в качестве невесты, то вот о такие вот эксцессы, когда работа оказывалась важней свидания.
- Так и помрешь в девках, - проворчала Ника. – И ничего смешного в этом нет!
- Ой, милая, - Эглина, улыбаясь, посмотрела на подругу. – Тебе в девках помереть не грозит. Таких Виков по улицам бродит – только свистни.
- Что ж ты не свистнешь? – огрызнулась Ника. – Все горазды советы давать!
- Так не я же жалуюсь, - развела руками Эглина. – Это у тебя все зуд в одном месте.
- Эгли, вот ты чудная, как гномка поверхностная, - недовольно посмотрела Ника на подругу. – Вот скажи, что женщине для счастья надо?
- Мирного неба да крыши над головой? – предположила Эглина.
- Мужика хорошего, детей да хату, где их растить! – Ника стукнула ладонями по коленкам. – И ничего более! Все эти политики, охоты, войны – это все для мужчин. А для девушки – крепкое плечо, ребенок и дом.
- Да глупо все это, - Эглина отпила отвара, подавилась и закашлялась.
- Вот видишь, ты сама внутренне не согласна с тем, что говоришь, - Ника постучала подругу по спине. – Ну, скажи, что – тебе не хотелось бы мужика хорошего и детей растить?
- А знаешь, может, и не хотелось бы, - зло сказала Эглина. – Потому что для меня это было бы признать, что я сама по себе не стою ничего. Что я не лучше самой последней селянки, которая по локти в навозе.
- А откуда такое предубеждение, Эгли? - удивленно посмотрела на нее Ника. – А кто добывает снедь, которую ты кушаешь, благородная ты наша? Живут просто, не думают: ах, какая я особенная. Любят, женятся, песни поют. А мы тут сидим, на эльфов поглядываем с их равноправием. Может быть, и не нужно нам это равноправие!
- Ой-ой, Ника, - Эглина покачала головой. – Права тебе не нужны. Хорошо говорить это, когда ты грамотная, работаешь и можешь послать любого мужика, когда и куда захочешь. А так бы сидела замужем за каким-нибудь «простачком». Вечер он бы в корчме проводил, а приходя, по пьяни тебе бы лицо красил кулаком. И вздыхала бы ты о бабской доле. Ты будто таких не видишь? Да каждый день! С «правами» они хоть развестись могут, избавиться. А некоторые так и сидят, и пикнуть бояться!

Ника насупилась и замолчала. Эглина вздохнула, встала и подошла к окошку – ровно за спиной подруги. Мимо проехала повозка, запряженная вепрем. Прохожие шли мимо здания по своим делам. Эглина обернулась к подруге и обняла ту за плечи.
- У нас все будет хорошо, Ника, - сказала она тихо. – Все точно будет хорошо.
- Да уж, - хмыкнула Рыжая. – Только человек с твоим оптимизмом мог назвать проверяющую «милой». Ты-то как вчера вечер провела?
- Как всегда – сходила по поручению пана Мирко, отнесла письмо. А потом домой и спать. Все никак, видишь, не удается выбраться нам с тобой на гулянку.
- Только бы эта стервь уехала – там и выберемся, - пообещала Рыжая.
- Ну, тогда я тоже буду желать, чтобы она поскорее уехала, - сказала Эглина и села за свой стол.

Девушки засмеялись.

Ближе к вечеру работа все-таки появилась. Эглина оформила несколько заявлений на браки, отказала одной паре из другого города – молодым было по пятнадцать, и они приехали в Нирру из ближайшей деревни без согласия родителей. Несмотря на неблагородное происхождение, парень грозил писарю скорым лишением должности и своими связями в местном магистрате. Только после того, как Эглина пообещала вызвать стражу, если он немедленно не покинет кабинет, расстроенная пара удалилась, по дороге к двери переругавшись между собой.

Нику тоже работа не обошла стороной. Поэтому к закату, когда Эглина уже собиралась домой, Рыжая только кое-как внесла ясность в очередной сложный случай, грозивший либо разделом имущества, либо смертоубийством, либо всем вместе. Попрощавшись с подругой и бросив той сочувственный взгляд, Эглина вышла из кабинета.
- Пани Эглина, - окликнул ее знакомый голос. Писарь повернулась: мястканцлер Эйниэ приветливо махала ей рукой. – Я вас не потревожу?
- Нет, мястканцлер, - улыбнулась Эглина. – Я уже шла домой.
- Может быть, нам по пути? – спросила Эйниэ, поравнявшись с ней.
- Я живу на пересечении Илинской и Кондитеров, - сказала Эглина. Она испытывала смешанные чувства от неожиданной встречи с проверяющей. Эйниэ казалась ей вполне приятной, но Эглина осознавала, что за любезным обращением вполне может скрываться расчет получить какую-нибудь информацию.
- Я еще не успела выучить названия улиц в городе, - улыбнулась Эйниэ. - Я остановилась в «Серой лисице».
- Да, это действительно по пути, - простодушно ответила Эглина.
- Надеюсь, вы не против моего общества?
- Нет, буду очень рада поговорить с вами.
- Тогда идемте.

Они двинулись вдоль улицы. Закатное солнце окрашивало небо и город в малиновый цвет, отражаясь в стеклах домов. Улицы оживали перед ночью, чтобы через пару часов застыть в покое до утра. Мимо девушек проходили служащие магистрата и слуги из домов побогаче, спешащие к очагу или в корчмы и трактиры. Несколько послушников храма Семи громко спорили на явно не богословские темы. Дорогу перебежала кошка, скрывшись в ближайшем переулке.
- И как вам служба, пани Эглина? – спросила Эйниэ.
- Служба как служба, - пожала плечами писарь. – Я не служила нигде больше – так что не могу почувствовать разницы.
- А хотели бы? – голос Эйниэ был ровным.
- Плох тот писарь, который не хочет стать канцлером, - усмехнулась она. – Я надеюсь, что мои успехи когда-нибудь по достоинству оценят.

Они свернули в переулок, срезая путь. На стенах домов корявым почерком было написано несколько нецензурных выражений в адрес какой-то паненки и еще несколько мертволесских рун.
- Чтобы успехи замечали – их надо показывать, - наставительно сказала Эйниэ. – А вы, насколько я знаю, не стараетесь попадаться на глаза начальству – ни в хорошем, ни в плохом смысле.
- Пани Мирриа…
- Эйниэ, - улыбнулась мястканцлер. – У нас неформальная беседа.
- Эйниэ, мне не нравится разговаривать намеками, это портит мне настроение, - Эглина остановилась. – Если говорить откровенно, то я считаю проверки лояльности подобным способом бесчестными. Если вы хотите что-то спросить у меня – спрашивайте. В конце концов, любые недомолвки и взаимное недоверие мешают работать, а мы вроде как служим одному и тому же делу. Я имею в виду канцелярию.
- Честное мнение, - кивнула Эйниэ. – Если бы все действительно всегда было так просто. Но ваша откровенность, Эглина, делает вам честь.
- Надеюсь, вы напишите это в вашем отчете, - Эглина быстро зашагала вперед.
- Эглина, я не хотела вас обидеть, - Эйниэ догнала ее и пошла рядом. – Простите. Просто целый день мысли только о работе, тяжело переключиться на что-нибудь другое. Я ни в коем случае не хотела разговаривать с вами, как проверяющая.
- А как вы хотели со мной разговаривать? – Эглина снова остановилась.
- Как друг, - Эйниэ обезоруживающе улыбнулась. – Видите ли, мне здесь торчать еще с неделю, и на стены корчмы уже выть хочется. Просто необходимо с кем-нибудь поболтать. А из всей местной канцелярии только вы, мне кажется, ко мне относитесь если не с симпатией, то без неприязни. Я вчера вот пыталась разговор с вашей рыжей коллегой завести – так она на меня таким псом смотрела, что пришлось все свести опять к официальной беседе.

Эглина удивленно посмотрела на мястканцлера. Действительно, она совершенно не подумала о том, что эта девушка была здесь совершенно одна и, более того, ей постоянно нужно было находиться среди враждебных ей личностей.
- Как друг, - раздумывая, произнесла Эглина. – И это может означать никаких вопросов о службе?
- Запросто, - кивнула Эйниэ. – Может, перейдем на «ты»?
- Я не против, - ухмыльнулась Эглина. – Пани мястканцлер.
- Мы же договорились не говорить о службе, - Эйниэ нахмурила брови.
- Все, все, - улыбнулась Эглина. – Никаких званий, Эйниэ. Зови меня Эгли – если тебе удобно.
- Хорошо, Эгли, - ответила на улыбку Эйниэ. – Как насчет закрепить это ужином в «лисице»? За счет центральной канцелярии?
- Можно и за свой, - Эглина решила, что разнообразить времяпрепровождение не повредит. В конце концов, трактаты из ее комнаты никуда не убегут. – Я абсолютно не против.
- Отлично, - сказала Эйниэ и подмигнула собеседнице. – С меня бутылка тирского. За счет канцелярии. Я настаиваю.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 57 день лета.

Дом, снятый Ирлингом в Нирре, был деревянный, с большими окнами и просторными помещениями. Комната, в которой он собрал Алый Клинок нынешним утром, хоть и была поменьше той, где проводил собрание канцлер в Ластарте, по убранству была не намного хуже. Канцлер вошел в двери, когда отряд уже собрался. Вслед за ним вошел эльф, ростом чуть пониже Ирлинга, но очень похожий на канцлера как сложением, так и манерой держаться. «Превосходящий канцлера манерой держаться», - поправил себя Кирий, присаживаясь на стул после приветственного поклона.

Песка обвел взглядом собравшихся в комнате бойцов Алого Клинка. Сайн, как и сам Динский, только пару часов назад прибывший из Фарка, выглядел уставшим и возбужденным. В руках он держал небольшой аккуратный кинжал, видимо, приобретенный во время нынешней поездки. Адда, напротив, была свежа, однако следы трокской пудры, все еще заметной на подбородке, придавали ей привычную неряшливость. Эйниэ была бледнее обычного, периодически облизывала губы и тяжело вздыхала, что говорило, видимо, о хорошо проведенном вечере. Она заметила взгляд Пески, натужно улыбнулась и опустила голову на руки, потирая переносицу указательными пальцами. Кирий перевел взгляд на канцлера и его спутника. Ирлинг, только что занявший место во главе стола, был озабочен и до некоторой степени раздражен. Незнакомец же, стоявший у окна за спиной канцлера, напротив, был совершенно спокоен и расслаблен. По его поведению Кирий мог сказать, что тот явно привык к любопытным взглядам. Спокойствие его было поразительным. Еще поразительной была его прическа. При первой встрече с канцлером Песка посчитал, что выбритые виски вкупе с двумя косичками, спускающимися вдоль щек – это уже несколько экстравагантно. Но таинственный эльф превзошел даже это – полголовы его было гладко выбрито, со второй же половины свисали вниз четыре фиолетовые косы. Его черный плащ (длимерн побери, при такой-то жаре!) чуть-чуть не доставал до пола. Походка излучала невозмутимость.

- Я думаю, мы можем начинать, - сказал наконец Ирлинг. – Позвольте представить вам, панство, мастера Иниана Айклина – бывшего наставника пани Эглины.

Эльф небрежно поклонился. Песка, Звяк и Мали поднялись и раскланялись более церемонно, Эйниэ оперлась на стол и слегка наклонилась вперед.

- Мастер Айклин любезно согласился содействовать нам в нашей маленькой операции, - сказал Ирлинг, когда с церемониями было покончено.

- Я не доставлю вам хлопот, - улыбнулся эльф. Кирий с подозрением посмотрел на Иниана. Опыт говорил графканцлеру, что после такой фразы всегда следует ожидать лишние хлопоты.

Исходя из информации, переданной Алому клинку еще в Ластарте, Айклину было больше четырех сотен лет, и Кирий скорее ожидал увидеть серьезного, умудренного опытом и усталого эльфа – даже с учетом того, что старели эльфы очень медленно. Динский не имел большого опыта общения с эльфами и полагал, что после первой сотни они все становятся похожими на канцлера Ирлинга – ироничными, проницательными и расчетливыми. Иниан Айклин же внешне более походил на самоуверенного авантюриста, нежели на умудренного опытом воина или политика. Это очень смущало Кирия, который никак не рассчитывал на участие такого персонажа в серьезной операции.

- Мастер Айклин, - тем временем продолжил канцлер, - поможет в налаживании контакта с княжной. Он знает ее лучше, чем любой из нас. Теперь перейдем к информации, которую вам удалось получить. Начнем, пожалуй, с пана Динского.

Кирий поднялся, откашлялся.

- Благодарю, Ваша Светлость, - произнес он. – Итак, прибыв в Фарк, я немедленно ознакомился с местной прессой. Могу сказать следующее: Милан Теринский делает все, чтобы его считали единственной реальной силой в княжестве. Такого потока лести я не

видел даже в придворных газетах Ластарта по отношению к Великому князю. Прошу прощения, Ваша Светлость…
- Ничего, пан Кирий, - кивнул Ирлинг. – У нас рабочее совещание, а не бал, и лесть тут неуместна.
- Тогда я продолжаю, - перевел дыхание Кирий. – Настроение в городе будничное, немного нервозное. Купеческая среда в основном поет дифирамбы графу, магистрат – наоборот. Тут все понятно: налоги на торговлю снижены, с городов – подняты, также урезаны права магистратов…
- Странно, что жалобы еще не полились к вам рекой, - прервал Кирия Иниан. – Насколько я знаю градоправителей, даже если им запретить подрезать цветочки на клумбах, они тут же устраивают такую трагедию, как если бы их лишили поста.
- Мастер Айклин прав, - согласился Ирлинг и нахмурил брови. Кирий в очередной раз отметил, что канцлер называет эльфа только Мастером. То ли такое обращение было принято в Мертволесье, то ли их знакомство было не таким поверхностным. – Мы подозреваем дезинформацию со стороны местной канцелярии. Подканцлер Лито уже занимается этим вопросом. Что вы можете сказать о настроениях в дворянских кругах?
- Я провел несколько встреч с представителями дворянства, в первую очередь с графом Ультом Динским. Мой отец, как вы знаете, один из самых влиятельных людей в княжестве. После переговоров с ним, а также нескольким светским беседам в местных салонах, я пришел к следующим выводам: дворянство Фарка разделилось на четыре неравные части. Первая – сторонники Теринского. Сюда входят старые сепаратисты еще времен восстания Клио, молодые дворяне, грезящие независимостью, и просто авантюристы, считающие, что смогут выиграть на переделе власти. Ядро сторонников графа, как уже известно Вашей Светлости, составляют члены клуба «Гарда». Они вербуют в свои ряды дворян по всему Фарку. С мястчанами работа ведется посредством прессы. Ставка делается на романтизацию образа графа как умелого, ловкого политика и любимца дам.
- Многое же у людей вертится вокруг женской юбки, - вставил Иниан. Канцлер косо посмотрел на того, Айклин пожал плечами и бросил, - Прошу прощения, пан Динский.
- Никаких обид, Мастер, - сказал Кирий. – Тем более вы не так уж и неправы.
- О, боги, - вздохнула Адда. – Неужели про него пишут, что он лазит в окна к своей княгине и защищает ее честь на дуэлях?
- Про окна не читал, а вот про защиту чести дам, не только невесты – несколько статей в разных газетах разных городов, - хмыкнул Песка. - Имена дам, конечно, отличаются. Однако мы отвлеклись от дворянства. Вторая его часть, в основном из графства Рейк, вотчины рода усопшей княгини, стоит в жесткой оппозиции к Милану. Мать княгини, бабушка Альды и Эглины, умерла чуть позже своей дочери. А вот сестра ее, баронесса Ирия Найская, нынешняя регент Рейка, возглавляет сопротивление графу Теринскому. Родство Альды и Ирии достаточно далекое, чтобы она могла как-то влиять на нынешнюю княгиню. Надо понимать, что долгое время Рейк был в тени Фарка и утратил часть своего политического веса. Также добавлю, что немаленькая часть рейкских дворян, по слухам, предпочитает военный конфликт политическому решению. Третья группа, как мне ее представил граф Ульт, это верные Великому княжеству дворяне, которые, однако, не будут ничего предпринимать, пока не встанет угроза реального отделения Фарка.
- Какова точка зрения вашего отца? – Ирлинг посмотрел на Кирия. Песка почувствовал, как канцлер изучает его – может быть, не только с помощью глаз. Он не отвел взгляд.
- Мой отец считает этот конфликт дележкой денег, недостойной дворян, - отчеканил Динский. – Он и те, кто придерживается той же точки зрения, не поддержат ни Милана, ни нас. С одной стороны, Милан для них – жадный властолюбивый проходимец. С другой, мы – Ластарт, Берклика и Альят, которые хотят нажиться на Фарке, не предоставив ничего взамен.
- Мы? – склонил голову Ирлинг.

- Ваша Светлость, я служу Великому княжеству, - сказал Кирий жестко. – Если вы подозреваете, что я могу быть нечестным по отношению к вам или своему отряду – прошу немедленно сообщить мне об этом и отстранить меня от операции.
- Я не считаю вас нечестным, барон, - примирительным тоном произнес канцлер. – Но я должен был узнать точку зрения вашего отца и вашу – вы ведь тоже дворянин Фарка.
- Моя точка зрения на этот вопрос однозначна – и как дворянина Фарка, и как графканцлера Великого княжества.
- Хорошо, - кивнул Ирлинг. – Четвертая группа, я полагаю, неопределившиеся.
- Да, Ваша Светлость, самая большая из всех.
- Я и не сомневался, - усмехнулся канцлер, - болото – оно и в Фарке болото. Это все, графканцлер?
- Дворянство Фарка полагает, что Теринский не пойдет на открытую конфронтацию, - тихо сказал Кирий. – Любое вмешательство в дела княжества следует проводить осторожно – дабы мы не спровоцировали третью и четвертую группу присоединиться к первой.
- Дворянство Фарка не располагает той информацией, которой располагаем мы, - Ирлинг постучал пальцами по подлокотнику кресла. – Осторожность же в нашей операции – первая составляющая успеха. Каково мнение дворянства о смерти княгини Иллы?
- Слухи ходят разные, - пожал плечами Кирий. – Но не очень многие верят, что Теринский к этому причастен. Ее смерть была ему во многом невыгодна, хотя его противники активно продвигает версию смерти Иллы и ее матери именно от рук графа Милана. Интересно другое: сторонники Теринского, а особенно барон Борин Циверский, распространяют слухи, что князь Виро был убит с подачи Ластарта и Берклики. Сам Милан говорит только о несчастном случае, но явно не запрещает своим друзьям распространять сплетни.
- Ну, хоть Альят в это дело не вмешивают, - мрачно усмехнулся Ирлинг. – Вездесущая рука канцелярии на этот раз не в фаворе.
- Это все, Ваша Светлость, - поклонился Кирий.
- Присаживайтесь, барон. Пан Сайн, что смогли узнать вы?

Кирий сел, стараясь не выказывать раздражения. Слова канцлера задели его, но в данном случае он признавал правоту герцога. И все же не мог просто так успокоиться – пришлось сделать над собой усилие и отвлечься от неприятных мыслей. «Раз разговор пошел в таком ключе, то я совершенно правильно поступил, что не упомянул о просьбе отца», - подумал Кирий. Ульт Динский настоятельно просил сына держать его в курсе текущих дел, и Песка обещал выполнить эту просьбу. Кирий постарался отвлечься и от мысли, что обещание это было во многом опрометчиво.
- С позволения Вашей Светлости, буду краток, - Звяк тем временем начал говорить. – Криминальный мир Фарка переживает тяжелые дни. Большинство моих знакомцев либо в бегах, либо в ямах и на виселицах. Одного, с большим трудом, я смог посетить. Узнал я следующее: большинство крупных шишек местного криминалитета разделили участь моих знакомцев. Самые весомые сбежали из Фарка в Илин и Берклику, более мелкие болтаются на площадях. В общем, для их «дел» сейчас климат неблагоприятный. Вскоре, когда показательные казни и рейды затихнут, все ожидают нового передела сфер влияния. Наиболее влиятельными игроками в этой возможной заварушке, которая обещает быть более кровавой, чем последний передел шесть лет назад, скорее всего станут Тим Крупный и Тихо Мерзкий. С Тимом все более-менее ясно – обычный выходец из рабочих кварталов, пошедший по кривой дорожке. Изворотлив, неглуп, умеет пользоваться ситуацией. Тихо – личность другого склада.
- У него интересное прозвище, - Иниан отвернулся от окна и подошел к столу.
- О, да, - подтвердил Сайн. – А биография еще более захватывающая.

- Из того, что я слышал, - Ирлинг поднял взгляд на Айклина, стоящего над его правым плечом, - прозвище заработано не зря. Можно подробнее об этом субъекте? И Мастер, не могли бы вы присесть? Отвлекает.
- Все ради твоего спокойствия, - улыбнулся Иниан и, придвинув стул, сел между Пеской и канцлером. – Продолжайте, пан Сайн.
- Тихо четверть столетия назад служил в Гиррде стражником. Почти дослужился до сотника – даже бумаги в магистрате, говорят, лежали. Но тут в потасовке зарезал какого-то то ли панского, то ли баронского сынка и попал под суд. В общем, он должен был висеть рядом со своими же клиентами, но попал под амнистию по случаю рождения княжны Альды. Повешенье заменили рудниками. Пятнадцать лет Тихо долбил камни и приобретал знакомства, а потом его освободили. Еще одна деталька – Тихо, пока в яме сидел, лицо обожгли сильно. Лечить, понятное дело, никто не стал. Вот так он и заработал свою кличку.
- И он после рудников вернулся в Фарк?
- Тут не все ясно – мало кто из тех, кто с ним начинал, живой еще. Но он вроде как решил посчитаться за долги. Парень был не промах. Знакомств у него хватало, знаний тоже. Нашел старые контакты, подновил, устроился вышибалой у Мика Бегунка – был такой криминальный граф. А там потихоньку пролез наверх. До последнего был в среднем звене, скорее всего потому, что принципиально не работает с дворянством. Кстати, папаша того дворянина, которого прибил Тихо, помер через пару лет после его возвращения.
- Странное совпадение, - Иниан взглянул на Ирлинга, и тот кивнул. - И по его душу не пришли?
- Пан упал с вепря на охоте, - пожал плечами Сайн. – Стража быстренько установила, что Тихо в тот вечер просидел в корчме и надрался вдрызг. Полсотни свидетелей.
- Почему же наш герой не сбегает сейчас? Вроде как средств и связей, чтобы начать дело в другом месте, у него должно хватать. Зачем рисковать своей головой?
- Ну, он патриот, - сказал Сайн.
- Серьезно? – удивленно поднял бровь канцлер.
- Так говорят, - кивнул Сайн. – Ну, и еще он видит в этом возможность вылезти на самый верх, если удастся противостоять Теринскому достаточно долгое время.
- Не удастся, - задумчиво произнес Ирлинг. – Если ему не помочь. Спасибо, пан Сайн. Пани Адда, вы – следующая.
Мали улыбнулась, подмигнула Иртэе, поднялась.
- Да, еще вспомнил, - щелкнул пальцами Сайн. – По трущобам ходят слухи, что княгине Илле помогли отойти к Феломене.
- Про слухи мы уже слышали, - скептически сказал Ирлинг. – Тем более вряд ли интересующая нас часть фаркского общества больше поверит слухам из трущоб, чем сплетням из дворцов.
- Только если мы не выйдем на непосредственных исполнителей, - посмотрел на канцлера Сайн. – А они, говорят, еще живы. И даже здоровы.
- Упущение со стороны пана Теринского, - усмехнулся Ирлинг. – Если это действительно так. Есть подробности?
- Мой контакт дал одно направление, но я не успел его проверить, - сказал Звяк.
- Плохо, - Ирлинг застучал пальцами по столу. – Как только мы завершим операцию здесь, вы, по возможности, продолжите расследование на месте.
- Да, Ваша Светлость, - Сайн встал и поклонился. Потом видимо понял, что до сих пор разговаривал с канцлером сидя, немного замялся и сел. Канцлер, казалось, не обратил на это внимание.
- Пани Адда, простите, что заставили вас ждать, - сказал Ирлинг. – Докладывайте.
- Ваша Светлость, - сказала она, - Наше предположение о том, что за княжной следят, подтвердилось.

Она рассказала о разговоре на почте, походе по корчмам и о гонце в «Наковальне».
- Мне удалось подсмотреть за этим гонцом. Невысокий такой, полненький, плюгавенький. А вот на встречу к нему пришел такой статный пан. Видимо, либо из наших, либо из стражников: выдержка статная, но не дворянская или военная. Бумаг не передавал, все на словах. Потом проследила до его жилища. Снимает комнату здесь недалеко, в торговом квартале. Живет у вдовца, комната на втором этаже. Внутрь не попала, решила не показываться пока близко. Он единственный съемщик. Служанка сказала, что на улицу выходит редко, часто стучит по полу и стенам, но платит щедро.
- Прекрасная работа, пани Адда, - удовлетворенно сказал Ирлинг. – Но тут неувязочка – каким образом он следит за княжной, если не выходит из дому?
- Мы считаем, что у него есть уши в канцелярии. Но про это лучше Иртэя расскажет, - сказала Мали и села.
- Фигурный перевод стрелок, - тихо прокомментировал Сайн.
- Пани Мирриа, вы готовы? – спросил Ирлинг.
- Да, Ваша Светлость, - Иртэя встала. – Начать с княжны или же с…
- Начните с ушей в канцелярии.
- Нам не удалось установить, кто бы это мог быть, - сказала Иртэя, посмотрела на Ирлинга и тут же добавила. – Но мы точно знаем, кто этим… это быть не может.
- Каким же образом?
- Если по порядку – основные подозрения падали на ближайшую подругу Эгли... простите, княжны Фаркской. Ника по прозвищу Рыжая, писарь дельный. Поэтому мы решили ее отработать в первую очередь. За два дня до обычной встречи связного и местного Адда не спускала глаз с нашей рыжей подруги. А непосредственно в день встречи я задержала Нику на весь день и вечер в канцелярии. Тем не менее связной, как уже сказала Адда, получил от местного информатора сведения.
- И вы полностью уверены, что мы можем снять с нее подозрения? – поинтересовался Иниан. – Возможно, они имели другой канал связи?
- Это маловероятно, Ваша Светлость, - поднялась Адда.
- Мы считаем, что либо она чиста, либо их конспирация намного превосходит уровень нашего ожидания. Но в этом случае бездарность остальной цепочки совершенно не понятна, - сказала Иртэя и глубоко вздохнула.
- Возможно ли, что информация была передана здешнему агенту раньше? – Мастер Айклин наконец заинтересовался темой беседы.
- В этом нет никакого смысла – только если она не догадалась, что мы ведем ее. Причем еще до того, как мы начали это делать.
- Хорошо, примем алиби пани Ники, - Ирлинг подался вперед и облокотился на стол. – Что мы имеем в данном случае?
- В главных подозреваемых остаются горничные и мястканцлер, - сказала Иртэя.
- Пани Адда, присаживайтесь, - произнес Ирлинг. Затем сочувственно посмотрел на Эйниэ. – И вы продолжайте доклад сидя, пани Мирриа. В вашем-то состоянии стоять тяжело.
- Спасибо, Ваша Светлость, - хором сказали Мали и Иртэя и сели.
- Ход ваших мыслей мне ясен, - продолжил Ирлинг. – Почему вы исключили из подозреваемых писарей из другого отдела?
- На мой взгляд, прошу прощения за прямоту, такая вошь, как пани Лина, не способна следить за кем-либо, - сказала Эйниэ. - Пани Рития же создает впечатление человека, которого не склонишь на подобные авантюры.
- Я бы не был таким категоричным, пани Мирриа. Зачастую именно, как вы выразились, вши и не склонные к авантюрам люди наиболее удобны для подобных дел. Поэтому из круга подозреваемых мы не будем исключать никого. Что насчет других знакомых?
- Других близких знакомств – по крайней мере таких, которые могли бы наблюдать за жизнью княжны, у нее нет.

- Значит, пани Эглина живет затворницей?
- Можно сказать и так, - кивнула Эйниэ.
- Понятно, - Ирлинг откинулся на спинку стула. – Теперь перейдем к тому, что вам удалось выяснить непосредственно о княжне.
- Выяснить удалось многое, - сказала Эйниэ. – Я не решилась прощупать ее искусством…
- И совершенно правильно сделали, - согласился Айклин. – Я научил ее приемам манипуляции и защиты.
- … поэтому приходилось действовать старым добрым способом – поить и расспрашивать. Княжна - девушка волевая, мнение свое высказывать не боится. Надо сказать, хорошо разбирается в теории политики и дипломатии, хотя не сильно осведомлена о текущих событиях – что в Княжестве, что за его пределами. Имеет достаточно широкие взгляды на свободы и в целом поддерживает политику Великого князя по селянству и городам. Разговоры о дворянстве и о прошлом избегает. Сказала, что отца своего не знала. К матери относилась тепло – при разговоре о ее смерти заметно расстроилась. О сестре сказала только то, что та собирается замуж. Когда разговор зашел об управлении – я привела в пример местную канцелярию – она совершенно четко очертила круг проблем. В подробности не вдавалась – сразу сказала, что не желает подставлять своего начальника.
- Как я тебе и говорил, - сказал Иниан Ирлингу.
- Прекрасно, пани Мирриа, - кивнул Ирлинг. – Каковы ваши рекомендации по дальнейшему действию группы?
- Мои, Ваша Светлость? – удивленно спросила Иртэя.
- Вы находились здесь дольше всего, имели возможность разобрать ситуацию. А действовать нам надо быстро.
- Да, конечно, - поспешно сказала Эйниэ. Песка заметил, что та совершенно не ожидала подобного вопроса и старается импровизировать. Мирриа была сильна во многом – но импровизация была коньком именно Кирия.
- Позвольте мне, Ваша Светлость? – Кирий поднялся.
- Конечно, пан Динский, - улыбнулся канцлер.
- Итак, исходя из информации, услышанной нами сегодня, могу предложить следующий план действий: пока Ваша Светлость проводит переговоры с княжной, мы вербуем пани Нику. Она распускает слух в канцелярии о ваших переговорах, и когда наши «уши» побегут к агенту, мы берем обоих. Затем встречаем связного – и обличаем цепь Теринского.
- Неплохо, пан Динский, - кивнул Иниан.
- Да, - подтвердил канцлер. – Почти полностью соответствует моим мыслям на этот счет. С той лишь разницей, что переговоры с Эглиной мы отложим до обличения цепочки. Поясню – мы с Мастером Айклином обсуждали это по дороге и пришли к выводу, что переговоры с княжной целесообразно вести уже после того, как злой умысел ее будущего зятя будет раскрыт. Поэтому сделаем так: пани Эйниэ отправляется сейчас отвлекать княжну, пани Адда идет склонять к сотрудничеству эту лучшую подругу княжны, паны Сайн и Кирий ищут хороший наблюдательный пункт около жилища предполагаемого агента графа Милана. Вопросы, панове?
- Мне бы хотелось высказать предложение, Ваша Светлость, - сказал Кирий.
- Слушаю, - заинтересовался Ирлинг.
- На мой взгляд, везти княжну, когда она согласится с нами сотрудничать, в Ластарт не лучший вариант.
- Мне нравится в вашем предложении слово «когда», а не «если». Но в остальном, ваша мысль требует пояснений.
- Объясню: перевезя княжну в Ластарт, мы прямо укажем дворянству Фарка на заинтересованность канцелярии и Великого князя в смене правителя в княжестве, что может вызвать неоднозначную реакцию. К тому же, Милан Теринский может иметь своих людей в столице. И мы можем подвергнуть жизнь княжны опасности.

Ирлинг задумался. Эглина, прибыв в Ластарт, становилась именно тем, чем ее хотел видеть он – разменной картой. Но Кирий был прав – в этом случае они четко обозначат свою позицию не только для Теринского, но и для не определившихся пока дворян, что может сыграть графу на руку. К тому же, Ластарт слишком далек от Фарка, и в случае необходимости они могут не успеть в нужный момент доставить княжну на место событий.

- Я понял вас, пан Динский, - сказал после недолгого молчания канцлер. – Я прикажу подготовить хороший фольварк недалеко от границы Ластарта и Фарка. Там княжна сможет укрыться. Отличная идея.

- Спасибо, Ваша Светлость, - поклонился Кирий.

- Что-нибудь еще?

- Ирлинг, я, пожалуй, помогу в миссии пани Адде, - хитро улыбнулся Иниан.

- Зачем? – только и смог сказать удивленный канцлер.

- Ну, во-первых, мой опыт в общении явно не помешает, - глаза эльфа смеялись. – А во-вторых – я люблю рыженьких.

Ирлинг замысловато выругался на мертволесском, Иниан рассмеялся.

- Еще вопросы? – спросил Ирлинг. Никто не откликнулся. - Панство, тогда прошу меня извинить, но я вас покину. Встретимся здесь ближе к полуночи – для доклада по текущей ситуации.

Он встал, все остальные, кроме Иниана, поднялись и поклонились. Канцлер покинул комнату. Мастер Айклин встал, улыбнулся, сказал: «Пани Адда, я найду вас ближе к вечеру» и тоже вышел.

- Что ж, раз все так спешат – приступим к заданию, - сказал Кирий.

- Точно, - проворчала Адда. – Мне не терпится поработать в паре с важным эльфом, который даже с канцлером ведет себя панибратски.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 57 день лета.

У Ники было просто отвратительное настроение. День получился неудачный: мало того, что работы привалило, так еще и Эглина пришла явно с перепоя. На все вопросы, даже когда их удавалось задать, отмахивалась и отговаривалась «потомами», чем невероятно раздражала Нику. И вот, когда наступил вечер и Рыжая уже готовилась к решающему наступлению на подругу, явилась стерва-проверяющая и увела ту в неизвестном направлении. Ника чуть не задохнулась от возмущения и обиды.

Сегодня вечером она не спешила идти домой. Комнату она снимала в торговом квартале, на двоих со служкой из магистрата. Соседка устраивала Рыжую всем, кроме огромной страсти к кулинарным изыскам. Через каждые несколько дней она придумывала или где-то вычитывала новый рецепт. Получалось у нее, однако, все на редкость отвратительно. Часто после кулинарных экспериментов приходилось несколько дней проветривать помещение от въедливого запаха и отмывать посуду, а то и стены с полом. И если бы она просто это готовила и ела сама, было бы полбеды. Но она очень хотела, чтобы ее кулинарный талант по достоинству оценили друзья и знакомые, и очень обижалась, когда ей говорили правду на этот счет. С утра соседка предупредила Нику о том, что вечером предстоит «фантастический ужин». Памятуя о предыдущем – когда Рыжую едва не вытошнило от запаха и весь вечер пришлось отмывать кухню голодной, девушка решила, что поест загодя и придет как можно позже. Вдруг у кулинарной маньячки найдется другая жертва?

Небольшая корчма, где сегодня ужинала Рыжая, была уютной, недорогой, и кормили здесь неплохо. Она недавно открылась – хозяином был пожилой купец, на старости лет решивший осуществить давнюю мечту и стать корчмарем.

Ника ела грибной суп. На душе было хмуро и кисло. Мысли о том, что вот так она и проведет всю жизнь – одна, бегая от соседок, просиживая вечера в корчмах без надежды даже побеседовать с кем-нибудь, не отставали. «О, Боги! - думала она. – Ведь даже не пристанет никто – неужели я такая страшная, что ко мне даже приставать не хочется?».

- Доброго вечера, молодая пани, - проговорил голос над ухом. Ника обернулась – рядом с ней стояла невысокая худенькая девушка в цветастом наряде и с обильным макияжем. Девушка была человеком, но весь ее наряд говорил о тесных, пускай и духовных, связях с троками. «Да, спасибо вам, Боги, я ожидала немного другого приставания».

- Чего тебе? – не слишком вежливо осведомилась Ника.

- Молодая пани не желает погадать на любовь, семью? – голос у незваной гостьи был сладок, как мед. – Узнать о прошлом и будущем? Всего кружка пива…

Рыжая не раз сталкивалась с троками и прекрасно понимала, что гадалка просто так не отстанет. Она сокрушенно посмотрела на стол – вечер из неудачного грозился перерасти в кошмарный.

- Сначала отработай плату, - сказала наконец Рыжая. – Расскажи-ка мне о прошлом. Только коли ошибешься – сразу уйдешь.

- И платы не попрошу, милая, - улыбнулась гадалка, присаживаясь. – Давай свою ладонь.

Ника протянула руку и брезгливо поморщилась. Неизвестно, где копалась эта гадалка и сколько ладоней да и чего еще перебывало у нее в руках. Но девушка даже не прикоснулась к ладоням, бегло посмотрела на них и улыбнулась.

- Родилась ты, милая, в семье торговца, - голос ее стал еще приторнее, хотя Нике казалось, что это невозможно. – Была третьей дочкой. Родители тебя не баловали, хотя и не забрасывали. Отец твой решил, что учиться тебе следует – и в академию отправил. Училась ты, паненка, не лучшим образом, хотя и доучилась до конца. На парней ты падкая, но не везет тебе. Думала, еще в академии замуж выйдешь, и сейчас стараешься.

- Откуда… - глаза Ники округлялись с каждым сказанным гадалкой словом.

- На ладонях многое написано, - сладко сказала гадалка.

Ника проглотила фразу, подозвала мальчика-официанта и заказала два бокала пива и хлеба с грибами для гадалки.
- Первый раз со мной такое, - сказала Рыжая своей случайной знакомой. – Но если ты так знаешь прошлое, то можешь о будущем рассказать?
- Сперва выпью, да поем - что-то в горле пересохло, - девушка улыбнулась. – А потом и про будущее расскажу.

Рыжая с нетерпением ожидала, пока гадалка насытиться, подгоняя вопросами. Та лишь хитро улыбалась, смотрела на Нику и шумно прихлебывала пиво. Насытившись, она взяла в руки ладонь Рыжей, изнывавшей от нетерпения, и начала водить по ней пальцем.
- Вижу я, что есть у тебя подруга на службе, - вещала гадалка.- Среброволосая, красивая. По глазам вижу, беспокоишься за нее. И правильно – опасность смертельная ей грозит. Не та она, за кого себя выдает. Ищут ее люди злые, убить хотят. И ты спасти ее можешь.
- Как? – Ника сидела, завороженная словами гадалки.
- После того, как я уйду, - гадалка хитро усмехнулась, – подсядет к тебе пан благородный, эльфийской крови. Что бы ни сказала ты ему – изменит это твою жизнь. Но если ты хочешь помочь своей подруге – соглашайся на его предложения, следуй за ним. И тогда ты все поймешь.
- Бред какой-то! - не выдержала Ника. – Что ты городишь, сказка какая! Может, ты и читаешь прошлое по линиям – но будущее ты не знаешь!
- Зря не веришь мне, паненка, ой зря, - расстроилась гадалка.
- Да ты с доверчивых дурочек деньги собираешь! - Рыжая злилась, что сразу не отослала эту размалеванную куда подальше. Еще и денег потратила ей на пиво. – Сказок нарассказываешь – а они верят. Пан благородный в этой дыре ко мне подсядет! Может, еще и Великий князь мне сегодня руки целовать будет?
- Ну, с канцлером ты сегодня точно познакомишься, - усмехнулась гадалка. – А если я угадаю, то, когда мы встретимся, ты напоишь и накормишь меня досыта.
- Уйди с глаз моих, - не выдержала Ника. – А то позову хозяина и вышибалу! Ишь ты. Да не встретимся мы никогда!

Гадалка поднялась, подмигнула ей и, напевая, направилась к выходу. Ника проводила ее гневным взглядом и заказала еще пива. Раз уж начала, так чего останавливаться. Гадалка испортила ей настроение. А она ведь уже и уши развесила. А тут – пан благородный, да и про канцлера чушь какая-то. Что-то про Эглину болтала… Кстати, Эглину она точно описала – но тут, видимо, следила. А про прошлое непонятно. Ну да ладно, может, чего в ней и есть, да вранья больше.
- Паненка ужинает одна? Не возражает, если я присяду?

Ника уже готовила едкий ответ, но повернулась – и обомлела. Перед ней стоял высокий незнакомец – в черном одеянии, бледноликий, с одной стороны голова гладко выбрита, с другой спускались длинные фиолетовые волосы, заплетенные в косы. Кончики ушей заострены, глаза большие, черные. Словом, настоящий эльф. Ника открыла рот, но так и не смогла сказать ни слова.
- Принимаю ваш взгляд, как согласие, - произнес эльф и присел напротив Ники на тот стул, где еще несколькими мгновениями раньше сидела гадалка. – И, позвольте мне заметить, вы сегодня прекрасны.
- С-спасибо, - смогла выдавить из себя Ника. – Для меня… Я очень…
- Пани Ника, это я счастлив, что смог вас лицезреть, - взгляд эльфа околдовывал. – За счастье видеть вас мужчины должны были бы соревноваться. И никакой лести, это чистая правда.

Ника таяла. Ее мысли застелила какая-то сладкая нега, через которую изредка пробивались тревожные нотки подозрительности. Она сидела, и любые слова застревали у нее в горле – настоящий эльф сейчас сидел перед ней. Он пришел к ней сам. А она не может выдавить из себя и слово.
- Я, наверно, глупо выгляжу, - прошептала она наконец.

- Не глупее, чем кто-либо другой при такой неожиданной встрече, - эльф усмехнулся. – Пани Ника, думаю, вы уже поняли, что я к вам по делу. Или вам не предсказали наш разговор?

Эти слова словно окатили ее холодной водой. Да, гадалка говорила ей про благородного пана – и вот он, сидит здесь, перед ней. И что-то там было про Эглину. Так это значит…

- Предсказали, - кивнула она. – И что это изменит мою жизнь, тоже предсказали. И эта гадалка…

- Вы с ней еще встретитесь – если проявите благоразумие, - улыбнулся эльф. – Я сейчас вам расскажу любопытную историю. Часть ее уже поведали вам, но вы, очевидно, в нее не поверили.

- Я… ну, я же не… - она снова чувствовала себя дурочкой. И еще ей стало страшно – кто же этот эльф, и кем была та «гадалка». – Я ничего не знаю, я ни в чем не виновата.

- Я знаю, - лицо эльфа стало жестким. – А сейчас послушайте меня. Меня зовут Иниан. Ваша подруга Эглина из Рейка – на самом деле очень важная особа. За ней сейчас следят серьезные люди. Ее могут похитить или убить. Мы хотим ей помочь – но для этого нам нужны вы.

- Я ничего не понимаю, - прошептала Ника. – Мне дурно…

Она покачнулась. Иниан встал, быстро подхватил ее за плечи, сказал подошедшему официанту: «Пани дурно», всунул тому серебрушку, с верхом покрыв стоимость ужина, и, придерживая Нику за плечи, вывел ее из зала. Уже там силы окончательно покинули Нику и она потеряла сознание.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 58 день лета.

- Я до сих пор не понимаю, - Рыжая протянула Мали чашку с отваром. – Неужели вы не могли мне просто это сказать? Зачем все это было? Просто бы вызвали и рассказали, что да как. Зачем было устраивать этот… спектакль с переодеванием.
- Здесь два соображения, - Адда, сменившая трокский наряд на свободные походные штаны и приталенный канцелярский мундир, посмотрела в окно. На улице было удивительно пустынно. Они находились на втором этаже наблюдательного пункта – небольшого чердачного помещения, снятого Сайном и Кирием. Помещение было низким, узким и неухоженным, но вид из него открывался ровненько на вход в дом, в котором агент Теринского снимал комнату. – Первое: Мастер Иниан сказал, что так будет с тобой легче договориться. Что-то вроде «когда человек шокирован, он легче идет на контакт». А второе – ты мне теперь должна обед.

Мали широко улыбнулась. Ника досадливо поморщилась. До вчерашнего вечера она считала, что живет в маленьком, уютном, хоть иногда и скучном мирке. А вот вчера ей объяснили, что ее лучшая подруга – княжна и единственная, кто может спасти страну от гражданской войны. Что за ней уже неделю следит специальный отряд канцелярии. И от этого ее жизнь стала более насыщенной, но она не знала, нравится ли ей это. Она отчетливо осознавала, что вся картина ее спокойного мира рушится к длимернам. Значит, в любой момент к тебе могут вот так прийти и начать командовать твоей жизнью те, кто знает о тебе все. И ты ничего не можешь сделать – канцлер вчера четко объяснил ей последствия отказа.
- Пани Адда, - Ника присела на небольшой стульчик и снизу вверх посмотрела на Мали, стоящую у окна. – Почему нельзя сразу сказать все Эглине? Если я правильно поняла, сейчас вы делаете из нее наживку, а я вроде как все это подстраиваю. Мне это ужасно не нравится.
- Надо было сказать это канцлеру, - пожала плечами Адда. Нику опустила голову. «Скажешь тут канцлеру, - думала она. – Он ведь как посмотрит – так насквозь тебя увидит». - Я понимаю так, - продолжила Мали, – мы хотим, чтобы враг выдал себя, и поэтому мы должны сделать приманку. Если мы все скажем княжне, то она может отказаться, может не поверить, может сделать еще что-нибудь, что сорвет операцию. Канцлер, Мастер Иниан и барон Динский – умные. Они все продумали и решили, что так будет лучше. В нашем положении ты либо веришь тому, кто наверху, либо бросаешь службу. По-другому, милка моя, никак.
- И вы всегда выполняете приказы вот так? – спросила Ника. – Не задумываясь? Даже если вам скажут кого-нибудь убить?
- Смотри в окно, девочка, - отмахнулась Адда. – Тебя зачем сюда приставили? Помогать мне опознавать твоих коллег. Вот и помогай, а не болтай.

Ника повернулась, уставилась в окно. Редкие прохожие шли мимо по своим делам. День выдался пасмурный, но теплый.

После того, как она согласилась помогать – а как уж тут откажешь? – канцлер обозначил роли в будущем плане. С утра Ника аккуратно, как смогла, пока пани Эйниэ отвлекала Эглину, рассказала всем, что, дескать, вчера Эглина встречалась с каким-то таинственным незнакомцем, который ей предлагал новую должность или что-то вроде того. И теперь Эглина думает, принимать ли предложение, и может уехать. Ника предложила всем устроить сюрприз подруге, если та решит покинуть их. И очень просила не рассказывать Эглине, что проболталась, иначе сюрприза не получится. А после Эйниэ вроде как забрала с собой Нику – на «серьезный разговор». Адда и Ника теперь следили за входом в дом агента. До обычной встречи со связным было еще семь дней, и Ирлинг надеялся, что новости о «поспешном отъезде» подопечной заставят действовать и агента, и его «уши» в канцелярии. За всеми сотрудниками канцелярии по окончании работы должны были проследить – на случай, если они попробуют связаться с человеком

Теринского другим способом, а не лично. Если же те смогут уйти от слежки, то здесь их словит Адда и опознает Ника. В таком плане риск для княжны сводился к минимуму – человека Теринского перехватят еще до того, как он сможет что-либо предпринять.
- Хочешь знать про приказы? – спросила Адда после длительного молчания. Ника кивнула. – Знаешь, я считаю так – каждый должен быть в чем-то уверен в жизни. Кто-то верит в Богов, кто-то – в доброго князя. Кто-то в любовь. Я привыкла верить в приказ. Потому что если я служу людям, я не могу считать их глупее меня. Я верю Песке, барону Динскому. Я верю канцлеру. Раз ему верит сам Великий князь, почему не должна я? Я верю Мастеру Айклину, раз ему верит канцлер. Или, по крайней мере, делает вид, что верит. Если они командуют мной, значит, они умнее меня. А если они умнее меня, значит, у меня нет причин им не верить.
- А вдруг они не умнее, а просто удачливее, богаче или наглее? – спросила Ника. – Вдруг их приказ будет неправильным? Вдруг они ошиблись?
- Значит, ошиблась и я, - покачала головой Мали. – А если мы все ошиблись, значит, я все равно не умнее их. Значит, они все равно оказались правы.

Ника понимала, что где-то пани Адда ошибается, но понять, где – не могла.
- Мне отойти надо, - слезла со стула Мали. – Следи за входом. Увидишь что-нибудь – кричи.

Она вышла. Ника смотрела в окно и думала. Адда верила в приказ, а во что верила сама Ника? Что она могла возразить? Слова «ты неправа» были пусты. Так они часто спорили с Эглиной, и в этих спорах зачастую эмоции решали больше доводов. Только сейчас, поговорив с Аддой, она понимала, что и эмоции тоже были пусты.

Во что она верила? Раньше она сказала бы, что в предназначение женщины быть хранительницей очага. В семейную жизнь. Теперь она была растеряна. После того, что произошло с ней за последние сутки, после того, как большой мир неумолимо накатил на нее всей своей тяжестью, она ни в чем не была уверена. Неужели мястчанская жизнь – это то, о чем она мечтала в детстве? Когда она смотрела на мать, ждущую отца из очередной поездки, украдкой плачущую. На тетку, которую в очередной раз избил муж-пекарь. На свою сестру, выходящую замуж за «подвернувшуюся удачу» - сына более богатого купца: отрадой ее было белое платье, подаренное колечко да убеждение, что «подружки обзавидуются». Неужели тогда она тоже мечтала об этом? И неужели она до сих пор мечтает об этом, видя, как в любой момент в эти мечты могут войти незваные гости, такие как пани Адда, мастер Иниан и Его Светлость канцлер Ирлинг, и внести нужные им коррективы?

Ника отвлеклась от мыслей, обратила внимание на происходящее за окном и обомлела. По противоположной стороне улицы шла Эглина. «Какого длимерна?» - Ника чуть не крикнула подружке. Потом опомнилась, подбежала к лестнице вниз и закричала:
- Пани Адда, бегите сюда! Быстрее!

Адда появилась через мгновения, взбежав наверх, и вопросительно посмотрела на Нику.
- Там! Эглина! – только и смогла сказать Рыжая.

Мали кинулась к окну – как раз в тот момент, когда княжна подошла к двери агента, дернула за ручку и вошла внутрь.
- Не может быть, - Мали глубоко вздохнула. – Ты уверена, что это она?
- Точно она, - Ника обеспокоено смотрела на Адду. – Но почему?
- Это плохо, - Мали закусила губу. – Я ничего не понимаю, но это плохо.
- Подождите, говорили, что каждые десять дней курьер приезжает, так? – спросила Ника.
- Ну, да, - ответила Адда.
- Я вспомнила, - постучала по подоконнику Рыжая. – Какая же я дура! Каждые десять дней мястканцлер с каким-то сообщением посылал Эглину в этот район. Говорил, что личное дело, просил сильно не распространяться. Даже свободный день ей давал за эти походы. Я значения не придала…

Мали выругалась. Все оказалось гораздо проще, чем они думали. Зачем посылать гонца, рассказывая о княжне? Зачем ходить самому? Гораздо проще приводить саму княжну – чтобы посланник Теринского сразу убеждался, что все в порядке. А вот сейчас все было не в порядке и только Боги знали, что в письме передал мястканцлер Мирко. Хорошо, если они усилят надзор или попытаются похитить княжну. А если, прочитав письмо, человек Теринского решит немедленно «устранить объект»?

- Беги к канцлеру, предупреди его! – крикнула Адда и схватила меч.
- А вы?
- Беги, кому сказала! – Адда открыла окно и встала на подоконник, - быстро.

Ника бросилась к лестнице, Адда выпрыгнула в окно, сокращая себе путь. Она надеялась, что успеет.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 58 день лета.

Человека Милана Теринского в Нирре звали Тилико из Терии. Он действительно, как и догадывалась Адда, раньше служил писарем в канцелярии при городской страже. Отличался смелостью, находчивостью и не раз помогал стражникам в поисках особо хитрых преступников. Однажды при налете на трущобы Тилико получил жестокий удар дубиной по голове. Спасти уже не надеялись. Помог лекарь из столицы, случайно оказавшийся в городе. После этого Тилико оставил службу и в поисках лучшей доли отправился в путешествие по Княжеству.

С Циверским они познакомились случайно. Тилико в это время подрабатывал скарбничим в фольварке одного дворянина, а барон Борин как раз заехал к тому в гости. В ожидании хозяина Циверский разговорился со скарбничим и был удивлен таким богатым жизненным опытом Тилико. Спустя несколько дней барон вернулся и предложил бывшему писарю поработать на него. Тилико раздумывал недолго - однообразная работа в фольварке уже начала ему надоедать. Он согласился на предложение Циверского.

Два года Тилико выполнял поручения пана Борина, и тот ни разу не пожалел о своем выборе. Тилико был проницателен, умен, ловок и предан. Поэтому, когда Борин надумал установить слежку за сестрой княгини Альды, исполнителем был назначен Тилико. Выяснив слабое место ее начальника, он пообещал тому, что расскажет его жене о «маленькой интрижке на работе», если пан Мирко не будет делать того, что хочет Тилико. Мястканцлер Мирко знал свою жену, знал, что та превратит его жизнь в ад, если появится даже намек на его неверность. В слежке за Эглиной из Рейка не было акта государственной измены, тем более что Тилико утверждал, что инициатором являются родственники девушки, «сбежавшей от опеки», которые волнуются за будущее «своей кровиночки». Идея о том, чтобы присылать с докладами о самой себе Эглину, пришла уже Мирко. Тилико одобрил находчивость мястканцлера.

А вот недавнее послание его встревожило. Курьер, этот небольшой жуликоватого вида человечек, который обычно только забирал очередной доклад Тилико, привез письмо. В нем говорилось, что при любых намеках на то, что Эглина исчезнет из города, нужно не допустить этого «вплоть до крайних мер». Тилико совершенно не нравилась перспектива убивать девушку, поэтому крайними мерами он предпочел бы не пользоваться. Для себя он решил, что в случае надобности усыпит ее и вывезет в Циверк. А там уже пускай барон сам разбирается со своими проблемами.

В этот день он сидел, курил и размышлял о природе отношений между мужчинами и женщинами. Тилико не везло с противоположным полом. Для себя он это объяснял недостаточно жестким воспитанием. «Воистину, - думал он, - женщины льнут к крепкой руке. Так было и так будет. Именно поэтому дворяне всегда пользовались успехом у них. Самые умные, самые крепкие, самые удачливые не могут не быть сильными. А раз они сильны, они привлекают женщин. Я, наверняка, не был достаточно жестким. Ни с одной из них. Ну что ж, я был молод. Молод и глуп. Ничего, на службе у Циверского я закалюсь, а там, глядишь, и жизнь наладится».

В дверь постучали. Он никого не ждал – поэтому, насторожившись, встал и, держа руку на рукояти кинжала, открыл дверь. На пороге стояла Эглина.

- День добрый, пан Тилико, - сказала девушка. – Мястканцлер просил передать вам конверт.

- Входи, милая. Сейчас посмотрим, что там пишет наш разлюбезный Мирко, - улыбнулся Тилико. На душе заскребли кошки – следующий доклад она должна была принести только через полторы седмицы. «Все-таки я тряпка, - подумал он, разворачивая конверт. – Даже сейчас трясусь, что придется совершать поступок, брать на себя ответственность».

- Я, может, пойду? – переминаясь с ноги на ногу, спросила Эглина. – Дел много.

- Подожди, пожалуйста, - сказал Тилико. – Присядь. Возможно, мне надо будет написать ответ. Травяного отвара хочешь?

- Нет, спасибо, - сказала Эглина, усаживаясь на табурет в углу комнаты.

Тилико, читая, подошел к небольшому комоду у единственного в комнате окна. Окно было широкое, незанавешенное и выходило во двор дома. В комоде он держал небольшой самострел – подарок от барона Циверского – и сильнодействующее снотворное снадобье, приобретенное два дня назад. Еще не развернув письмо, Тилико понял, что сегодня ему придется воспользоваться одним из этих предметов.

- Я все-таки заварю отвар, - как можно беспечнее произнес он. – У меня прекрасные травы.

В письме говорилось, что, по слухам, неизвестный высокородный эльф предлагал Эглине «высокую должность». Тилико отметил для себя это «по слухам». «Одно из двух – либо это действительно правда, но тогда все уж как-то слишком топорно состроено, либо провокация, рассчитанная, будем говорить прямо, на не очень умного агента, который с этой информацией сразу побежит… ко мне». По спине прошел неприятный холодок. Тилико попытался припомнить, не замечал ли он слежки последние дни. Нет, не замечал – но это еще ничего не значило. «В любом случае, если это провокация и за домом следят, я об этом узнаю в ближайшее…». На первом этаже послышался шум. Эглина с беспокойством посмотрела на дверь. Тилико быстро поднес письмо к горящей свече и бросил его догорать в пепельницу. Затем выдвинул верхний ящик комода, схватил самострел, взвел курок. В этот момент жалобно треснул замок на двери и она распахнулась.

- Именем канцлера! - громко произнесла Мали. Тилико развернулся и направил на нее самострел. Эглина, вскочив с табурета, недоуменно перевела тревожный взгляд с незваной гостьи на хозяина.

- Не двигайся, - предупредил Тилико, - я хорошо стреляю.

- Не сомневаюсь, - процедила Мали. Меч она держала на вытянутой руке перед собой, клинки слегка покачивались. – А я неплохо уклоняюсь.

Она напряглась. Мир стал черно-белым, с четкими границами между цветами. Мали ловила каждое движение противника. Руку с мечом она отвела назад, готовясь, если противник выстрелит, преодолеть расстояние между ней и стрелком в одно мгновение и нанести смертельный удар. Он, судя по всему, понимал, с кем ему приходится иметь дело – и поэтому медлил.

- Эй, что здесь происходит!? – спросила Эглина.

«Вот он, выход» - понял Тилико. Стрелять в девчонку и потом прыгать в окно. Хоть это ему и не нравится, но если он убьет ее, значит, выполнит задание пана Борина. Если промахнется – отвлечет внимание нападающей. Здесь второй этаж, двор не каменный. Потом бежать, затеряться в рабочем квартале и там уже сообщить барону о результатах.

- Парниша, даже не думай дергаться, - предупредила Мали. – Бросай свистелку и сдавайся.

- Не в этот раз, добрая пани, - усмехнулся бывший писарь и выстрелил в Эглину.

Мали кинулась к княжне в тот момент, когда Тилико только начал поворачиваться. Она услышала характерный «звяк» и свист, будучи уже прямо около Эглины, увидела, как у той от страха округлились глаза, услышала, как перехватило дыхание. Мали схватила княжну за плечи и упала, увлекая ту за собой. Стрелка прошла чуть выше – она даже почувствовала поток воздуха, исходящий от нее. Следующим, что услышала Мали, был звук разбивающегося стекла.

Тилико швырнул самострел в окно. Один взгляд бросил в сторону своего выстрела – он не попал. Выругался про себя. Ничего, сейчас главное уйти, а там уже можно будет придумать, как действовать дальше. Он вскочил на комод. Мали приподнялась на локте и увидела это. Не раздумывая, она вынула из-за голенища сапога кинжал и метнула в беглеца.

Острая боль пронзила ногу Тилико, и та предательски подкосилась. Он даже не смог понять, что случилось, ударился коленом о раму, напоровшись на стекло, не удержался и выпал из окна головой вниз. Он еще успел подумать: «Как неудачно…» прежде, чем услышал хруст собственных костей. А потом наступила тишина.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 58 день лета.

Первым, кого нашла Ника, был канцлер Ирлинг. Услышав путаный рассказ девушки, Ирлинг отправил ее к канцелярии – искать остальных, а сам выдвинулся к месту событий.

Прибыв на место, он услышал шум толпы, доносящийся из внутреннего двора дома, и понял, что миром дело не кончилось. Канцлер быстро поднялся на второй этаж. Дверь в комнату была открыта настежь. На табурете напротив двери сидела Эглина Фаркская. По комнате нервно, с мечом в руках, прохаживалась Мали. Состояние у княжны было близко к шоку.

- Итак, - сказал Ирлинг, - что здесь произошло?

Мали вытянулась по струнке, Эглина приподнялась и удивленно посмотрела на эльфа.

- Ваша Светлость, - Адда виновато посмотрела на канцлера. – В общем, я спасла княжну.

- Ну, это хорошая новость, - кивнул Ирлинг, хотя лицо его восторга не выражало.

- А мне кто-нибудь скажет, что здесь произошло? - громко сказала Эглина, встала с табурета и гневно посмотрела на эльфа. – Если уж вы знаете, кто я такая, потрудились бы представиться!

- Прошу прощения, Ваше Высочество, - небрежно поклонился Ирлинг. – Канцлер Великого княжества Ластартского, герцог Альята, Ирлинг. А это, - он указал рукой на Мали, – писарь стольный, пани Адда. Она, по ее словам, спасла вам жизнь.

Мали низко поклонилась Эглине. Та отвернулась к стене, постояла так несколько мгновений, а затем спросила, уже тише:

- Почему?

- Что именно, Ваше Высочество? – осведомился Ирлинг. Мысленно он уже корректировал план в соответствии с тем, что произошло. Лишняя шумиха его вполне устраивала – меньше придется тратить усилий на то, чтобы Теринский «нечаянно» узнал о произошедшем здесь. А вот то, что с девочкой придется разговаривать после покушения на ее жизнь, было плохо.

- Почему это происходит со мной? – Эглина снова села на табурет, не поворачиваясь. Канцлер отметил, что голос у нее не дрогнул.

- Потому, девочка, что от некоторых вещей не убежишь, - в дверях появились Иниан Айклин и Ника. Рыжая бросилась к Эглине, обняла и запричитала. Княжна с абсолютно растерянным лицом встала с табурета, переводя взгляд то на подругу, то на бывшего учителя.

- Мастер Айклин?

- Да, девочка, - улыбнулся эльф.

- Все это очень трогательно, - раздраженно проворчал Ирлинг. – Мастер Иниан, уведите подопечную в безопасное и менее людное место. Ответьте на ее вопросы, насколько считаете нужным.

- Да, мой канцлер, - ехидно ухмыляясь, произнес Иниан.

- Где остальные? – делая вид, что не замечает сарказма, спросил Ирлинг.

- Ждут у входа, - быстро сказала Ника, не выпуская Эглину из объятий, словно стоит ей сделать это – и подруга растворится в воздухе.

– Сайна и Кирия возьмите с собой на всякий случай. Потом пусть вернутся сюда, все обыщут. Эйниэ пусть поднимется сюда сейчас. И, ради Морвида, быстрее.

- Я никуда не пойду, пока мне не объяснят, что здесь происходит! – Эглина сорвалась на крик.

- Тише, девочка, - Айклин положил ей руку на плечо. Ирлинг не почувствовал воздействия, но княжна стала явно спокойнее. – Пойдем со мной, я все тебе объясню. Ну, - сказал он, глядя на недовольного канцлера, - или почти все.

Эглина опустила голову, и они вышли. Ирлинг подошел к окну, посмотрел вниз, недовольно нахмурился и обратился к Мали:
- И что здесь случилось?

Мали, вытянувшись по стойке смирно, рассказала обо всем. Ей очень хотелось сбежать куда-нибудь, спрятаться и не чувствовать тяжелого взгляда Ирлинга. Эльф же на самом деле был очень доволен. Мали сделала все лучше, чем мог он себе предположить. «Обо мне будут шептаться стражники, это мы сейчас устроим, - думал он. – Прибавить смерть этого несчастного – и вот она, наживка для Теринского. Княжну пытались убить, это мы тоже сможем ему припомнить, если понадобится. Теперь пускай думает, время сейчас, хоть и ненадолго, на нашей стороне. Клинку же я скажу, что они слишком засветились, и сейчас надо обеспечить безопасность княжны».
- Великолепно! - Ирлинг изобразил гнев. – Значит, единственный свидетель, который мог доказать, что граф Теринский стоит за слежкой и покушением на княжну, сейчас лежит внизу со сломанной шеей!
- Он бы ушел, - оправдываясь, сказала Мали.
- Куда?! – неистовствовал канцлер. – Куда бы он ушел!? Да сейчас подняли бы стражу, прочесали бы город – и через час он бы уже отвечал на вопросы!

В комнату вошла Иртэя. Ирлинг кивнул ей, и она прислонилась к стене, ожидая.
- Я не думала… - запинаясь, произнесла Мали.
- Вот это верно, писарь, вы абсолютно не думали! - сказал Ирлинг. – О, Боги, какой ювелирный бросок кинжала! И кто бы мог подумать, что человек, стоя у окна, при этом упадет вниз?

Мали хотелось умереть – зарезаться своим же мечом где-нибудь в углу. Иртэя смотрела в дверной проем. Снизу послышались шаги. Вскоре в дверях показался отряд стражи во главе с десятником.
- Что здесь произошло? – десятник с подозрением осмотрел собравшихся.
- Ну, просто вопрос вечера, - прокомментировал Ирлинг. – Я – канцлер Ирлинг, герцог Альята. Эти пани – служащие канцелярии, специальный отряд.
- Ваша милость, это не ответ на мой вопрос, - резко сказал десятник. – По законам Великого княжества я подчиняюсь градоправителю и имею право знать, что здесь произошло!
- Самоубийство, - ответил Ирлинг, посмотрев десятнику в глаза.

В комнату в это время вбежал обеспокоенный стражник.
- Пан десятник, там внизу труп! У него сломана шея и кинжал в ноге.

Десятник еще раз посмотрел на Ирлинга.
- Ваша милость, соблаговолите объясниться или следуйте за мной, - рука десятника легла на рукоять меча. Мали приняла защитную стойку, Иртэя напряглась. Ирлинг сделал им знак рукой, показывая, что все под контролем.
- Я еще раз повторяю… – громко начал десятник.
- Самоубийство! – громко повторил Ирлинг. – Кинжал в ноге – ритуальное нанесение травм. Лучше, чтобы именно так вам это и запомнилось, панове, иначе, клянусь богами, завтра вы будете висеть на местной центральной площади. А я прослежу, чтобы каждому вою, да что там, жителю этого города было разъяснено, как следует себя вести со вторым лицом государства!

Стражники переглянулись. С одной стороны, как жители, а тем более стражники города они впрямую не должны были подчиняться указаниям дворянства, будь то даже канцлер Великого княжества. Самоуправление переводило стражу в полное подчинение городским советам. Но рисковать и еще больше злить канцлера им не хотелось. Законы законами, а власти у канцлера явно поболей, чем у местного магистрата. Лучше завтра получить нагоняй от градоначальника, нежели действительно болтаться в петле за вымышленные прегрешения.

- Какие будут приказания Вашей милости? - низко поклонился десятник. Остальные вои последовали его примеру.
- Мястканцлер Мирко Тиничский подозревается в опасном преступлении против Княжества, - твердо сказал Ирлинг. – Я поручаю этим паннам арестовать его. Пусть ваши люди сопровождают их и оцепят канцелярию на случай, если арестованный попытается бежать. Затем сопроводите его и моих подчиненных в магистрат и определите им комнату для допроса.

Десятник поклонился.

- Пани Мирриа, - Ирлинг повернулся к Иртэе. – Постарайтесь сделать все быстро и аккуратно. Следите за писарем Аддой – мне мястканцлер нужен живым. Все, выполняйте.

Иртэя и Мали поклонились и вышли. Десятник проследовал за ними.

- Пан десятник, - окликнул его Ирлинг. Тот развернулся, - прикажите паре своих людей разогнать толпу во внутреннем дворе и уберите тело, чтобы оно их не смущало. И пусть отдадут кинжал пани Адде. Она коллекционирует вещи самоубийц.
- Да, Ваша милость, - снова поклонился десятник и отдал соответствующие распоряжения.

Когда все удалились, Ирлинг критически осмотрел комнату. Глянул на свежий пепел в пепельнице, на разбитое окно, прислушался к шуму толпы, разгоняемой стражниками. «Пока все складывается очень удачно», - подумал он и вышел.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 58 день лета.

- Да, подруга, - Иртэя сочувственно улыбнулась. – Досталось тебе сегодня.
- И ведь самое главное, - возмутилась Мали, - я ведь хотела, как лучше! Я ж не гадалка, чтоб знать, что он шею сломает.

Иртэя хотела что-то сказать, потом вспомнила маскировку под «воспитанницу троков» и рассмеялась. Мали обиженно посмотрела на нее.
- Не гадалка, говоришь? – сквозь смех сказала Эйниэ. – А по мне так пару седмиц вела себя, как истинная гадалка.

Мали нахмурилась, потом улыбнулась и тоже засмеялась. Стражники, следующие за ними, хранили молчание, ожидали приказаний от этих двух взбалмошных, на первый взгляд, девиц. Старший из них, залихватского вида брюнет лет сорока, приблизился к ним и спросил:
- Значит, как будем действовать, пане? Паночек ваш не буйный? Из окна кидаться не будет?
- Не будет, - заверила его Иртэя и усмехнулась, взглянув на реакцию Мали. – Думаю, он даже пикнуть не успеет. Заходим, скручиваем, связываем руки, выводим – ведем в магистрат.
- Это ты здорово придумала, - согласилась Мали. – А веревка у нас есть?

Иртэя взглядом переадресовала вопрос старшему вою.
- Найдется, пани, - ответил тот. – И чтобы руки связать, и чтобы ноги. И чтобы подвесить, если что.
- Вот видишь, - сказала Иртэя Мали. – Стражники – это не только грубая сила, но еще и запас необходимого снаряжения.
- Мы еще и по другой части кой-чего могем, паненки, - сказал другой стражник. – Коли хотите, так после дела пошли в корчму, отметим.
- Не, хлопцы, - ответила Мали. – Нас канцлер ждать будет. Может, в другой раз.
- Канцлер – да. Такого важного пана заставлять ждать нельзя.
- Это точно, - согласилась Иртэя.

Они подошли к канцелярии. Перед дверью стояло несколько парней. Увидев стражников, они предпочли перейти на другую сторону улицы и наблюдать издалека.
- Двое к двери, - распорядилась Иртэя. – Двое со мной наверх. Двое с Мали к заднему ходу. Остальные – пройдитесь по первому этажу и соберите всех, кого найдете в одной комнате. Из канцелярии без моего распоряжения никого не выпускать.
- Слушаемся, пани, - коротко поклонились стражники.
- Мали, оставишь обоих у дверей и вепрем наверх ко мне.
- Слушаюсь, пани мястканцлер, - в глазах у Мали зажглись озорные огоньки.
- Начали.

Иртэя вошла в помещение вместе с пятью стражниками. В этот момент из своего кабинета вышла пани Рития – и остановилась как вкопанная. Иртэя знаком попросила ее соблюдать тишину и подозвала к себе.
- Пан Тиничский у себя? – спросила мястканцлер.
- Да, пани Мирриа, - ответила Рития. – А что случилось?
- Кто еще в помещении? – проигнорировала Иртэя вопрос.
- Лина и Фетри – у Каи выходной, - сказала Рития. – Посетителей уже нет – время позднее. Ника и Эглина пропали куда-то…
- Пани Рития, найдите Лину и Фетри и соберитесь у вас в кабинете, - хмуро улыбнулась Иртэя и указала на стражников, – Эти хлопцы вам помогут.
- Пани Мирриа, при всем уважении, я бы хотела знать, почему вы отдаете распоряжения, да еще и берете нас под стражу?
- Канцлер приказал арестовать Мирко Тиничского, - ответила Иртэя. – Выполняйте мои распоряжения, писарь, все остальное вам объяснят позже.

- Да, пани мястканцлер, - упавшим голосом ответила женщина.
- Двое за мной, остальные – с писарем Ритией, - скомандовала Иртэя и направилась к ступенькам.

На втором этаже было удивительно тихо – их шаги прозвучали как гром. Иртэя остановилась неподалеку от двери в кабинет мястканцлера, подождала Мали. Та появилась через мгновение – тихо, ловко и с улыбкой. Знаками показала, что задний ход перекрыт. Иртэя удовлетворенно кивнула, указала стражникам ждать перед дверью и никого не пускать. Старший кивнул.
- Пойдем, Мали, - сказала Иртэя.

Пан Мирко сидел за столом. В комнате было светло – чародейские огни горели на всю мощность. Мястканцлер заполнял бумаги – видимо отчетность по ошибкам, которую надеялся предоставить Эйниэ завтра. Когда девушки вошли, он дописал строку и лишь потом взглянул на них.
- Мястканцлер Мирриа? – удивился он. – Я вас сегодня не ждал, хотя мне и показалось, что я услышал ваш голос в коридоре. Чем обязан визиту и кто эта пани?
- Писарь стольный канцелярии Великого княжества Адда из Леснерта, - сказала Мали со стальными нотками в голосе. – Мирко Тиничский, вы арестованы по приказу канцлера Великого княжества Ирлинга, герцога Альята. Советую вам не оказывать сопротивления.
- Ничего не понимаю, - озадаченно произнес Мирко. – Пани Мирриа, что это значит?
- То, что и сказала пани Адда, - ответила Иртэя. – Вы арестованы по личному устному распоряжению канцлера – согласно статуту о канцелярии, параграф…
- Я знаю параграф! – вскочил с места Мирко. – Я не понимаю… по какому обвинению?! Я ни в чем не виноват!
- А вы подумайте, Тиничский. Подумайте.

Мирко опустился в кресло. Теперь он абсолютно четко понимал, почему за ним пришли. Как и в моменты ссор с женой, он осознал свою полную беспомощность. «Личное распоряжение канцлера» - крутились у него в голове слова Адды. К Эглине приходил эльф. Высокопоставленный. Он перешел дорогу канцлеру – эта мысль ужаснула его. Мирко побледнел и обмяк в кресле.
- Я ни в чем не виноват, - повторил он тихо.
- Тиничский, вы пойдете с нами сами? Или позвать стражу, которая свяжет вас и поведет силой? – нетерпеливо спросила Адда.
- Сам, - глухо откликнулся Мирко. – Пойду сам.

Но вести его пришлось под руки – сам он был идти не в состоянии. Бледного, постаревшего лет на десять, Мали и Иртэя доверили его стражникам.
- Ждите дальнейших распоряжений внизу, - приказала им мястканцлер. – Следите за ним внимательно.

Когда арестованного увели, Мали сказала Иртэе:
- Гляди, чтобы он дожил до того, как мы доберемся до ратуши. Совсем мужик расклеился.
- Он мне противен, - поморщилась Иртэя. – Так что мне все равно. Если он окочурится по дороге, нашей вины в этом не будет. А без твоего прыгуна он все равно бесполезен.
- Да, аукнется мне еще это падение, - вздохнула Мали, и они вместе направились к лестнице.
- Ничего, - усмехнулась Иртэя. – Если будет совсем плохо – попросишься на место этого Мирко. Местная канцелярия за одну ночь осиротеет. Так что люди здесь будут нужны.
- Только вместе с тобой, подруга, - сказала Мали. – Думаю, для острой на язык полуэльфки тут тоже место найдется.
- Ну, уж нет. В этом городе пиво с водой мешают и в вино самогон для крепости добавляют. Что я тут делать буду? Да еще на писарское жалованье?
- Карьеристка! Бросишь подругу в беде?
- Ну, будем надеяться, до беды не дойдет, - подмигнула Эйниэ и, подражая Песке, добавила: - Кончай разговоры, надо делом заниматься!

Они подошли к дверям. Мирко стоял, опустив голову, в окружении четырех стражников.
- Мали, сопроводи арестованного к ратуше, - сказала Иртэя. – Мне нужно поговорить с местными.
- Слушаюсь, пани мястканцлер. Только сильно не задерживайся – я думаю, вечер только начинается.

Иртэя удивленно подняла бровь.
- А допрашивать его кто, ты думаешь, будет?
- Действительно, - согласилась Иртэя. - Вечер только начинается.

Мястканцлер дошла до кабинета, где находились служащие местной канцелярии. Она отпустила воев, охранявших дверь, собралась с мыслями, оправила платье и вошла. Канцелярские и служка сидели за столами. Рития перебирала бумаги, что-то дописывала и зачеркивала. Лина и Фетри о чем-то шептались, но при появлении мястканцлера затихли.
- У Мирко плохи дела, дочка? – спросила Рития, подняв голову.
- Плоховаты, - ответила Иртэя.
- Что с ним будет, мястканцлер? - спросила Лина. На глазах у нее выступили слезы.
- Это будет зависеть от того, насколько велика степень его вины, - Иртэя строго посмотрела на нее. – Но на вашем месте я бы не надеялась, что пан Мирко вернется.

Рития проворчала: «Доигрался», а Лина закрыла лицо ладонями. Фетри сидела безучастно – ей, в общем-то, было все равно, кто будет начальником. Платит ей не он, а государство. Какая разница, кто будет сидеть в кабинете наверху. До простых служек им все равно обычно дела нет.
- Пани Рития, - выдержала паузу Иртэя. – Вы назначаетесь исполняющей обязанности главы канцелярии Нирры. Вплоть до особого распоряжения.
- На сколько, дочка? – вздохнув, спросила Рития. – Я ведь старая, могу не выдержать.
- Вплоть до особого распоряжения, - твердо сказала Иртэя. – Всем доброй ночи, пане. У меня еще много дел.
- Пани мястканцлер, - окликнула ее в дверях Рития. – Ника и Эглина сегодня весь день отсутствовали…
- Их бы я на вашем месте тоже не ожидала бы скоро увидеть, - сказала Иртэя и вышла.

Вечерний город жил своей жизнью и не замечал ее. Она прошла мимо группы балагурящих крепких кузнецов и жестянщиков. Краем глаза заметила собирающихся у трактира мястчанок, автоматически отметив их вульгарные одеяния и неумелый, плохой макияж. Стены домов окрасились оранжевым и малиновым цветом. На улицах становилось шумно. На месте, где она встретилась с мальчонкой-сектантом, стояла девушка неопределенного возраста и неопрятной наружности с тем же нездоровым блеском в глазах, что и у давешнего юноши. Иртэя кисло усмехнулась и прошла мимо.

Ратуша была двухэтажным зданием с башенкой. Само здание было каменным, башенка – деревянной. В окнах первого этажа горел свет. У входа Иртэю остановил стражник. Она пальцем указала на лычки - вой поклонился и пропустил ее. Внутри ратуши было тесновато и тускло, как в старых храмах. Иртэя осведомилась у дежурного служки, где следует искать канцлера. Служка подскочил, угодливо улыбнулся, поклонился и проводил Иртэю в дальнюю комнату. Он открыл дверь перед ней, но сам заходить не стал. Иртэя кивнула ему, зашла и закрыла за собой дверь. В небольшой комнате с одним окошком за столом, закрыв глаза, сидел Ирлинг, подпирая голову рукой. У стены на деревянном табурете расположилась Мали. Стены комнаты, изначально желтые, в свете чародейского огня окрашивались причудливыми оттенками фиолетового. Иртэя отметила, что освещение делало молодое лицо канцлера каким-то очень уставшим и даже постаревшим. Мали улыбнулась подруге, канцлер, не открывая глаз, произнес:
- Присаживайтесь, пани Мирриа.

Иртэя осмотрелась, и села за стол напротив канцлера. Ирлинг открыл глаза и откинулся на спинку кресла.

- Выслушал много жалоб от местного градоправителя, - презрительно хмыкнул он. – Не пристало, говорит, в приличном городе разбойничать, пан канцлер. Усмирите своих подчиненных, а то жаловаться буду Великому князю.

Мали фыркнула, Иртэя ухмыльнулась. Ирлинг окинул взглядом обеих и перестал улыбаться.

- К делу, пане, - сказал он. – Пана Тиничского нам следует немедленно допросить и, по результатам беседы, объявить решение его дела городскому совету в лице скарбничего, который сегодня у них за дежурного. Мне здесь сидеть недосуг, ночи предстоит быть долгой, а утру беспокойным. Поэтому эту сложнейшую задачу – допросить нашу заблудшую овцу - я возлагаю на ваши хрупкие плечи.

- Все так плохо, пан канцлер? – поинтересовалась Иртэя.

- Все еще хуже, пани Мирриа, - Ирлинг наклонился вперед и положил локти на стол. – По сути, мы и судить-то его не в праве. Если мы судим его как служащего, то обвинения должен выдвигать или подтверждать городской совет. Если как дворянина – то согласовывать сейм. Решения местного сейма мы будем ждать полсезона. Это в лучшем случае. А у совета к Тиничскому никаких претензий нет. Об этом я тоже наслушался от градоправителя. Выгоняйте его, говорит, из своей канцелярии с позором, да и все тут.

- А почему бы так и не сделать? – спросила Мали и запнулась. – В смысле, по какой причине, Ваша Светлость? Прошу прощения. Подержали бы его в остроге или где-нибудь, пока с княжной все не утрясется. И все.

- Пани Адда, - повернулся к ней Ирлинг, - возможно, вы не сознаете, что сделал Мирко Тиничский?

- Нет, Ваша Светлость.

- А вы, пани Мирриа?

- Предал интересы канцелярии? – предположила Иртэя.

- Не просто предал, а согласился работать на кого-либо, кроме Великого княжества, руководствуясь своими корыстными интересами! Его наказание – дело принципа. Слухи все равно пойдут, и мы должны показать всем заинтересованным лицам, что мы просто так не спустим предательство в своих рядах.

- А почему бы тогда не заставить его признаться в том, что он работает на этого Теринского? – спросила Мали.

- А Теринский скажет, что никогда о нем не слышал. Что, скорее всего, чистая правда, ведь работали они через нашего друга, свернувшего шею с вашей помощью, пани Адда. И в глазах дворянства мы будем выглядеть клеветниками. А нам это не нужно, так ведь? Все ясно?

- Предельно, - сказала Иртэя, а Мали молча кивнула. - Какие условия мне предложить Мирко? Или это на мое усмотрение?

- Добейтесь, чтобы он признался в шпионаже в пользу другой страны. Империя, Рейнвилль, Северный оплот – мне не важно, - сказал Ирлинг, посмотрел на удивленное лицо Мали и пояснил: – Обвинения должны быть такими, чтобы дело вышло на государственный уровень. Местный совет тогда без возражений согласует арест и распорядится увезти его в столицу графства или даже в Ластарт. А там мы уже разберемся с приговором. Добейтесь, чтобы написал признательные показания, почему и как согласился работать на этого упавшего. Если будет отказываться – пообещайте пустить семью по миру, а самого повесить завтра на центральной площади. Или убить при попытке к бегству. В общем, импровизируйте. Вопросы?

- За шпионаж его ждет смерть, он не может этого не понимать, - тихо сказала Иртэя. – Не думаю, что он пойдет на сотрудничество.

- Так подберите к нему ключи, пани мястканцлер, - Ирлинг нетерпеливо постучал пальцами по столу. – И необязательно смерть его ждет. Свои люди нужны везде, даже на каторге. Обещайте ему, что вопрос его жизни тоже зависит от его сговорчивости.

- Понятно, Ваша Светлость, - немного ошарашено ответила Иртэя.

- Вот и прекрасно, - Ирлинг встал. – Служка проводит вас к арестованному. Пани Адда будет вести протокол. Скарбничий на втором этаже, в угловой комнате, видимо, спит. Как закончите – разбудите.
- Слушаемся, Ваша Светлость, - девушки встали и поклонились. Ирлинг кивнул и вышел из комнаты.
- А я-то думала, почему нам в академии все твердили, что политика – дело грязное, - задумчиво сказала Мали. – Добьешься от него признания?
- Обижаешь, пани писарь, - в тон ей сказала Иртэя. – Вопрос сейчас в том, как бы его действительно не угробить.
- Ты ж говорила, что он тебе противен. С чего вдруг изменилось мнение?
- Мнение не изменилось, - Иртэя серьезно посмотрела на Мали. – Но одно дело, если его бы замучила совесть. Совсем другое, если он помрет на допросе. Не думаю, что канцлер будет счастлив.
- Определенно, - кивнула Мали. – Ладно, пойдем. Мне бы очень хотелось успеть отдохнуть до того, как канцлер определится, что мы будем делать с княжной.

Нирра, Год 1476 от В.Н., 59 день лета.

Поспать Ирлингу так и не пришлось. Сперва он переговорил с Мастером Инианом по поводу Эглины, потом провел совещание с Песком и Звяком по предполагаемым действиям на территории Фарка. Сам канцлер предполагал, что никаких действий проводить не понадобится. Тем не менее Песка настаивал на согласовании плана «на случай непредвиденных обстоятельств», и Ирлинг, сочтя доводы графканцлера разумными, выслушал его идеи по этому поводу и дал свое устное согласие на их исполнение. Предполагалось укрепление позиций Рейка на политической арене княжества Фарк («устранение внутренней оппозиции, если такая обнаружится»), работа с ребятами Тихо («криминал может быть очень полезен при привлечении мястчанства на нашу сторону») и агитация в среде остального дворянства («не со стороны Княжества или канцелярии, но от вас, барон, как от дворянина и патриота Фарка»).

- Тем не менее, барон, я повторяю еще раз, - подвел итог Ирлинг. – Любые активные действия вы можете проводить только с санкции моей или же подканцлера Лито. Никакой самодеятельности, вам понятно?

- Да, Ваша Светлость, - Кирий поклонился.

- Вот и хорошо.

Окончив это совещание, Ирлинг собирался отдохнуть, но из ратуши вернулись Мали и Иртэя, и канцлер сразу же принял их с докладом. Мирко согласился сделать все, что от него потребуют, только бы его семью не тронули.

- А самое главное, - сказала Иртэя, еле сдерживая раздражение, - чтобы его жена не узнала об интрижке на работе.

- Удивительно, - отметил Ирлинг, - когда человек боится гнева жены больше, чем пути на плаху. Прекрасная работа, пане. Теперь отдыхайте.

Девушки удалились, а канцлер присел на кресло, закрыл глаза и погрузился в размышления. Мысли его занимала сейчас не операция Алого Клинка, не княжна Фаркская и даже не Милан Теринский. Ирлинг устремился мыслью в свой кабинет, где на столе остался доклад о странах Священного Союза Айнвилля, Мидгардской торговой Республики и Литинии. Как только канцлер вернется в Ластарт, необходимо будет поручить разработку разведывательных операций в этих странах. Уж слишком много последнее время Храм суетится вокруг этого союза. А троица эта может представлять реальную угрозу. Не сейчас, конечно. Все еще имеет место разность интересов. Да и слишком они зависят от Ластарта, который контролирует торговые пути к гномам и далее, на север. Пока зависят. Но через несколько лет, если не удастся сорвать их планы по колонизации Иртинтора, если Храму удастся примирить враждующих политиков в каждой из стран (а Храм умеет и навязывать мир и развивать вражду, этого у богословов не отнять) – вот тогда этот союз может стать очень опасным. А если еще к ним присоединиться Рейнвилль…

- Вспоминаешь уроки Мастера Айен?

- Мастер Иниан, вы так и не научились стучать, входя в помещения? – Ирлинг резко обернулся и посмотрел на эльфа.

- В глубокой медитации ты бы не услышал стука, - Иниан пересек комнату и сел напротив канцлера.

- Я не медитировал, я размышлял, - все еще недовольно сказал Ирлинг.

- Твоя аура говорила об обратном. В общем-то, насколько важно то, как я прервал твои размышления? Стоит ли сейчас тратить время на то, чтобы спорить по этому поводу?

Ирлинг досчитал про себя до десяти и сказал:

- Нет, не стоит. Вы хотели сказать что-то важное?

- Поговорить о девочке и ее роли в твоей операции.

- Мы вроде уже все обсудили? Или нет?

- Нет, не все. Мы обсудили интересные тебе вещи. А мне бы хотелось, чтобы ты осознавал картину в целом.

Ирлинг перевел взгляд с учителя на окно за его спиной. Начинало светать, небо постепенно становилось из мрачно-темного глубоко-синим, где-то даже бирюзовым. Звезды, отслужив свою ночную службу, уходили на покой, оставляя вечное дежурство солнцу.

- Или вам бы хотелось самому осознать картину, - сказал канцлер. – Вы хотите, чтобы я рассказал вам больше об операции, ведь так?

- Твоя операция – это твое дело, - Иниан достал из внутреннего кармана камзола трубку и принялся набивать ее. – Меня интересует та ее часть, которая касается Эглины.

- Отправим ее в мой фольварк в Низзинках – это на границе Ластарта и Фарка. Потом подготовим почву для ее возвращения среди наших союзников. Потом, когда почва будет готова, Алый Клинок обеспечит ее триумфальное возвращение. Она носит титул графини Рейкской, поэтому с вливанием в политическую жизнь больших проблем не возникнет. Пустим слух, что группировка Теринского пыталась ее убить, а благородный пан Динский спас княжну.

- А если она откажется от твоих предложений? – Айклин зажег трубку и глубоко вдохнул ароматный дым. Закрыл глаза, наслаждаясь ощущением.

- В Низзинки мы ее все равно увезем – ради обеспечения ее безопасности, - сказал Ирлинг. – Обеспечить безопасность дочери такого знатного рода наша святая обязанность. А там уже посмотрим. Всегда можно найти способ вдохновить личность на действия. Или отвратить от этих самых действий. Богатства, слава, долг. Да мало ли что или кто еще. Благородный юноша, красивая девушка…

- Почему девушка? – Айклин заинтересованно посмотрел на канцлера. – Разве в Ластарте такие связи не общественное табу?

- Стараниями Темного трона они вполне законны, хотя и порицаются основной массой общества, - Ирлинг поднялся, открыл шкафчик и достал оттуда небольшую бутыль.

- Не рановато ли начинаешь пить?

- Это отвар корня жив-травы, - Ирлинг налил себе в чашку густую, с терпким запахом жидкость. – Меня клонит в сон, а с нашими беседами я чувствую, что поспать мне не удастся. Так о чем мы там?

- О девушках, - хмыкнул Айклин, снова глубоко затянувшись. – Ты высказал предположение о девушке для Эглины, основываясь на чем-либо?

- Скорее как пожелание. Порицание в обществе очень удобный способ контроля, сами знаете. Я бы вообще бы отменил норму об однополых отношениях. Очень упростило бы оперативную работу.

- Но Данэирт никогда не допустит?

- Да и Неркан тоже. Они весьма похожи, когда дело касается злоупотреблением человеческими слабостями. С властьпредержащими долгожителями всегда такая проблема.

- Не находишь в своих словах иронию?

- Еще как нахожу. Но если возвращаться к вашему вопросу – нет, я не знаю о сексуальных пристрастиях княжны. Могу лишь предположить, что серьезных отношений, судя по ее досье, у нее никогда не было. Но если бы она вдруг оказалось женопрельстивицей, это было бы очень кстати.

- Понятно, - кивнул Иниан. У него как раз были все основания полагать, что Ирлинг своим предположением попал в точку. Он помнил, каким взглядом девочка смотрела на своих служанок и подруг. Неосознанно, конечно. Подростки – что эльфы, что люди – часто не понимают своих чувств. Но аура, с ее всплесками желания, особенно у чувствительных к Тьме, в такие моменты не врет.

- А вы не слишком заинтересованы в княжне, Мастер? – спросил Ирлинг.

- Война Храмов приучила меня внимательно относиться к лицам, которых провидение выдвигает на первые роли в политической игре, - ответил Иниан, увидел скептическое выражение на лице канцлера, добавил, - даже если провидение пользуется чьими-либо руками. Особенно, если пользуется чьими-либо руками. Считай это мерой предосторожности. Тебе, кстати, тоже стоило бы придерживаться этого. Не удалось отследить моих преследователей?
- Нет. Судя по всему, их вспугнули в Альяте мои люди, когда выясняли ваше местонахождение, - Ирлинг не поверил мотивам Айклина и заметил, что тот сменил тему. Настаивать на ее продолжении, однако, не стал.
- Ясно, - кивнул Иниан. – Хорошо. Когда ты планируешь вызвать к себе княжну?
- Я пойду к ней сам, когда она проснется и будет готова принять меня. Не удивляйтесь, таков протокол. В нашей дворянской иерархии она все же на полступени выше меня. И иду я к ней с просьбой, как к союзнику, а не как к подчиненной. По крайней мере, так все должно выглядеть.
- А бремя власти тебя изменило, - одобрительно сказал Иниан. – Раньше вопросы протокола тебя не так беспокоили.
- Положение обязывает. Да и то было время мятежной юности.
- Тогда я пойду, отосплюсь. Выезжаем, как я понял, сегодня?
- Да, уже сегодня, - подтвердил Ирлинг. – Мне нужно как можно быстрее вернуться в Ластарт. Предстоит еще многое сделать.
- Удачи в беседе с Эглиной.
- Благодарю. А вам спокойной ночи.
- Уже утро, но все равно спасибо.

Иниан покинул комнату, а Ирлинг снова погрузился в размышления. На этот раз он думал о ситуации в Фарке. Если его план удастся и Теринский пойдет на уступки, Фарк окажется полностью под его, канцлера, влиянием. Граф Милан должен будет понять, что лишь действия Ирлинга спасли его жизнь и власть, он должен будет подчиниться своему благодетелю. Эглина же, вернувшись в нужное время в Рейк (когда Теринский будет уже покорен), поможет удерживать в руках канцелярии еще и оппозицию, сделав победу полной. Главное не спешить. Милан не может не понять этого жеста со стороны канцелярии. Не совсем же он идиот, в конце концов, чтобы предполагать, что может потягаться со всем Княжеством в военной мощи? А после Фарка следует обратить свой взор на Земли Ордена. Да, не надо забывать об Этирите, она может стать либо надежным союзником, либо очень опасным врагом.

Когда солнце уже ярко осветило крыши соседних домов, Ирлинг вызвал к себе Нику и отправил к Эглине узнать, готова ли та принять его. Ника вскоре вернулась и, не поднимая глаз, сообщила, что княжна закончила утренние процедуры и готова переговорить с Его Светлостью.

Когда он вошел, Эглина сидела на кресле, перелистывая страницы трактата. Отложив его в сторону, княжна поднялась и поклонилась Ирлингу.
- Ваша Светлость, - сказала она. – Прошу простить меня за мое вчерашнее поведение, но обстоятельства нашей встречи не способствовали соблюдению приличий.
- Ваше Высочество, - Ирлинг поклонился в ответ. – Извинения приняты. Позвольте также принести ответные извинения и уверить вас, что вся тайна операции была необходима только лишь для вашей безопасности. Если бы я мог предположить, что мы подвергнем своими действиями вас смертельной угрозе, никогда бы не санкционировал подобных действий.
- Я ценю то, что вы сделали для меня, - сказала Эглина, присаживаясь в кресло. – Прошу, присаживайтесь.
- Благодарю, - Ирлинг сел на софу. Взгляд его скользнул по обложке трактата на ночном столике. – Искусство Империи Пустыни времен заката. Нилиус Ин-Вайер, если не ошибаюсь.

- Не ошибаетесь, Ваша Светлость, - сказала Эглина. – Вы знакомы с его исследованиями?
- Поверхностно, - ответил Ирлинг. – Его теории насчет естественного перехода матриархата в патриархат в Империи Пустыни хоть и увлекательны, но совершенно оторваны от реальности.
- Он базируется на человеческой истории, где подобный переход был совершенно естественным. Культ силы победил культ семьи.
- Человеческие ученые любят подстраивать любую историю под себя, - Ирлинг покачал головой. – В этом слабость ваших изысканий. Я имею в виду людей. Любой человек прежде всего пропускает знание через себя, пытаясь обосновать его с точки зрения своего мировоззрения, и лишь потом обращает внимание на факты. Или просто игнорирует их. Также поступает и Нилиус – совершенно очевидно, что пустынники развились как раса матриархальная из-за магических способностей своих женщин. А патриархальное общество у них появилось после того, как в результате войны с эльфами и людьми эти способности были утрачены и культ силы стал единственной возможностью выживания для расы. Вряд ли клинок вэнгалиэнского убийцы, вонзившийся в спину Великой Матери, можно считать естественным обстоятельством. Искусство позднего периода в Империи Пустыни более матриархально, чем в любые другие. Великая Матерь вела пустынников к могуществу. На наше счастье, у наших предков хватило сил и хитрости остановить их.
- Мой отец не согласился бы с вами, - Эглина провела пальцами по обложке трактата. – Я думаю, слова «Великая матерь» довели бы его до бешенства.
- Я знал вашего отца, - сказал Ирлинг. – Князь Виро был сложным человеком. Но не сказал бы, что он был настолько неуравновешенным.
- Вы, вероятно, не бывали у нас дома, Ваша Светлость, - с грустью в голосе сказала Эглина.
- Нет, не довелось.
- Если Альда была для него ценным вложением, то я была его самой большой неудачей. Но срывался он на всех одинаково. «Женщина должна знать свое место» - вот его любимые слова. По крайней мере, мне он говорил их регулярно.
- Эта сторона его жизни была от нас скрыта, - заметил Ирлинг. – Я сочувствую вам, хотя и не могу представить, каково это было.
- Благодарю, Ваша Светлость, - сказала Эглина. Да, он, канцлер, не может представить, каково это, маленькой девочке постоянно слышать, как ее отец обвиняет ее мать в том, что она, Эглина, появилась на свет. В том, что мать ее «негодна к рождению наследника». Каково это, слышать о себе слова «проклятие богов». Каково это, сидеть, вжавшись в угол, и надеяться, что кто-нибудь остановит разбушевавшегося отца, совершенно четко понимая, что никто не посмеет этого сделать, ибо он здесь князь, верховный правитель, а ты, хоть и его дочь, но самое бесправное существо.
- Тем не менее вы нашли в себе силы оставить свой дом, - продолжил тем временем канцлер. – Проявили ту самостоятельность, которой от вас не ждали.

Тогда ей помогла бабушка. На открытую конфронтацию с князем Виро она не решилась, но помогла внучке сбежать, обеспечила ее деньгами и рекомендательными письмами в академию. И моральную поддержку, которой так не хватало тринадцатилетней девочке, впервые оказавшейся без опеки.
- Не скажу, что это было просто, - сказала Эглина. – И, как видно, я недостаточно хорошо порвала со своим прошлым, раз меня умудрился найти жених моей дорогой сестры.
- С сестрой у вас были хорошие отношения?
- Если не считать того, что отец всегда старался нас поссорить. Не припомню ничего такого, за что она хотела бы меня убить.
- Не думаю, что она вообще знает о действиях своего жениха.
- Полагаю, что она вообще не помнит обо мне. Насколько я знаю, отец сделал так, что вся семья вычеркнула меня из своей памяти. А теперь его любимец решил наконец исправить «ошибку богов».

- Что, простите?
- Меня так называл отец, - пояснила Эглина. – «Ошибка богов». Или «проклятие». Зависело от его настроения. Ваша Светлость, мне не очень приятен этот разговор. Так или иначе, Мастер Айклин рассказал мне в общих чертах о ситуации в Фарке. Вам нужна я в качестве противовеса Альде?
- В качестве лидера тех сил, которые будут противостоять Милану Теринскому и его политике отделения.
- В качестве символа, - поправила его Эглина. – Вы же понимаете: писарь канцелярии из заштатного городка, давно утерявшая все связи с семьей, вряд ли годится в лидеры.
- Возможно, - согласился Ирлинг. – Тем не менее я бы предпочел называть вас лидером, а не символом.
- И кто же пойдет за таким лидером?
- Патриоты Княжества и Фарка. Те, кому небезразлично счастье их земли, - ответил Ирлинг. – Вы получите необходимую поддержку, я позабочусь об этом. В случае вашего согласия работать со мной, естественно.
- А если я откажусь, то они найдут и убьют меня, - сказала Эглина и со страхом ощутила, что мысль о собственной смерти на какую-то секунду показалась ей очень соблазнительной.
- Мы в любом случае обеспечим вашу безопасность, - Ирлинг улыбнулся. – Вы слишком ценны для нас, чтобы дать вам возможность умереть.
- Узница или пешка – вот мой выбор?
- Эглина, я не буду вам врать. Вы не глупы, и прекрасно понимаете, что я обеспечу вам поддержку только в том случае, если вы согласитесь помогать мне. Возможно, Мастер Айклин не рассказал вам, что альтернативой переговорам и вашему участию в противостоянии с вашей сестрой и ее женихом является военная операция в Фарке. Видите ли, не всем политическим силам нравится свободолюбие Теринского. Князь Лону Беркликан с удовольствием бы уже направил туда свои войска. Вполне вероятно, что если вы не согласитесь на мое предложение, уже он решит использовать вас. Вы бы хотели увидеть свое родовое имение в огне, а сестру на плахе?
- Нет, - быстро ответила Эглина.
- И я бы не хотел, - сказал Ирлинг. – Но если мои усилия провалятся, князь Лону вполне может повлиять на Великого князя, чтобы тот решился на интервенцию. И никто из них не будет прислушиваться к «писарю из заштатного городка». А вот к графине Рейкской, наследнице Фаркского трона вполне могут. Ваш выбор – не узница или пешка, Эглина. Ваш выбор между борьбой или угрызениями совести за то, что вы не помогли своей земле, когда могли это сделать.

Эглина встала, подошла к окну. Она не хотела, чтобы герцог видел на ее глазах слезы. Ей было страшно, больно, горько. Но она понимала, что Ирлинг прав. В голове проносились мысли, что именно канцлер втянул ее в это дело. Что она должна отказаться – и пускай ее запрут в темнице, или куда они там хотели ее увезти. Что это не ее выбор, не ее дело. Да и какое ей дело до того, кто может погибнуть, если она сама уже помышляет о смерти? Даже до сестры ей нет дела, та сама выбрала свой путь.

И тут она явственно представила себя такой, какой была после ее последней ссоры с отцом. Тогда она позволила себе высказать мнение по какому-то второстепенному политическому вопросу при гостях. После этого князь Виро рассчитал Мастера Айклина и вызвал к себе Эглину. Он кричал на нее, называл кроме всего прочего «слабой женщиной», которой «место у постели господина». Она явно помнила, как сбежала к себе в комнату, зажалась в угол и рыдала. Она чувствовала себя тогда именно такой – слабой, беспомощной. Ее душила жалость к себе, обида. И гнев. Гнев на отца за подобную несправедливость, гнев на себя. Но не за то, что она не родилась мальчиком, как хотел Виро. А за то, что не смогла ему достойно ответить. И гнев победил: вскипая в душе, он

выжигал обиду и жалость. Оставалась лишь чистая ненависть, и она побуждала к действию. Тогда она и ушла из дома – хлопнув дверью и исчезнув из жизни своей семьи.

Эглина явственно представила себе ту маленькую девочку, которая, казалось, готова была ползать на коленях перед старым дураком, вымаливая прощенье за то, чего она была не в состоянии изменить. И поняла, что если сейчас струсит, то вся та жизнь, которую она вела после этого события, да и сам ее тот поступок, которым она гордилась, будет перечеркнут. Отец победит. На лице ее появилась злая ухмылка. «Нет, князь Виро, вы не знали, на что способна ваша дочь. И ни вам, ни вашим прихлебателям ее не одолеть». Она повернулась к канцлеру.

- Я согласна помогать вам, Ваша Светлость, - сказала она, и глаза ее блеснули. – Я выступлю против Милана Теринского. И, если понадобится, против Альды.

- Я рад, что вы решились, Ваше Высочество, - торжественно улыбнулся Ирлинг. – А теперь слушайте и запоминайте. Во-первых, этого разговора никогда не было. После того как пани Адда спасла вашу жизнь, я осведомился, все ли у вас в порядке и сразу же покинул Нирру. Во-вторых, вы сами попросили пана Кирия Динского обеспечить вашу безопасность, после чего он увез вас из Нирры. Он и так увезет вас в безопасное место – в мой фольварк в Низзинках. Алый Клинок обеспечит вам защиту, и через них я снабжу вас информацией по ситуации в Фарке. В вопросах охраны полагайтесь на барона Динского и его людей. В прочих вопросах – на Мастера Айклина, он поможет вам разобраться в ситуации. Когда придет время действовать, я дам знать пану Кирию. В общем, отдыхайте, набирайтесь сил. Вскоре они вам понадобятся.

- Я бы хотела, чтобы Ника сопровождала меня.

- Вы вправе взять с собой пани Нику в качестве личного секретаря, - сказал Ирлинг.

- Благодарю вас, Ваша Светлость, это все, о чем я хотела вас попросить. - Эглина поднялась и поклонилась. – Я чувствую себя уставшей, а мне следует еще подготовиться к путешествию.

- Тогда я оставлю вас, Ваше Высочество, - Ирлинг поклонился в ответ. – Пани Ника явится за вами, когда все будет готово к отъезду.

- Когда ситуация не будет такой напряженной, мне бы хотелось продолжить нашу беседу об искусстве, - заметила Эглина, чуть улыбнувшись самыми уголками рта.

- Могу обещать вам это, - произнес Ирлинг. – Вы весьма понимающий и толковый собеседник.

Он вышел за дверь. «Надо дать указания Лито, чтобы он готовил послов к Теринскому. Пора предъявить наш ультиматум несговорчивому графу».

Фольварк Приречье, пригороды Фарка, Год 1476 от В.Н., 67 день лета.

Альда Фаркская отдыхала на летней веранде. Утро было удивительно свежим для этого времени лета. Легкий ветерок ласкал ее тело, облаченное в белую свободную накидку, и навевал приятные мысли, легонько касаясь ее пепельно-серебряных волос, подстриженных по последней дворянской моде, чуть длиннее шеи. Сегодня у нее было прекрасное настроение – пока Милан занимался делами, она могла уделять время себе и убранству фольварка. Приказав с утра скарбничему заказать в городе новые занавески на окна и постельное белье, она проверила состояние кухонь, распекла прислугу за нерасторопность и теперь в ожидании завтрака лежала на софе и перелистывала новый поэтический трактат барда Ульри Равнинного, который прислали ей вчера – с автографом автора. Серые глаза, совсем как у матери, за тонкими, гномьей работы, стеклами очков сосредоточенно вчитывались в строчки:

...Теплом весеннего солнца,
В дороге подвиг свершив,
Ты веришь – придет твой рыцарь,
Одиночество сокрушив…

Поэзия Ульри вызывала у нее противоречивые чувства. С одной стороны, она была легкомысленной и какой-то уж очень наивной. С другой – бард как будто писал свои стихи про нее и Милана. Она читала строчки и сразу понимала, что это именно о ней, о ее любви, о ее страданиях и чаяниях. Поэтому она благоволила Ульри и даже послала ему приглашение быть гостем на их с Миланом свадьбе. Поэт очень благодарил и обещал обязательно быть и просил уточнить дату события. Только вот с датой пока были проблемы.

Светские законы, подгоняемые развитием маготехники, проникали во многие аспекты жизни, но они зачастую были бессильны против таких бастионов консерватизма, как семейные обряды, определенные ритуальными книгами Кристинии, богини плодородия, и Феломены, верховной богини Круговорота жизни и смерти. Они строго регламентировали время свадеб и похорон, принятие новорожденным храмового причастия, сроки варных и траурных дней. Определяли они и то, что в год траура по ближайшему родственнику нельзя проводить свадьбы, а родившиеся у носящих траур дети считаются несчастливым бременем. Устаревшие во многом традиции поддерживало неусыпное око Великого храма Семи, через своих жрецов и пастырей наблюдая за их исполнением и осуждая ослушание. Дворяне, являясь консерваторами по своей природе, вторили храму в его зачастую нелепой традиционности. Молодая княгиня Фаркская, ставшая предводителем местного дворянства, оказалась заложницей своего положения. Ей предстояло ждать еще три сезона до того, как она и Милан смогут сочетаться браком. Для Альды это время казалось вечностью. С детства ее учили тому, что мудрость женщины состоит в подчинении отцу и, впоследствии, мужу. Так говорил ей отец, так вторили ему воспитатели и наставники, так вела себя ее мать. Дело женщины – хранить дом, быть надежным тылом для мужа и растить детей. Нет, это не значит быть необразованной или глупой. Альда знала мертволесский и северный языки в дополнение к родному и немного читала на языке гномов, разбиралась в искусстве, имела представления об истории и дипломатии. Но на деле гораздо важнее для нее было следить за собой, улыбаться и хорошо танцевать. И самым главным – это всегда подчеркивал отец – никогда не спорить с мужчиной.

Так она и делала: любила и боготворила отца, когда он был жив. Она любила и боготворила Милана, может быть, чуть меньше, до того, как отца не стало. Когда же Виро погиб, она нашла в Милане опору и ее одержимость женихом удвоилась. Альда не интересовалось политикой, не читала документов, которые приносил ей на подпись

Милан. Ему доверял отец, как может ему не доверять она? На все выпады дальних родственников она отвечала презрительным молчанием. Все из-за зависти к ее счастью и положению. Ее интересовало искусство, порядок в доме и Милан. Остальное было несущественно.

С Миланом она, по заветам отца, никогда не спорила. Если ей не нравились его друзья (а особенно ей был несимпатичен Борин Циверский), она улыбалась, говорила, что ей нездоровится, и покидала их общество. Единственным ее условием было отсутствие интимной близости до свадьбы, и он уважал ее желание. За это она его любила еще больше. Он являлся к ней, как рыцарь из баллад, и разрушал ее скуку и одиночество. А затем уходил, дабы сразить неведомое чудовище, угрожавшее ее и, как она верила, общему благу.

Свою сестру она вспоминала редко. Эглина была бунтаркой и непоседой. В детстве они часто ссорились. Потом Альда начала проводить меньше времени дома – уехала в другой фольварк, дабы домашние заботы не отрывали ее от наставлений. Когда она в очередной раз вернулась, Эглины уже не было. Она спросила маму – но та ей туманно ответила, что сестра поссорилась с отцом и уехала из дому. И просила с отцом на эту тему не разговаривать. Альда выполнила просьбу матери.

Подошла служанка, принесла хлеб, джем и молоко. Альда кивнула ей, не отрываясь от трактата.

... Сквозь грозы ненастья,
Метели и зной
Придет твое счастье
Зимой иль весной…

Она подчеркнула эти строчки, пометив, что их можно было бы и доработать – надо будет написать автору свои соображения на этот счет. В детстве Альда сама немного сочиняла, но отец, однажды обнаружив листки со стихами, сказал, что это недостойное дворянской дочери занятие, и она бросила. Теперь, когда отца не стало, она иногда писала попадавшим в ее поле зрения менестрелям и бардам письма, в которых указывала на недочеты, подлежащие, на ее взгляд, исправлению. Получая в ответ слова благодарности, она чувствовала, что делает нечто важное, что, помимо любви к Милану, наделяло ее жизнь смыслом.

- Прошу прощения, Ваше Высочество, - вновь подошла служанка.

- Что случилось, Миди? – Альда оторвалась от чтения и недовольно посмотрела на полненькую молодую девчушку.

- Его Сиятельство граф Теринский только что приехал и ожидает в гостевых покоях.

Недовольное выражение тут же исчезло с лица Альды, и она быстро поднялась.

- Пусть его проводят в обеденный зал, - сказала она, направляясь к дворцу. – Прикажи немедленно приготовить обед на нас двоих, птицу и зажаренные овощи, подать ему вино – его любимое, винарь должен знать. И пусть приготовят мне платье – красный эльфийский бархат. Скажите графу, что я скоро буду.

Такое неожиданное посещение привело Альду в некоторое замешательство. Она всегда была рада Милану, но еще два дня назад он говорил, что сможет приехать к ней лишь через седмицу. Гадая, что же могло случиться, княгиня направилась в свои покои принять надлежащий вид.

Милан Теринский действительно собирался посетить свою невесту лишь через семь дней. Эти дни он намеревался провести в архивах Терии – разобрать старые документы, касающиеся наследства матери. Два младших рода до сих пор вели спор за ее фольварк, призывая молодого графа рассудить их, а Милану хотелось поступить по справедливости. В архивах он неожиданно встретил Коссита Анесского. Хорунжий уже решил свои дела и вызвался помочь Теринскому в поисках. И именно Коссит наткнулся на

прецедентное решение сейма, которое могло позволить Милану обойти траур и жениться на Альде в ближайшее время. Милан несколько раз пересмотрел сеймовые книги и сами документы, пока не поверил в подлинность документов. И в невероятную удачу – ведь подобные документы обычно хранились в сеймовом архиве Фарка или в архиве дворянского собрания в Озерце. Коссит и Милан еще раз перебрали книги и дела, убедились, что документы подлинные, а решение сейма было закреплено и воплощено в жизнь.

Вернувшись из архивов, он рассказал об этом отцу, но старик взорвался и не захотел ничего слушать. «Мы стоим на том, чтобы сохранить традиции, которые попирают Ластарт и Альят. А теперь ты приходишь ко мне и предлагаешь самим отказаться от принципов? Молодой человек, ты должен понимать, что мы не боремся за власть, а лишь восстанавливаем справедливость!». Милан пытался объяснить ему, что ожидание смерти подобно и что они отдают противнику инициативу. Радан со свойственным ему в такие моменты высокомерием предположил, что сын «не в силах обуздать свой инстинкт продолжения рода». Дальше последовал обмен остротами, переходящими в оскорбления, после чего отец уехал в Раданку, оставив Милана остывать в обществе Озина. Этим утром Милан вызвал к себе Циверского и Клесского, дабы обсудить с ними вопросы ускорения своей свадьбы. Отправив гонцов, он занялся докладами эконома и письмами глав гильдий и цехов.

Внимание его привлекли сообщения из Берклики. Создавалось впечатление, что против фаркских купцов там началась откровенная травля. В докладах то и дело мелькали сообщения о «бесконечных досмотрах» и «немыслимых пошлинах» (это в одном то государстве!). Несколько раз он встретил записи о вызовах в городскую стражу Берклики, где в «доверительной беседе» купца спрашивали, с кем из дворян он состоит в торговых отношениях. «Если они окончательно решили закончить дело войной, - думал Милан, - отчего такое происходит только в Берклике? В Илине же и Ластарте подобного не наблюдается. Или они проверяют, ждут моей реакции?». Прочитав следующие письма, от доверенных людей в столице, Милан пришел в еще большее недоумение. Из них следовало, что канцлер Ирлинг готовит следующий раунд переговоров с Фарком и для этого ведет консультации с «близкими ко двору Терии и Фарка людьми в Ластарте». Милан перечитал письмо еще раз, отложил его и задумался. «Тактика кнута и пряника? Вполне вероятно. Или же провокация, и они ждут, как я отреагирую? Пойду ли на переговоры или же попытаюсь ответить на этот беспредел в Берклике?». Теринский еще раз пересмотрел письма из Берклики и Ластарта, но более рационального объяснения, чем попытка спровоцировать его на ответные действия, не придумал.

Вошел слуга и доложил о прибытии панов Циверского и Клесского. Милан рассеяно кивнул, все еще обдумывая ответные действия. «Как жаль, что отец уехал, - промелькнула у него мысль. – Он бы, возможно, смог подсказать мне, как действовать. А теперь… хотя к длимернам! И без него управимся».

- Мой граф, у меня плохие новости! – произнес появившийся в дверях Борин вместо приветствия. Следовавший за ним Йатик коротко поклонился. Лица у обоих выражали крайнюю степень озабоченности. – Наша княжна исчезла из Нирры.

- То есть как? – удивился Теринский.

- Эглина уехала из Нирры в неизвестном направлении. Начальника местной канцелярии обвинили в шпионаже в пользу Рейнвилля и Империи и, скорее всего, отправят валить лес на побережье. Мой человек, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством. По слухам, его чуть ли не лично Ирлинг выбросил из окна.

– Быть такого не может, чтобы лично, - не поверил Милан. «Мы слишком долго ждали! – сказал он про себя. – Вот чего боялся я и чего не понимал отец!»

- Ну, лично не лично, а посланника тоже чуть не взяла городская стража. Стражник попался падкий на блеск серебра, да славится жадность во веки веков. Вот он и рассказал, что, дескать, какой-то эльф раздавал приказания страже, когда труп моего человека

обнаружили под окном его жилища. И клялся, что эльф назвался канцлером. И потом дал страже приказ задержать человека, по описанию очень похожего на нашего связного. У них было довольно точное описание, кстати. Такие дела, друг мой.
- Когда это произошло?
- Седмицу назад.

«Значит, сперва травля в Берклике, потом слухи о переговорах, потом Нирра, - думал Милан. – Или, вернее, сначала Нирра, а потом слухи о переговорах. Значит, так они хотят на меня нажать. Что они могут сделать? Выкрасть Альду или убить? Вряд ли, Неркан и Лону – дворяне, они остановят Ирлинга. Или не смогут? Ведь необязательно же им знать, что тот задумал. Потом скажет, дескать, так получилось. У эльфов, как известно, совести нет, только честолюбие. А потом привезут эту младшенькую, на все согласную».
- Йатик, что ты об этом думаешь? – спросил Теринский.
- То, что канцлер Ирлинг в лучших традициях своих сородичей собирается решать проблему с помощью шантажа, похищений и убийств, - лицо Клесского стало жестким.
- А я вот не уверен, - произнес Милан и пересказал друзьям содержание писем от своих людей.
- Не знаю, - покачал головой Борин. – Возможно, они попытаются давить на тебя всеми возможными способами, пока ты еще официально не получил титул князя.
- Кстати, - Йатик щелкнул пальцами. – Вспомнил одну вещь. Вчера играл с паном Лимицским в карты…
- Опять карты, Йатик? – недовольно сказал Борин. – Твоя страсть тебя погубит.
- Не изображай моего отца, Борин, - отмахнулся Клесский.
- Я и не пытаюсь, просто даю дружеский совет. Я знаю, что ты скажешь – карточный стол уже свел тебя с Лимицским, и мы получили ценного союзника в Рейке, что эта игра позволяет тебе общаться с большим количеством молодых дворян и влиятельных мястчан. Но я видел, как ты играешь, Йатик. Азарт поглотит тебя когда-нибудь!
- К делу, панове, - прервал их Теринский. – Играть или не играть – личный выбор Йатика. Мы собрались не для дружеского порицания! Йатик, что ты хотел рассказать?
- Так вот, - Клесский с усмешкой посмотрел на негодующего Борина. – Вчера я играл в карты с паном Лимицским. И он рассказывал, как один из его знакомых гвардейцев Рейка, будучи в изрядном подпитии, болтал, будто бы лично слышал, как тысячник Бойковский на чем свет стоит ругал канцлера. Дескать, у того лишь интриги на уме, а если кто и позаботится о целостности Княжества, так это князь Лону. Когда же Бойковского попросили объяснить свои слова, тот замкнулся и сказал лишь, что никого еще подлоги и обман до добра не доводили.
- Слухи, слухи, слухи, - проворчал Борин. – И что мы из этого можем для себя уяснить? Кроме того, что и так понятно – ни один нормальный дворянин не должен доверять эльфу, будь тот хоть трижды канцлер.
- Бойковский известен как большой сторонник князя Беркликана, - пояснил Йатик. – Иногда о нем говорят как о личном представителе князя в Рейке и Фарке. Как думаешь, стал бы он высказывать такое мнение о канцлере, если бы это не было бы на уме у его хозяина?
- Может, да, а может – и нет, - не унимался Борин. – Барон Бойковский – вполне самостоятельный пан и мог высказывать свое мнение.
- Замечания Йатика интересно, - сказал Теринский. – Но, в любом случае, наша задача сейчас – продумать ответные действия.
- Согласен, - сказал Борин, а Йатик кивнул. И тут Циверский спохватился: – Милан, ты ведь вызывал нас, чтобы рассказать какие-то важные известия!
- Да, - Милан кивнул и улыбнулся. – Панове, кажется, я нашел способ быстрее жениться на Альде и избавить нас от проблем с законностью наших действий здесь.
- Мы во внимании, - Йатик подался вперед.

- Мы с Косситом были в архивах, разбирали бумаги, и он наткнулся на записи фаркского сейма. Так вот, полтора века назад предок моей невесты был почти в том же положении, что и я: семью наследницы в одну ночь вырезали недоброжелатели, и осталась она одна-одинешенька. Княгиня была, судя по всему, до политики неохочая и хотела все свалить на мужа – а свадьбу играть нельзя. Тогда собрала она сейм и говорит: дворяне, милые, надежные друзья мои, не могу без мужа-защитника и опоры. Враги наступят, а без сильной руки некому будет защитить ни меня, ни княжество от угрозы. Повелите же отступить от традиций – случай особый ведь. И сейм подумал – да и разрешил своим решением княгине замуж выйти. Понимаете, к чему я клоню? – закончил Милан. Йатик и Борин переглянулись. Теринский ожидал их реакции.
- А ведь может получиться, - сказал наконец Циверский. – И если посмотреть на текущую ситуацию: Озерецкая нас поддержит, троеграфье пойдет за нами, как за единственной реальной силой. Миковский – твой друг. Миранские и Картент никогда не плевали против ветра. Неизвестно только, как поведут себя Динские, но старый Ульт вряд ли захочет ссориться с нами.
- Рейские точно будут против, - хмыкнул Клесский. – И Динских, и Картент я бы уж так не скидывал со счетов. А если мы провалимся на сейме – политические последствия трудно предсказать.
- При поддержке остальных на это мы можем закрыть глаза, - возразил Циверский. – Да и у нас есть время пояснить, на чьей стороне реальная сила.
- Когда о нашем плане станет известно в Ластарте, они из кожи вон вылезут, но перетянут часть дворянства на свою сторону. Да и силы у них поболей.
- Тогда мы должны занять их чем-нибудь другим, - улыбнулся Милан. – Панове, у меня есть план.
- Мы тебя слушаем.
- Во-первых, мы должны усилить охрану Альды. Йатик, пан Утравницкий с семьей сейчас у себя. Отправляйся в Травники и предупреди, что мы опасаемся за жизнь Ее Высочества. Не стоит говорить ему, что мы ожидаем неприятностей со стороны канцлера, просто пусть не спускает глаз с княгини.
- А если он спросит, какие у нас основания для усиления охраны?
- Сочини по дороге, боги ведь не обделили тебя фантазией, не так ли? Во-вторых, опираясь на события в Берклике, мы установим торговую блокаду товаров Княжества…
- Не слишком ли круто берешь, Милан? – усомнился Борин. – Может, стоит взвесить ситуацию?
- Борин, не хотелось бы повторять мысль Йатика, но ты сейчас в точности как мой отец. Мы уже дали достаточно времени нашим врагам. Ничего хорошего из этого не вышло. Так что отправляйся сейчас к Косситу, и вместе обмозгуйте, каким образом это сделать. Привлеките его Озерецкую сотню, мытников, нашу гвардию. Всех досматривать, травы и алкоголь разворачивать на подъездах. Нашим купцам объявить о том, чтобы сначала насытили внутренний рынок. Контрабандистов – вешать!
- Суров ты, граф, - покачал головой Борин. В такие моменты он преклонялся перед Миланом, его умением совершать поступки. «Вот чего не хватает мне, решительности», - отметил он про себя.
- А иначе как? И всех канцелярских под особое внимание. Если они попытаются провести сестру моей невесты… В общем, пусть Коссит проинструктирует доверенных людей, он в этом знает толк. В-третьих, я сейчас отправлюсь к Альде и инициирую заседание сейма. В повестку кроме всего прочего мы включим и вопрос о разрешении досрочного прекращения траура. Но дворянству мы сообщим об этом в самый последний момент. Пока они решатся на действия, уже будет поздно. А когда я стану князем, ни смерть Альды, ни их давление не будут уже страшны. Все дворянство встанет на нашу сторону.
- Кроме Рейкских, - заметил Йатик. – Эти всегда будут занозой в сапоге.

- Так может, нам немного припугнуть их? – предложил Борин. – Скажем, отправить нашего друга Клио с недвусмысленным намеком.
- Это их не остановит, - Милан покачал головой. – Найская и Бойковский слишком сильно ненавидят меня, чтобы их можно было испугать.
- А я согласен с Борином, - в свою очередь сказал Йатик. – Подождем, пока они получат приглашение на сейм с повесткой, а потом введем там военное положение. Скажем, что бандиты по лесам орудуют. И пускай попробуют дернуться!
- Это обсудим позже, - Милан поднялся. – Сейчас нужно сделать то, что уже решено.
- Я завтра встречаюсь с Клио, - Йатик встал вслед за Теринским. - Он организовал неплохой карточный клуб в Рейке. Помогает наладить связи с молодыми дворянами. Обсужу с ним эту идею.
- Только осторожно, Йатик. Чтобы никто больше не узнал об этом.
- Я сама осторожность, Милан, - улыбнулся Клесский.
- Тогда решено, панове. Отправляйтесь в путь, а я завтра с самого утра направлюсь к княгине и придам всем нашим решениям законность.
- Уверен, что уговоришь ее? – спросил Борин, пожимая другу руку.
- Как только она услышит о свадьбе, она одобрит все что угодно, - серьезно сказал Милан.

И вот теперь граф Теринский ожидал свою невесту в обеденном зале ее фольварка. Ждать пришлось долго. Он наблюдал, как слуги накрывают на стол, и думал. Повестку сейма он опубликует за две седмицы до оного – «Гарда» успеет подготовиться. В желании Альды выйти замуж он не сомневался. Опасался он лишь открытой агрессии со стороны Княжества. Он не боялся за свою жизнь. В конце концов, он обещал отцу еще в детстве, что положит ее на алтарь освобождения Фарка. И он, не задумываясь, пожертвовал бы собой, если бы знал, что это поможет борьбе с Княжеством. Но его беспокоила возможность военной интервенции. Ополчение «Гарды», которое Йатик, Борин, Коссит и Кир поспешно готовили из самых преданных их сторонников, еще только начинало обретать форму. Им понадобится еще минимум две трети сезона, чтобы начать представлять собой силу, с которой нужно будет считаться. На гвардии дворян пока надежды нет – пока он еще официально не стал князем. Если Княжество ударит сейчас, будет очень тяжело. Но, в конце концов, кто не рискует, тот не пьет игристое. Еще его волновала судьба Альды. Мысль о том, что и так обманываемая им девушка может пострадать из-за него, была Милану неприятна, но он гнал ее прочь.

Альда грациозно вплыла в помещение. На ней было алого цвета длинное платье. Серебряная диадема украшала волосы, на правой руке серебряный же браслет. Милан мысленно дорисовал воображением мертволесские красные туфельки на каблучках и того же цвета белье.
- Моя княгиня, - церемонно поклонился он. – Вы прекрасны, как всегда.
- Милый мой пан, - кокетливо улыбнулась она, протягивая ему руку для поцелуя. – Вы льстите мне.
- Ни одно из слов не сможет описать вашу красоту, - он поцеловал ее руку. Иногда ему казалось, что Альда понимает фальшь в его словах и забавляется с ним. Однажды он видел сон, в котором после очередного пассажа княгиня улыбнулась ему, а потом приказала схватить и кинуть в темницу – за наглую ложь и притворство. Он проснулся в холодном поту и сказался больным, лишь бы не видеть ее в тот день.
- Милан, вы очаровательны, - красный румянец залил ее лицо. – Я, признаться, не ожидала вас сегодня увидеть.

Они присели за стол – он во главе, она по правую руку от него. Милан улыбнулся, а затем взглядом указал на слуг, ожидающих приказаний госпожи у двери.
- Оставьте нас, - велела Альда.

Низко поклонившись, слуги вышли из комнаты. Как только дверь закрылась, Милан наклонился к Альде, провел рукой по спине – от лопаток до талии – и поцеловал ее в губы, а потом в шею.

- Дорогая, как же я скучал, - сказал он.

Альда ненастойчиво попыталась отстранить его правой рукой, левой, тем не менее, приобняв.

- Милан, не торопись, - с придыханием сказала она. – Ты знаешь – ничто не в силах помешать нашей любви. Мы столько ждали, осталось совсем немного.

- Возможно, даже меньше, чем ты думаешь, - сказал он, целуя чуть выше ключицы.

- Что ты имеешь в виду? - на этот раз настойчиво отстранилась она. – Ты же не думаешь, что я…

Милан отпустил, посмотрел оскорбленно и скривил губы.

- Княгиня, я никогда не покушался на вашу честь, - сказал он холодно. – И я не думал, что вы сможете обвинить меня в этом.

- Милан, я не…, - растерянно захлопала глазами Альда. – Я ни в коем случае… прости меня.

- Не стоит, любимая, - он печально улыбнулся. – Я все понимаю. Но ты ведь знаешь меня давно – неужели ты действительно думаешь, что я пойду против твоей воли?

- Ни в коем случае, милый, - Альда покраснела. Иногда ей очень хотелось, чтобы он пошел против ее воли. В мечтах, одинокими вечерами, она представляла, как он врывается к ней в спальню и делает то, о чем она читала в тех трактатах, которые ее отец называл «современной похабщиной». Она так явственно представляла себе это, что начинала пугаться своих желаний и тогда крепко-крепко закрывала глаза и вспоминала отца. Желания отступали, и появлялся стыд, от которого она тихо плакала, как маленькая девочка.

- Любимая, я всего лишь хотел сказать, что я теперь знаю, как мы можем обойти траур и поскорее сочетаться браком.

Повисла тишина. Альда смотрела на него с ожиданием и надеждой.

- Мы обратимся к нашему сейму, - продолжил Теринский. – Ты обратишься к сейму и скажешь, что не в силах более выносить одиночество, что тебе нужна надежная рука и помощь. Ведь все это действительно так? Ты попросишь их сделать исключение и своей властью нарушить традиции – на благо нашего княжества. Так однажды уже поступала княгиня Нара. Мы можем сослаться на исторический прецедент.

На глазах у Альды выступили слезы.

- Почему ты раньше не узнал этого? - заплакала она. – Почему мы ждем так долго?

- У меня много дел, ты знаешь, - твердо сказал он. – Бремя правителя, которое досталось мне после твоего отца, отнимает у меня много сил и времени. Оно слишком тяжелое, чтобы взваливать его на твои хрупкие плечи. Про этот прецедент я узнал почти случайно, когда занимался государственными делами. И эту информацию нам пока нужно хранить в секрете.

- Почему?

- У нас много врагов, - грустно сказал Милан. – Многие за пределами княжества не поддерживают наш брак. Ирлингу Альята и Лону Беркликану не выгодно, чтобы этими землями правил я – они бы хотели убить тебя или заключить в тюрьму или монастырь. Потом превратить Фарк в герцогство и посадить на здешний трон своего ставленника. Узнай они то, что сейчас знаем мы – кто поручится, что завтра к тебе не подошлют убийцу?

- Я понимаю, милый, - она прильнула к нему. – Но ты ведь защитишь меня?

- Конечно, дорогая.

- Ты прав, Милан, - улыбнулась она. – Ты, как всегда, прав. Я сделаю все, что ты скажешь, и мы будем вместе, пока смерть не разлучит нас.

- Да, милая, - он аккуратно поцеловал ее. – Позови слуг – я очень голоден. А после обеда мы пойдем в сад и ты почитаешь мне стихи.

Интермедии: дни в Низзинках
Интермедия 1. Друзья

День был теплый и солнечный. Ветер качал травы и приносил глоток свежего воздуха. Неторопливая речка Низза несла свои воды в море. Со стороны пастбища доносились звонкие голоса пастушков, то ли споривших, то ли просто озорничающих. Песка лежал на пологом холмике чуть выше берега. В легкой серой рубахе и закатанных по колено темных штанах он напоминал селянского хлопца, уморившегося на солнцепеке и прилегшего отдохнуть. Голову он прикрыл соломенной шляпой, во рту держал, покусывая, стебелек травы. Он то глядел на небо, то, приподнимаясь на локтях, наблюдал течение реки.
- Эй, хлопча, - услышал он знакомый голос, - уродилась ли нынче ягода, да поспеет ли к сроку бражка?

Песка обернулся. В нескольких метрах от него, выше по холму стоял Звяк и улыбался. Он был одет в короткий кожаный жилет на рубаху, подпоясан по форме. На поясе висел кинжал. Песка подозревал, что за пазухой у друга спрятан самострел. Звяк очень редко выходил на улицу невооруженный. Песка так и не смог понять за эти годы, страсть это или болезненная настороженность.
- Не, паночек, брагу к сроку не поспеем, всю наготовку паненки с фольварка выхлебали, - пропищал Песка, подражая детскому голосу. Звяк засмеялся.
- Так уж и всю, - сказал он, спускаясь и присаживаясь рядом с другом. – В подвалах бочек пруд пруди.
- Шутки шутками, - скривился Песка, - но Рыжая и Мали каждый вечер навеселе ходят. Вот уж нашли друг друга.
- А что, по мне так пусть ходят, - задумчиво сказал Звяк. – Мали меньше ко мне пристает с разными глупостями, типа немедленной женитьбы.
- Это пока, - заметил Песка. – Вот наговорятся они всласть, потом не будешь знать, куда деться. Хотя меня больше волнует княжна. Хоть ты курить начинай с этими волнениями, в самом деле.

Звяк неопределенно хмыкнул, вырвал травинку и тоже начал ее пожевывать. Мгновение они сидели и смотрели на реку в тишине.
- А что княжна? - сказал Звяк. – Девка как девка. Умная. Я, знаешь, ожидал, что хуже будет. Без обид, но дворяне – народ смурной. А она вроде и простая такая, и не воображает из себя невесть что. Не то что многие.
- Ты мне это будешь рассказывать, - грустно улыбнулся Песка. – Я в таком, как ты сказал, «смурном» окружении полжизни прожил. А княжна… поведение как раз не подозрительно – она ведь сколько лет провела вне дома. Длимерн его знает, Звяк. Не нравится мне все это.
- Что именно?
- И задание, и подготовка такая долгая, и этот эльф, что тут маячит, - ответил Песка.
- А что-нибудь нравится? – посмотрел на друга Звяк.
- Псарня здесь шикарная, - ответил тот. – А вот все остальное – не нравится.
- Задание нормальное – бывало и хуже, - начал перечислять Звяк. – Мне пару месяцев по трущобам тягаться нравилось, например, гораздо меньше. Подготовка…. Ну, тут я с Мали согласен. Канцлеру виднее, что там да как.
- В том и дело, - раздраженно сказал Песка. – Мы сдаем инициативу. А зачем, я понять не могу. Хоть вроде как операцией на месте командую я. Нам бы сейчас брать Теринского в оборот или хотя бы продолжать твое расследование по убитой княгине. А мы здесь сидим, брагу глушим, пейзажами любуемся.
- Поговори с Мастером на этот счет, - посоветовал Звяк. – Может, он видит более широкую картину.
- Он меня тоже раздражает. К тому же, я уже с ним говорил.

- И как?
- Продуктивно, - скривился Песка и потер правый бок. – Я понял, что фехтование с эльфами – это совсем не мое.
- А по существу?
- А по существу он сказал, что здесь он для того, чтобы охранять княжну и не для чего более. Ну, и чтобы помочь ей вписаться в ситуацию. Это я уже понял из дальнейшей беседы. «Подготовить к жизни», как он выразился.
- Ну, так и что тебя смущает?
- Он что-то скрывает, - ответил Песка. – Ему, конечно, четыреста с хвостиком лет, но и я не лыком шит. Поведение почти что идеальное. Но в том-то и дело, что почти! Некоторые жесты… в общем, что-то он скрывает
- Друг, иногда белое – это белое, - наставительно сказал Звяк. – Я, конечно, далек от твоей мудрености и не мастер всяких темных штук, как Ирти или Мали, но как по мне, так все гораздо проще, чем ты себе пытаешься представить.
- И что бы ты мне предложил делать? – спросил Песка.
- Я бы ему поверил, - пожал плечами Звяк. – В конце концов, если мудрый захочет нас перемудрить, он перемудрит.
- А если я окажусь прав?
- Тогда у тебя появиться возможность при встрече с канцлером сказать: «а я знал, что все не так просто!» - хмыкнул Звяк.

«Будто бы это нам сильно поможет», - подумал Песка.

- Тебя что-то еще беспокоит? – спросил Звяк.
- Я отправил отцу сообщение с нашим местонахождением, - после короткой паузы сказал Песка. – На всякий случай.
- Канцлер знает?
- Нет, никто, кроме тебя, не знает. Я так думаю.
- И ты беспокоишься, правильно ли ты поступил?
- Я доверяю отцу, если ты об этом, - Песка покрутил травинку пальцами. – Даже несмотря на его мнение о наших действиях. Звяк, мне действительно совершенно не нравится эта вынужденная остановка. Считай, я перестраховался.
- Тогда чего переживать, командир? – Звяк ухмыльнулся. – Насколько я понимаю, твой отец не из любителей Теринского. Считай, что ты используешь независимый источник информации, нас ведь всегда учили, что чем больше информаторов, тем лучше.
- Хотелось бы, чтобы и канцлер разделял этот взгляд на вещи, - поморщился Песка. Но разговор со Звяком сделал свое дело – на душе стало светлее.
- Пойдем, хлопча, - положил Звяк руку на плечо Песке. – Проверим, не перепились ли наши девки.

Песка засмеялся. Они поднялись и пошли в сторону фольварка.

Интермедия 2. Старшие и младшая

- Купаться, купаться! – Мали то шла, то бежала вприпрыжку. – Мы идем купаться!
- И это стольный писарь великокняжеской канцелярии, - с укором сказала Иртэя. Ей досталось нести съестные припасы. Ника, будучи самой младшей, несла самое тяжелое – воду и брагу, а Мали самое легкое – покрывала. – Какой пример ты подаешь нашей рыжей подруге?
- Зануууда! – протянула Мали. – Я все лето мечтала выбраться к речке и искупаться. А теперь такой шанс.
- Ой, да ладно тебе, - ухмыльнулась Иртэя. – Вот когда мы прищемили хвост Галу Свисту – ты там знатно искупалась.

Мали выругалась и сделала непристойный жест в сторону подруги. Гал Свист пытался сбежать на плоту через реку, и Мали с берега прыгнула за ним. Промахнулась, но

поднявшаяся волна покачнула плот, и, потеряв равновесие, Свист упал в воду. Плавал он плохо, поэтому в конце концов местная стража подобрала его и Мали на лодке. Девушка утопила меч, за что получила нагоняй от скарбничего, хотя в целом операция прошла успешно.
- В следующий раз ты прыгать будешь – от тебя волна больше, - насупившись, сказала Мали. Иртэя сделала вид, что не расслышала.
- Ника, а ты чего такая задумчивая? - спросила она Рыжую.
- Жалко Эгли, - ответила Ника грустно. – Она бы тоже с удовольствием искупалась.
- Ну да, - кивнула Мали. – Мастер Айклин ее совсем замучил тренировками.

Эглина действительно несколько последних дней постоянно тренировалась. К вечеру приходила уставшая, выпивала стакан молока или воды и падала спать. Рано утром вставала – и снова отправлялась с эльфом к объездной площадке.
- Ей надо наверстывать, - заметила Иртэя. – Мастер Айклин считает, что княжне необходимо быть в хорошей физической форме и уметь постоять за себя.
- Кто бы говорил, Ирти, - Мали ущипнула полуэльфку за бок. – Ты сама-то когда последний раз в руках меч держала?
- Зато я вполне сносно стреляю, - ответила Иртэя.
- Ага, ага, - захихикала Мали. – С десяти шагов, может, в дом и попадешь.

Иртэя попыталась дать ей подзатыльник. Мали ловко увернулась, показала подружке язык и снова пошла вприпрыжку.
- Нет, ну девочки, разве это правильно? – возмутилась Ника. – Эгли в этой ситуации очень тяжело, а он ее каждый день гоняет и мучает!
- Может, потому и гоняет, чтобы не задумывалась, насколько ей тяжело, - ответила Мали немного раздраженно. – А тебе, небось, хотелось бы, чтобы он тебя помучил? Где-нибудь за свинарником или на чердаке.

Ника покраснела и посмотрела на Иртэю в поисках защиты. Но та, не оправдав надежд Рыжей, сказала:
- Да, небось, не против была бы, так засматриваешься постоянно на эльфа. Видимо уже в мыслях замуж за него вышла и детей родила.
- Что, так заметно? – растерялась Ника. Она действительно засматривалась на Иниана. Тогда, в корчме, он ее очень напугал. Но потом она была поражена его грацией, его умением говорить. Однажды она украдкой подсмотрела, как он переодевался, и была сражена его фигурой. Но ей казалось, что она все это делает незаметно и никто не подозревает об обуревающей ее страсти.
- «Ах, пан Иниан, все хорошо, пан Иниан», - передразнила ее Мали. – Ника, тут уже и слепой бы заметил. А Иниан, он не слепой. Что тебя вообще на него потянуло?
- Он… необыкновенный, - вздохнув, сказала Ника и опустила глаза. А потом посмотрела на Мали и с вызовом произнесла: - Вот пристали, может, мне мужской ласки не хватает. Тебе хорошо говорить, у тебя Сайн есть.
- Да, - сладострастно вздохнула Мали. – Сайн – это хорошо. Вот у Иртэи никого нет, но она ж не кидается на первого попавшегося эльфа.
- Воздержания от чувств любовных и утех плотских накапливает вашу внутреннюю энергию, концентрируя которую вы можете приумножить свой темный потенциал, - процитировала Иртэя.
- Что это значит? – недоуменно спросила Ника у Мали.
- Это значит, что если не кувыркаться по сеновалам с мужиками, то можно навести ужас на окружающих не за минуту, а за полминуты, - объяснила Мали. Иртэя одарила подругу презрительным взглядом, и та снова показала ей язык.
- Слишком сильное упрощение, - фыркнула полуэльфка.
- Но смысл такой? – не унималась Мали.
- Такой, - вздохнув, согласилась Иртэя.
- Вот и не умничай!

Они дошли до небольшого пролеска, прилегавшего к самой реке. Несколько елочек и кустов подходили к прибрежному песочку, скрывая его небольшой участок так, что его не было видно с дороги.
- Вот оно, - торжествующе сказала Мали. – Я его присмотрела.
- Ну, давай опробуем твое местечко, - ответила ей Иртэя. Они вошли в пролесок. Действительно, в этом месте река расширялась, образуя заводь, удобную для купания.
- Эгегей, купаться! – снова закричала Мали и сбросила с себя легкое платьице.
- Ну, прям гимназистка на каникулах, - вздохнула Иртэя, развязывая ворот. Она сняла рубаху, расстегнула пояс на штанах и скинула их. Ника смотрела на раздевающихся девушек немного смущенно. Она редко выбиралась за город к озеру у Нирры. Плавала она сносно, но обычно заходила только помочить ноги и уж совсем редко купалась в нижней рубахе и панталонах или сорочке. Она стеснялась снимать верхнюю одежду даже перед хорошо знакомыми девушками – что уже говорить о тех, с кем недавно познакомилась. А уж если бы здесь мимо проходили мужчины, то, наверно, совсем сгорела бы со стыда. Мали же и Иртэя, казалось, совсем не испытывали какого-либо дискомфорта по этому поводу. Ника отметила, что обе девушки носили так называемое эльфийское белье – короткие полупрозрачные трусики, доходящие только до трети бедра. Когда-то она и две ее однокурсницы видели изображение таких на картине молодого художника. Все обозвали это жуткой пошлятиной, но, Ника не сомневалась, каждая втайне мечтала получить такие. Хотя Рыжая и не надеялась хотя бы взглянуть на них вживую. А теперь она видела двух счастливых обладательниц такого белья. Небольшую аккуратную грудь Мали не прикрывало ничего, Иртэя же, сняв рубаху, развязала и принялась разматывать перевязь, поддерживающую ее больший размер. Ника зажмурилась – эти бесстыдницы собирались купаться с голой грудью. Если бы их увидела ее мама…

Но когда девушки, обмениваясь сальными шуточками, разделись догола полностью, у Ники отняло дар речи. Она стояла и просто смотрела на них. Худенькая, аккуратная Мали, с рельефными мышцами на руках и ногах и крупная, но без излишков Иртэя с округлыми формами, не стесняющиеся своей наготы, произвели на нее огромное впечатление. В свою очередь девушки заметили, что Ника до сих пор стоит в одежде.
- Эй, Рыжая, - окликнула ее Мали. – Ты в своем платьишке купаться собираешься?
- Я? Не… Я не… знаю, - выдавила из себя Ника. – Я, может, на берегу посижу, вещи постерегу.
- А наша младшенькая, похоже, стесняется. Мали, справишься? Я пока расправлю покрывальце и бражку с кружками достану.
- Да не вопрос, - Мали двинулась на Нику. Той в голову пришла мысль: убежать на дорогу, чтобы голая девушка за ней не погналась. Но Ника не была уверена, во-первых, в своей скорости, а во-вторых, что нагота помешает Мали броситься за ней.

Селянка Мали, привыкшая к тому, что дети и подростки купаются голые, причем иногда даже не стесняясь сверстников другого пола, и приютская сирота Иртэя, которая мылась со всей своей группой под присмотром воспитателей, сколько себя помнила, с другой стороны, не могли понять стеснения Ники.
- Рыжая, ну что ты стала, как изваяние? – Мали подошла к ней. – Ты чего?
- Девчонки, - протянула она жалобно. – Мне стыдно.
- Чего тебе стыдиться? – спросила Мали. Она зашла к Нике сзади и начала развязывать ей платье. – Мы же купаться пришли – так вот и искупаемся.
- Ну, Мааали, я не могууу!
- Чего ты не можешь?

Ника замолчала. Ну что она, в самом деле! Чего ей стесняться? Но переступить через себя было нелегко. Пока она мучалась, Мали справилась с завязками, пообещав про себя никогда не надевать подобные платья на свидания со Звяком. Ткань упала вниз, и Ника осталась в одних панталончиках, стыдливо прикрыв грудь.
- Ну, исподнее, может, сама снимешь?

- И сниму, - отчаянно вскрикнула Ника, сорвав с себя остатки одежды. Мгновенно пожалев об этом, попыталась прикрыться, чем вызвала хохот у Иртэи.
- Эй, Мали, знаешь, что я думаю? – полуэльфка закончила доставать еду и подошла к подруге.
- Что?
- Что нашу младшенькую необходимо срочно искупать!
- Отличная идея, подруга!
- Эй! Что? Нет! – попыталась сопротивляться Рыжая, но Мали подхватила ее под руки, а Иртэя за ноги. Отчаянно брыкающуюся Нику понесли к берегу. Она кричала, голосила, обещала устроить им трепку, сама не представляя, как это сделает. Но это ей не помогло, и она полетела в воду. Фыркая и отплевываясь, Ника всплыла и погрозила подружкам кулаком.
- А теперь – на тот берег! – весело закричала Иртэя, прыгая в воду. – Кто первой переплывет туда-назад – дополнительная рюмка браги!
- И не надейся быть первой, подруга, - усмехнулась Мали, следуя за ней. – С твоей-то комплекцией.
- Эй, а что если там будут какие-нибудь парни? – заволновалась Ника.
- Ты же сама говорила о недостатке мужской ласки, - напомнила Мали.
- Да ну вас, я не поплыву! – возмутилась Рыжая.
- Кто не поплывет – браги не получит, - Иртэя повернулась и быстро направилась к противоположному берегу.
- Ага, ага, - засмеялась Мали, перевернулась на спину и поплыла.

Ника беззлобно, но с чувством выругалась и поплыла за ними.

Интермедия 3. Учитель и ученица

- *Тэлос!* – «закончить» – крикнул Иниан. Эглина опустила клинок и перевела дух. Эльф подошел к изгороди объездной площадки, которую они выбрали в качестве арены для тренировок. Обычно на таких площадках объезжали псов и кабанов, здесь была достаточно мягкая земля, чтобы княжна не получила серьезной травмы. – Сегодня получается уже неплохо.
- Вы мне льстите, мастер, - Эглина положила клинок на землю и принялась восстанавливать дыхание с помощью упражнений.
- Отнюдь, - Иниан улыбнулся.- Еще пару дней и мы начнем спарринги.
- С вами? – удивилась Эглина. – Вы меня точно переоцениваете.
- Ты предпочла бы другого партнера?
- Может быть, Иртэю? – предложила Эглина. Иниан посмотрел ей в глаза. Девушка не отвела взгляд. Лишь небольшой темный всполох ауры на миг появился над левым плечом и тут же погас.
- Я поговорю с ней, - кивнул эльф. – Дыхание перевела?
- Да, Мастер.
- Тогда подбирай клинок! *Нейе! Анэ!*

Глядя, как Эглина упражняется, Иниан размышлял о недавнем разговоре с Пеской. Мастеру было очевидно, что Ирлинг не отводил Эглине серьезной роли в своей операции. Еще в Альяте, слушая план канцлера, Иниан поймал себя на мысли, что не верит в это мероприятие. Та нарочитая топорность в Нирре, да еще и личное присутствие Ирлинга лишь подтвердили его подозрения. Иниан догадывался, что весь этот «спектакль» был создан специально для Милана Теринского. Тот должен был убедиться, что намерения Ирлинга серьезны, испугаться и пойти на переговоры. Однако у Иниана Айклина имелись все основания полагать, что Теринский не является самостоятельной фигурой. И даже если он и испугается, то на переговоры не пойдет – захочет он этого или нет.
- *Тэлос!* А теперь два круга по площадке бегом, княжна. Потом десять минут отдыха.

Эглина побежала. С каждым днем тренировки давались ей все легче, несмотря на то, что мастер усиливал нагрузки. После первого дня она с трудом поднялась с постели. И лишь приняв ужасно горькое снадобье, снявшее боль в мышцах, смогла выйти на площадку. Четыре дня на этой седмице она пропустила по естественным причинам и теперь выполняла удвоенную нагрузку, «наверстывала». Она очень уставала за день, вечером падая и сразу погружаясь в глубокие сны без сновидений. К утренним подъемам она привыкла быстро. И, впервые за несколько лет, она не придавалась размышлениям о своей несчастной судьбе. Постоянные тренировки не оставляли времени на подобные мысли.

Закончив пробежку, она остановилась около Айклина, задумчиво смотрящего на бег облаков. Эльф отвлекся и одобрительно кивнул княжне.

- Как самочувствие?

- Отлично, Мастер, - девушка оперлась на ограду, - спасибо.

Он снова перевел взгляд на небо. Эглина проследила взгляд Мастера, но ничего особенного не заметила. Небо как небо, что на него смотреть? Дабы не стоять просто так, она закинула ногу на изгородь в две трети ее роста и принялась тренировать растяжку.

- Мастер, давно хотела у вас спросить, - сказала она. – Если вы говорите, что будете защищать меня, зачем мне вся эта физическая подготовка? То есть я знаю, что лишним это не будет. Но если моя миссия прежде всего политическая, то почему я упражняюсь здесь, вместо того чтобы читать трактаты по дипломатии и политике, или не знакомлюсь с текущей ситуацией в Фарке в ее исторической перспективе?

– Во-первых, я не всегда смогу быть с тобой рядом. А во-вторых, что более важно, так уж исторически сложилось, что все вожди вашего племени, я имею в виду людей, всегда были воинами. Вождь должен знать, что такое долг и готовность пролить свою кровь. Убедить толпу в своей правоте несложно, но что толку, если ты не сумеешь отстоять свою точку зрения на поле боя? Когда вожди станут прежде всего политиками – тогда человечеству придет конец.

- Спорное утверждение, - не согласилась княжна. – Талантливый политик и оратор поведет за собой сильных, которые будут отстаивать его идеи ценой своих жизней. Знания берут верх над силой.

- Над силой физической – возможно. Но истинная сила воина в его воле, - Иниан легко запрыгнул на изгородь и принялся прохаживаться по ней, будто это была широкая тропинка. – Воле и жертвенности, которую можно приобрести лишь в боях.

- Истории известны многие примеры, когда политические баталии по напряженности и жестокости не отличались от ратных сражений. Политики тоже учатся жертвовать многим ради своей цели, - Эглина поменяла ногу, отчего верхняя жердь ограды слегка затряслась, Иниан вытянул руки в стороны, сохраняя баланс.

- А еще десяток лет назад она внимала мне без возражений, - нарочито ворчливо сказал он. – Верно, политики тоже учатся жертвовать. Но, в большинстве своем, хитрецы от политики преследуют одну цель – получить власть. И жертвы свои они оправдывают надеждой на будущее. Воин же отличается готовностью пожертвовать жизнью ради своей цели. Ты бы пожертвовала жизнью ради власти?

- Нет. Зачем мне власть, если я мертва?

- Видишь? Когда власть становится самоцелью, люди, да и эльфы, и кто угодно, пожертвуют ради нее и идеей, и чужими жизнями. Воля же воина, настоящего воина, заключается в том, чтобы пожертвовать жизнью, но не отказаться от идеалов, которые считаешь верными. Поэтому я никогда не доверил бы управление страной тому, кто не поставил бы на кон свою жизнь. Подумай над этим, княжна.

- Подумаю, - кивнула Эглина. Она закончила свои упражнения и теперь наблюдала, как эльф прохаживается взад-вперед по изгороди. – Еще хотела спросить…

- Не пора ли нам возобновить тренировку? – не оборачиваясь, уточнил Иниан.

- Нет. То есть, не это хотела спросить.

- А может, все-таки пора?
- Один вопрос – ответите, и продолжим. Хорошо?
- Спрашивай, - вздохнул Иниан и спрыгнул с изгороди.
- Мастер, вы когда-то говорили, что мой темный дар «половинчатый», - княжна посмотрела в глаза учителю. – Когда я увидела Мали в бою, я поняла, что у нее другая «половинка» дара. Мой же больше походит на то, что умеет демонстрировать Иртэя. Но и у нас способности не одинаковые – почему? И как так получается вообще, что у нас разные «половинки»?
- Ты читала «Сказание о Морвиде»? – спросил Иниан.
- У нас был курс богословия, но там мы в основном изучали пояснения к святым книгам. Ну, и заговоры на всякие случаи жизни.
- Понятно, - вздохнул Иниан. – Значит, придется немного восполнить пробелы в твоем образовании. Краткая версия звучит так: во время Войны с Падшими Морвид явился в ту местность, которая нынче именуется Мертволесьем, дабы возглавить укрывшихся там людей в их борьбе с длимернами. Морвид был искусным воином, но кроме того он открыл тайны того, что мы называем Светом и Тьмой. Точно так же, как Эльвэниэн создала магические печати, на которых основываются все новейшие достижения наших цивилизаций. Свет и Тьма – это энергия, выделяемая душами живущих людей. Названия пошли оттого, что под светлыми эмоциями принято понимать радость, любовь, а под темными – ненависть, злость, гнев. Фактически же, если отбросить метафоры и витиеватости, все это одна и та же энергия, только источники у нее разные. В отличие от энергии стихийной, которую достаточно легко подчинить себе с помощью печатей и ритуалов, энергии Света и Тьмы пронизывают любое разумное существо, что делает управление ими гораздо более опасным и сложным процессом. И управление своими эмоциями сводилось исключительно к тренировке воли и внутренней энергии, пока Морвид не открыл Великий Исток Тьмы. В «Сказаниях» процесс открытия описан борьбой Морвида с аватаром одного из Падших Богов. Не знаю, что там произошло на самом деле. Но сейчас Мертволесье существует лишь благодаря Источнику. Каждый, кто находится с ним достаточно долго, открывает в себе некие возможности манипулирования эмоциями – своими или чужими. Эти же возможности, часто в ущербном виде, могут передаваться через поколения. Так появлялись первые Ланирты – воины Морвида, сражавшиеся с длимернами в те давние времена.
- И получается, что все, кто обладает этим даром, потомки тех воинов Морвида?
- Или эльфов Мертволесья, - подтвердил Иниан. – Но истинными ланиртами могут стать только те, кто пройдет сквозь Врата Тьмы, созданные Данэиртом, и окунется в потоки источника. И потом выживет и не сойдет с ума.
- И многие выживают и не сходят с ума?
- Выживает один из десяти, не сходит с ума треть выживших. Да, не удивляйся, такова плата за обладание могуществом. Да и успешно миновав Источник, ланирт все еще находится в опасности. Видишь ли, наше тело – ни эльфийское, ни человеческое – не способно полностью использовать ту мощь, которую дает источник. И поэтому часть силы ланирты запирают в свои мечи, чтобы использовать ее лишь тогда, когда необходимо.
- Понятно,- кивнула Эглина. - А что с теми ланиртами, которые не проходили Источник? Ну, как я, Иртэя или Мали.
- Ланиртами у вас их стали именовать с легкой руки канцлера, - хмыкнул Иниан. – Вообще, это очень большой комплимент для ваших способностей. Тьма в каждом носителе силы Источника проявляется неравномерно, а в их потомках все больше однобоко. Мали, например, имеет способности к ускорению реакции и усилению своих физических качеств. Это лишь одна часть из многочисленных способностей истинных воинов-ланиртов. У вас с Иртэей способности к управлению чужими эмоциями. Вы обе можете видеть и перенаправлять эмоциональные всплески людей. Таких, как Иртэя, мы в

свое время называли дознавателями. Они прекрасно манипулируют страхами людей, чтобы выведать у них нужные сведения. Или пытать к своему удовольствию.
- А мой талант? – спросила Эглина, когда эльф, к ее удивлению, замолчал. – Или у меня способности недостаточно развиты, чтобы особенно выделяться?
- Видишь ли, девочка моя, - сказал Иниан после некоторой паузы. – Твой талант не то чтобы необычен, но развивать его было не принято.
- Почему? – удивилась Эглина.
- Если Иртэя манипулирует страхами, то ты способна манипулировать страстью и желанием, - ответил Иниан. – Ты способна вызывать к себе симпатию и разогревать ее до страсти…
- Достаточно удобно и вроде бы не опасно.
- Дослушай! Так вот, это еще не все. Возбудив в разумном существе эти эмоции, ты можешь вобрать их в себя, получив от них силу. Жертва же твоя будет «иссушена». Иногда, если перестараться, то и до смерти. По понятным причинам я не стал развивать твой талант в детстве. Сейчас же ты можешь пробовать и практиковаться сама, если захочешь.
- Я поняла, - Эглина опустила голову и замкнулась.
- Эй, девочка, - Иниан улыбнулся и провел рукой по ее волосам. – А ну, взбодрись!
- Мне кажется, не стоило знать об этом, - задумчиво проговорила Эглина. – А теперь сделанного не воротишь.
- Твои способности не хуже и не лучше способностей Иртэи, - пожал плечами Иниан. – Она тоже может свести с ума или же довести до смерти. Просто…
- Убивать через любовь гораздо более жестоко, - продолжила его мысль Эглина. – Я обещаю, что никогда не буду пробовать это сделать. Даже тренироваться не буду!
- Никогда не говори «никогда», княжна. А тренировать – пока действительно не тренируй. Пока не найдешь себе достойный объект. Ну что, вернемся к нашим занятиям?
- Да, Мастер!
- Тогда... - начал было Иниан. Но тут его прервал оклик слуги.

Тот стоял чуть в отдалении и звал Мастера Айклина. Иниан подошел к слуге. Они поговорили, и вскоре мастер вернулся. Глаза его горели, а на лице играла торжествующая улыбка.
- Княжна, на сегодня ты свободна, - сказал он.
- Что случилось, мастер?
- Случилось, - таким довольным Эглина Иниана не видела никогда. – Канцлер Ирлинг выполнил обещание. Иди, княжна. Завтра тренировки тоже не будет. Мой меч – мой новый меч прибыл. И я должен посвятить ему время.

Интермедия 4. Хозяин и меч

Иртэ илэйн!

Морвид Великий!
Силой твоей, властвующей над думами Мира,
Кровью своей, пролитой во славу твою,
Заклинаю тебя – возьми дар твой,
Коим щедро наградил меня,
И раздели на три части!

Иртэ илэйн!

Первый дар – различать оттенки Тьмы – оставь мне.
Второй дар – защищать Мир от Света пагубного – вложи в клинок правый,

С кровью моей, которую пролить я готов во славу твою.
Третий дар – разить врагов твоих и Тьмы Благостной – вложи в клинок левый,
Со слезами моими, пролитыми по жертвам моим.
Молю тебя, Морвид, подари им покой во Тьме Благостной

Иртэ илэйн!

Клинок, прими мою кровь, и имя мое,
И дар мой, и проклятье нести в себе Тьму
И служи мне так же, как я буду служить тебе.
Будь моей защитой и грозой врагов моих,
И тех, кто посмеет выступить против нас
Пусть поглотит Тьма Милостивая.
Заклинаю тебя, именем Морвида Великого!

Морвид данэ ихрэ ам!
Иртэ илэйн!

* * *

Адда беспокойно посмотрела на небо.
- Тебе не кажется, что как-то потемнело, - спросила она Сайна.
- Может, облако промелькнуло, - ответил тот. – Не знаю. А что тебя так беспокоит?
- Может, и ничего, - пожала плечами Адда. – Может быть, действительно, облачко.

Интермедия 5. Вечер, мужской взгляд

Солнце клонилось к горизонту, опускаясь все ниже и ниже за лес. Песка сидел на обширном балконе второго этажа фольварка в удобном мягком кресле (которое с трудом вытащил на балкон с полчаса назад) и наслаждался видом. Мысли его витали далеко отсюда – и во времени, и в пространстве. Он вспоминал детство в Дине, военную службу, а потом снова детство. Он позволил себе расслабиться сегодня: не обсуждал проблемы предстоящей операции с отрядом, не спорил с Мастером Айклином по поводу княжны, не разговаривал с самой княжной. Весь день он сидел в своей комнате и читал. А потом выходил на улицу и смотрел на поля, лес, небо. Сегодня ему было хорошо.
- Ты, никак, об отставке думаешь? - Звяк зашел на балкон.
- Нет, - ответил Песка, не оборачиваясь, - об отставке думать еще рано. Просто решил расслабиться. День начался уж слишком хорошо, чтобы его портить.
- И как это он хорошо начался? - уточнил Звяк.
- Я выспался, - Песка встал с кресла и обернулся к другу. – А ты чего это один? Неужто Мали тебя отпустила? Я думал, она использует все время нашей вынужденной передышки, чтобы залюбить тебя до смерти.
- Сегодня Вечарница, - ответил Звяк. – Мали и Ника схватили Иртэю и княжну и повели на реку. Гадать будут. До утра их можно не ждать.
- Н-да, - протянул Песка. – Можно вывезти девушку из села, но не село из девушки.
- Почему именно село? – удивленно спросил Звяк. – У нас в Леснерте тоже гадали.
- Не бери в голову, - отмахнулся Песка. – И вообще, раз уж мы одни – тащи стул и вино. Будем пить, смотреть на закат и звезды и говорить о барышнях и псах.
- И оружии, - улыбнулся Сайн.
- И оружии, - согласился Песка.

Сайн вышел, а Кирий снова уселся в кресло. Со Звяком они познакомились четыре года назад. Песка тогда очень удачно засветился перед подканцлером (хотя сам об этом не

подозревал) в операции по захвату до крайней степени обнаглевших контрабандистов на севере. Он приехал в Ластарт на личный доклад к местному княжканцлеру и в приемной встретил Звяка, который в тот момент завершил особо важную работу под прикрытием и был вызван в столицу для «особой благодарности». Ждать обоим пришлось долго, поэтому слово за слово они разговорились. Вернее, с большего разговорился Песка – на тот момент стольный писарь. Звяк сидел, кивал головой, вставлял некоторые замечания, всегда по делу, и изредка улыбался. Они оба еще не знали, что Песка выбран кандидатом на должность главы нового особого отряда, а Звяк, вместе с Мали, которая все это время была его контактом, входит в число претендентов в этот самый отряд. Через седмицу они встретились вновь, уже в новых качествах.

Звяк принес стул со спинкой – не такой удобный, но и не такой тяжелый, как кресло Пески, и сел рядом. Песка взглядом указал на пустующие бокалы.

- Я отправил слугу за вином, - ответил Звяк на невысказанный вопрос графканцлера. – Мне, кстати, совестно ими так помыкать – наверняка каждый из них имеет канцелярское звание.

- Не исключено, - сказал Песка. – Но не зря же их сюда направили, в конце концов.

- Может, они хотят выяснить, как расточительно мы себя ведем, если за нами не наблюдают старшие по званию, - высказал мысль Сайн. – А потом доложат подканцлеру, что мы – жуткие транжиры и надо гнать нас взашей.

- Не думаю, - ухмыльнулся Кирий. Он представил команду слуг, вытянувшихся по стойке «смирно» перед графом Легийским. – Слишком уж все замудрено для такой простой операции.

Дверь позади них открылась, и они синхронно обернулись, ожидая увидеть слугу с бутылкой вина. Но вместо этого увидели жутко довольное лицо Иниана.

- Во, хлопцы, - сказал эльф с таким просторечным акцентом, что, Звяк мог поклясться, вполне сошел бы по голосу за местного селянина, - наконец нашел вас. Весь дом оббегал.

- Принесла нечистая, - проворчал Песка достаточно громко, чтобы Иниан услышал.

- Ну, можно и так сказать, - не обиделся тот. – У меня есть повод и выпивка. И я хотел и то, и другое разделить с вами. Но если ты против, пан Кирий, то я пойду догоню уважаемых паненок.

Звяк и Песка переглянулись. Первый не питал к эльфу особой неприязни, неприязнь второго была скорее показная – и она явно не стоила того, чтобы отсылать эльфа к девушкам.

- Что там у вас за бутылочка? – спросил Кирий, по-разбойничьи ухмыльнувшись и протянув руку к бутыли.

- А еще дворянин называется, - фыркнул Иниан. – А манеры, как у заправского разбойника. Кстати, можете вполне обращаться ко мне на «ты». Тем более если мы решим разделить этот прекрасный напиток.

- Да будет тебе известно, пан Иниан, - сказал Песка, - что большинство дворянских родов произошли именно от очень удачливых разбойников. И что тут у нас? Да ничего ж себе…

Песка застыл с открытым ртом, Иниан победно улыбнулся. Сайн подошел и тоже посмотрел на бутылку. Вину было лет сто, а винодельня Залечье славилась своими ароматами по всему югу континента – хотя располагалась севернее Мертволесья.

- Кому вы продали душу, чтобы его достать? – спросил Песка. – И там еще раздают?

- Вы просто плохо знаете вашего канцлера, - сказал Иниан. – Если есть хоть малейшая вероятность, что Ирлинг будет ночевать в этом доме, то в нем обязательно найдется тайник с десятком-другим бутылок его любимых вин. А поскольку таких тайников у него уйма и все он вряд ли сможет запомнить – он обязательно выставляет на нем особую метку.

- Которую вы… ты, конечно, знаешь, - недоверчиво сказал Сайн.

- Он еще в академии такими метками обозначал спрятанные ориентиры, - пожал плечами Иниан. – Они оставляют белые пятна при общем темном поиске. Удобное ориентирование, если знать, что искать. Бесполезно, если не знать.
- Эльфийские штучки, - проворчал Сайн.
- Так мы ее пить будем или смотреть? – Песка не отрывал взгляд от бутылки.
- Прикажите слугам накрыть на стол, а я пока открою, - предложил Иниан.

Когда перед ними на стеклянном столике, позаимствованном из зала, стояли бутылка вина, нарезанный сыр, мясо и колбаски, они наконец подняли бокалы.
- Я предлагаю тост за Иниана Айклина, благороднейшего из эльфов, подарившего нам это великолепное вино, - поднял бокал Песка.
- А ведь мог бы просто выпить сам, - хмыкнул Сайн.
- Одному скучно, - пожал плечами Иниан. – А тост поддерживаю, всегда приятно, когда тебя хвалят.

Бокалы зазвенели, и трое мужчин опустошили их.
- Вкусная, зараза, - сказал Песка. – Даже пить жалко. Надеюсь, канцлер не обидится на такое нахальство.
- Там еще с полтора десятка таких, - махнул рукой Иниан. – Даже не заметит.

Сайн молча закусывал. Вино было приятным, но он бы не сказал, что вкус его так уж восхитил. «Наверное, эти благородные имеют какие-то свои вкусовые пристрастия» - подумал Звяк.
- Сокровище, - усмехнулся Песка. – Получше всяких золотых побрякушек, на которые обычно зарятся бандиты.

Он снова наполнил бокалы. Иниан поднял свой и произнес:
- За Алый Клинок и его мужскую половину, - сказал он. – Чтобы все ваши начинания были удачны.
- Грех не выпить, - улыбнулся Песка, а Сайн кивнул. Иниан закурил.
- Кирий, давно хотел спросить, - сказал эльф. – Почему Алый Клинок?

Песка тяжело вздохнул. Сайн улыбнулся. Иниан с любопытством посмотрел сначала на первого, потом на второго.
- Ты попал в категорию «самый задаваемый вопрос», - прокомментировал Звяк. – Песка обычно после этого впадает в печаль и начинает ныть.
- Не начинаю, - сквозь зубы сказал Песка. – Просто я не понимаю, что в этом такого странного. Мне было двадцать три, я был воспитан на трактатах о героических подвигах. Пока моих старших братьев готовили к власти и воспитывали в них воинский дух, я сидел в отцовской библиотеке и читал. Вот и начитался – с детства помнил, дух захватывало: «И клинок его был алым от крови». Вот когда мне предложили возглавить и назвать отряд – я так и увидел: стою я с соратниками, с клинка течет кровь врагов Княжества, клинок алый, устрашает врагов одним своим видом. Ну, вот так и назвал. На меня тогда еще графканцлер, который это записывал, посмотрел странно так. Но не сказал ничего.
- А потом ты понял, какую ошибку совершил, - поддел его Звяк.
- Ага, когда после каждого отчета тому или иному начальнику приходилось объяснять все это. Ну, или сокращать до «трактаты про рыцарей люблю».
- Занятно, - кивнул Иниан. Он не улыбнулся, как этого ожидал Кирий, а просто задумчиво затянулся трубкой.
- Что-то не так, Иниан? - спросил Песка.
- Красным красили свои мечи и топоры отряды Викта Бича Мертволесья – был такой озорник, лет триста назад. Крови нам испортил уйму.
- Не слышал, - сказал Кирий.
- Ну да, - улыбнулся на этот раз Иниан. – Теперь я понимаю.
- Так а чего он с эльфами-то не поделил? – спросил Звяк.
- Ну, видишь ли, Сайн, - ответил эльф, - в те времена Мертволесье, как, впрочем, и Вэнгалиэн, очень часто и много лезли в дела Северных Княжеств. Собственно, потому и

называется она «Война Храмов», что ланирты-храмовники Мертволесья воевали с вэнланами-храмовниками из Вэнгалиэна. А уж то, что они делали это на территориях королевств Севера и руками людей, вопрос другой. Ну вот, Викт был в числе какого-то там рода – я уже не помню, какого – который мы вырезали. Мы – в смысле ланирты. Я тогда только обучение проходил. Он остался единственным из своего семейства. Потом, я думаю, без Светлых не обошлось – внушили парнишке, что он должен отомстить и отправили к Мертволесью. Но и сам Викт оказался не промах – сколотил банду таких же обиженных и осел где-то в самом лесу. Говорят, даже с вервами договорился. Налетал на храмы морвидианские, на отряды эльфов, даже на ланиртов. Брата моего они убили.
- Понятно, - только и смог сказать Звяк. – Сочувствую.
- Не стоит, - пожал плечами Иниан. – Это было три века назад, и не могу сказать сейчас, что брат был хорошим эльфом.
- И что сталось с этим Виктом? – спросил Кирий.
- Плохо кончил, - криво усмехнулся Иниан. – Напал со своими братушками на морвидианский храм недалеко от Аш-Твара. Перебили жрецов, грабить начали потихонечку. Потом их обнаружили – всех, кроме Викта – разорванными в клочья, висящими по стенам храма. Тела самого Бича не нашли. Версии произошедшего расходятся. Одни говорят, что Морвиду надоело смотреть на его безобразия и он отправил Терну Темную Предвестницу наказать богохульника. Другие добавляют, что Эльвэниэн спасла Викта от погибели и теперь он заседает в Цитадели Восхода за одним столом с Ломквэ Светоносцем. Я лично думаю, что жрецы защитили свое добро хитрой магической ловушкой и Викта испарило на месте, а остальных порвало на кусочки.
- И ты думал, что Алый Клинок – это потому, что я эльфоненавистник? – удивленно спросил Песка. – Это при том, что канцелярией управляет эльф?
- А кто вас, людей, разберет, - пожал плечами Иниан. – Если вы сами друг друга не понимаете, я вас точно понять не смогу.
- У меня есть тост, - вклинился Звяк. – За взаимопонимание.
- Коротко и со вкусом, - согласился Иниан.
- Да, Звяк – он такой, - улыбнулся Песка. – Всегда краток, и всегда со вкусом.

Иниан кивнул, улыбнулся в ответ и поднял бокал. Вечер предстоял быть длинным и нескучным.

Интермедия 6. Вечер, женский взгляд

- Ой! – пискнула Ника. – Обстрикалася!
- А я тебе говорила, - нравоучительно сказала Мали, - надевай штаны и накидку.
- Больно, - снова пожаловалась Ника.
- Не ной, - цыкнула на Рыжую Мали, - всю удачу распугаешь своим нытьем.

Иртэя вздохнула. Ей эта прогулка не нравилась с самого начала, но Эглина и Мали уговорили ее. И вот теперь они спускались к речке по заросшему склону («так ближе») под постоянное ойканье Ники, которая надела платьице до колена («коли уж гадать на мальчиков, так в том, что их привлекает») и теперь жаловалась на каждую колючку.
- Мали, я вообще не понимаю, чего тебя так гадать тянет, - проворчала полуэльфка. – У тебя со Звяком все ясно и без всяких гаданий.
- Не скажи, подруга, - ответила Мали. – Знать наперед никогда не вредно. А еще на деток погадать – это ж первое дело.
- О, боги! - протянула Иртэя.
- А ты-то чего стонешь? – недовольно спросила Мали. – Умная такая выискалась – гадания ей не нужны, в приметы она не верит. Так и останешься без мужика.
- Больно надо, - пожала плечами Иртэя. – К тому же, гадания ваши – большой грех.
- Да? – удивленно протянула Ника.

- Да, - подтвердила Иртэя. – Вообще, все такие праздники – что Вечарницы, что Поденки – это остатки от Падших Богов, когда их молили о сниспослании благости, а потом приносили жертвы.
- А откуда ты это знаешь? – спросила Ника.
- Им в приюте это вдалбливали, - пояснила Мали. – Всю голову задурили молитвами, обрядами и грехами.
- Ну, у меня, по крайней мере, есть что дурить, - хихикнула Иртэя. – В отличие от некоторых.

Мали метнула в сторону подруги недовольный взгляд, а потом и колючку с ближайшего куста. Иртэя поймала колючку, ойкнула, выругалась.
- Спустимся, я тебе по заднице настучу, паршивка! – пообещала полуэльфка.

Мали обернулась, хотела что-то сказать, но оступилась и кубарем скатилась с горки – благо падать было недалеко.
- Мали, ты не ушиблась, - Ника сбежала вниз и наклонилась над ней. – Все нормально?

Мали пробормотала несколько ругательств, и Нике показалось, что она краснеет. Вниз сбежала Эглина, и они помогли Мали встать, отряхнули ее.
- И так будет с каждой, - торжествующе произнесла Иртэя, спускаясь последней, - кто нарушает заповеди Богов!
- Эй, полуостроухая, - процедила Мали, - кончай цитировать свою настоятельницу, а лучше иди сюда. Я тебя сейчас тоже в травке изваляю.
- Девочки, хватит ссориться, - сказала Эглина примиряюще. – Такой тихий вечер, зачем его портить?
- Да это мы не ссоримся, - улыбнулась Иртэя, проглотив очередную остроту, которую уже хотела высказать в адрес Мали. – Это у нас еще цветочки.
- Ага, - подтвердила Мали. – Хуже было, когда я за ней с веником по всей комнате как-то гонялась.
- Это когда?
- Когда ты мой меч без спросу посмотреть взяла. А потом моим гребнем расчесывалась – пока мы со Звяком на разведку ходили. В Мильцах.
- А, ну да. Тогда нас Песка с Сайном разнимали, а Песка еще грозил, что под трибунал отдаст. Весело было.

И они рассмеялись. Ника и Эглина посмотрели на них удивленно. Мали и Иртэя, казалось, забыли о начинавшийся было перепалке и, обмениваясь шуточками, спустились к реке. Мали зажгла специально принесенные с собой свечи и расставила на песке по берегу. Ника и Эглина достали собранные для этого случая цветы, отдали часть Мали и принялись плести венки. Иртэя ходила по берегу:
- И сказано в «Сказаниях о Морвиде»: «берегитесь примет и обрядов старых, ибо скрыта в них сила проклятая и, исполняя их, выпускаете эту силу вы на вред Миру».
- Ой, подруга, замолкни наконец, - сказала Мали недовольно. – Ты мне уже это тысячу раз говорила.
- И в тысячу первый повторю, - парировала Иртэя. – Грех на душу берешь, Мали. И молодых совращаешь с пути истинного.
- Ирти, ну, пожалуйста, давай не портить вечер. - Эглина посмотрела на полуэльфку. – Боги ведь видят, что мы без злого умысла. Но ведь интересно же.
- Так ее, княжна, - одобрила Мали. – Чтоб знала, что она тут не самая умная.

Иртэя посмотрела сначала на Мали, потом на Эглину, потом на молча поддерживающую их Нику.
- Как хотите, - пожала плечами Иртэя. – Ваши души, ваши грехи, вам их потом перед богами и объяснять.

Мали пожала плечами и продолжила плести венок. Ника отвернулась и смотрела на речку.

- Зачем ты так? – Эглина отложила венок и взяла девушку за руку. – Неужели тебе совсем-совсем не интересно?
- Эгли, меня все детство учили, что это неправильно, - ответила Иртэя, покосившись на Мали. – И я чувствую, что это неправильно.
- Ты действительно так сильно веришь? – спросила Эглина.
- Тьма дает нам силу, Эгли, - твердо сказала Иртэя. – Тебе, мне, Мали. Как мы можем не верить в богов, когда силу одного из них мы используем каждый день. Да, я верю. Я верю в милостивую Тьму и в Морвида. Меня так воспитали. Он следит за всеми нами и помогает нам.
- Ох уж мне эти проповеди, - проворчала Мали. Но теперь и Ника повернулась и внимательно слушала разговор.
- Моя мама тоже так верила, - улыбнулась Эглина. – Она, правда, говорила, что Эльвэниэн следит за нами и оберегает. Морвидианство было ей чуждо. И я верила – пока не поругалась с отцом.
- А потом?
- А потом как-то разочаровалась, - пожала плечами Эглина.- Мне казалось, что Боги бросили меня – я ведь так молила их, чтобы папа меня простил и понял. А он не понял и не простил. Потом учеба в академии, читала статьи разные – теперь думаю, что если что-то и есть там такое, то все равно оно нами никак не заинтересовано.

Иртэя думала возразить, сказать, что боги послали Эглине испытание. Что они наблюдают за нами и решают судьбы. Что она зря отворачивается от веры. А потом посмотрела в глаза княжны – и просто сказала:
- Ты права: не стоит портить этот вечер, - и улыбнулась. – Вы плетите, я посмотрю, - Речка уж больно хороша.

Эглина села и стала доплетать венок.
- На кого гадать будешь, Рыжая, - Мали доплела свой и теперь приплетала к нему снизу лозы – чтобы поставить туда свечку.
- Я… ну…
- Ника, не стесняйся, - хихикнула Эглина. – Вот я, допустим, все равно гадаю на таинственного незнакомца. Потому что нетаинственных как-то не попадается.
- Ну, на Мастера Айклина! – выпалила Ника.
- Ой-ей, - повернулась к ним Иртэя. – А эльф все-таки нашей Рыжей запал в душу.
- Милочка, не гневи богов, - удивленно посмотрела на Нику Мали. – Ему ж лет-то сколько?
- И что? – отчаянно сказала Ника. – Зато опытный, красивый и не постареет.
- А когда ты постареешь?
- А еще он мудрый и найдет способ сделать так, чтобы любимая не постарела!
- Вот она – истинная и бескорыстная любовь! - заметила Иртэя.
- Ой, да ну вас! – обиделась Рыжая. – Вы все ничего не понимаете!
- Ну ничегошеньки не понимаем, – рассмеялась Мали. – А ты, Эгли, почему на таинственного незнакомца? Вот, погадала бы на Песку – он у нас одинокий, симпатичный и даже благородного происхождения.
- Да ну, - сказала Эглина. – Во-первых, уж очень привык из себя строить умного.
- Он такой и есть, - вступилась за командира Иртэя.
- Не гадающие молчат! – цыкнула Мали. – Вот Ирти точно бы гадала на Кирия. Я вижу, как она на него периодически смотрит!
- И ничего не смотрю, - запротестовала Иртэя. – И вообще – все, молчу.
- Так вот, - продолжила Эглина, - строит из себя умного и любит командовать. Во-вторых, я еще в детстве слышала о молодом бароне Динском – третьем сыне графа Динского. Какой он на балах, как от него девушки с ума сходят. Альда все уши протрещала как-то.
- Это ж сколько ему было-то? – удивилась Мали.

- Лет двадцать или девятнадцать тогда, - сказала Эглина. – Я тогда все ждала первого своего бала, чтобы на этого красавца посмотреть. Не дождалась.
- Ну, что есть, то есть, - согласилась Мали. – Своего Песка обычно не упускает. Или свою.
- Да все они бабники, - снова сказала Иртэя, позабыв об обещании молчать.
- Не скажи, подруга! Мой Сайн не такой!
- Ну да, молчаливый уникум.
- Точно, - ухмыльнулась Мали. – За это и люблю.

Они доплетали венки. Вниз по течению реки послышались песни – сельские девки напевали мотив Вечарницы. Мали тихо начала подпевать, кладя венок на воду и опуская на переплетенное дно свечку:

Вечарница, Вечарница,
Счастье дева ищет,
Вечарница, Вечарница,
Милого накличь мне.

Подошла Ника, положила на воду свой венок:

Вечарница, Вечарница,
Милого, родного,
Вечарница, Вечарница,
Хлопца удалого.

Эглина поставила свечку на венок и тоже пустила на воду:

Вечарница, Вечарница,
Мой венок прими ты,
Вечарница, Вечарница
Счастье подари мне.

Последние две строчки вместе с ними пропела Иртэя. Мали обернулась и удивленно посмотрела на нее.
- Что? – спросила Иртэя. – Если я не участвую в ваших обрядах, это не значит, что я не знаю песню.

Она встала и подошла к подругам. Вместе они смотрели за уплывающими вдаль венками. Венки Мали и Ники плыли ровно, удаляясь по течению. Венок Эглины прибило к берегу. Через несколько минут он вспыхнул, а потом утонул.
- Не видать мне любви таинственного незнакомца, - вздохнула Эглина, глядя, как венки подруг удаляются и скрываются за поворотом. – Хоть у вас все будет в порядке.
- Глупости все это, - фыркнула Иртэя и взяла Эглину за руку. – Все у тебя будет хорошо, Эгли. Просто верь в это.
- Спасибо, Ирти, - улыбнулась Эглина. – Спасибо.

Они постояли минуту молча, а потом Мали снова запела про Вечарницу и девушки подхватили песню.

Фольварк Рейк, пригороды Улесья, Год 1476 от В.Н., 81 день лета

Рейко Могучий, основатель и первый правитель тогда еще княжества Рейк, был бы очень удивлен, глядя во что превратили его потомки построенный им величественный замок через шесть столетий после основания. Великий воин привел своих людей сюда, в пределы Фаркской, «обетованной», земли и в кровавых битвах завоевал для себя богатства и титул. Построил замок почти у границ с тогда враждебным Ластартом, дабы защитить свою новообретенную вотчину. Замок в те времена был неприступным: он ни разу не сдался врагу ни во времена самого Рейко (хотя несколько раз побывал под осадой), ни во все последующие годы. Перестраивать его начали после окончания Войны Храмов на Севере, когда самострельное оружие начало проникать на территорию Южных земель. Окончательно замок избавился от своих стен после осады войсками Клио Фаркского, когда он и его союзники из Мирана совершили отчаянную попытку отрезать Фарк и Дин от поддержки Ластарта и получить контроль над достаточной для продолжения восстания территорией. Тогда артиллерийские самострелы восставших обрушили большую часть стен. Но храбрость местной гвардии и своевременная помощь улесского ополчения даже в таких условиях не позволили противнику захватить остатки крепости. После этого дед Эглины и Альды, Юрко Рейкский, принял решение перестроить свое родовое имение. Тогда на руинах бывшего замка и появился фольварк Рейк в нынешнем его виде – двухэтажный дворец с колонами у главного входа и большим балконом над ним, украшенный лепниной и статуями по карнизу второго этажа. О былой крепости напоминали оставшиеся фундаменты башен чуть поодаль от дворца, фундамент самого дворца и храм Семи, расположенный поодаль и абсолютно разнящийся от него по стилю.

Но, несмотря на сравнительно небольшой возраст, фольварк выглядел старым. Следы увядания были везде – и в облупившейся облицовке над главными воротами, и в паутине на самих воротах, и на высоком железном заборе вокруг дворца. И сам дворец ныне представлял собой печальное зрелище. Слуг здесь было мало. На территории фольварка жил также престарелый жрец храма Семи да один его послушник, крывший каждый день последними словами храмовых писак за то, что они послали его доучиваться в эту дыру. И регент графства, Ирия, баронесса Найская – с тех пор, как умерла племянница. Она ходила по дворцу, как призрак былого величия, и в ее присутствии залы оживали, хотя бы ненадолго.

Но именно этот дом является центром сопротивления растущему влиянию Милана Теринского. Графство Рейк, наследственная вотчина матери нынешней княгини, почти в полном составе своего дворянства было против воцарения Теринского на княжеском престоле. Сказывались давнее соперничество наиболее влиятельных родов Фаркского княжества, сепаратистская политика графа Милана и, конечно, слухи о том, что именно по его приказу в этом самом дворце была убита (или доведена до смерти) мать княгини Альды.

- Я и тогда была против их брака, - говорила Ирия своим сподвижникам. – Виро всегда казался мне неотесанным мужланом, а Илла была слишком нежным цветочком, чтобы ему перечить. Да кто меня тогда слушал? «Породниться с князьями!». Породнились, и что теперь?

А теперь они стояли на пороге гражданской войны. Старая пани, заставшая еще и «вольные времена», и основание Княжества, и восстание Клио, Ирия прекрасно понимала, что Ластарт не будет сидеть и смотреть на чудачества Теринского долго. И с того момента, когда тот стал от имени Альды править Фарком, она искала пути рассорить троюродную внучку с «узурпатором» или обратить внимание на происходящее Великого Князя или его приближенных. Внимание обратили, но, на ее взгляд, слишком поздно. Она всем, чем могла, помогала сторонникам герцога Ирлинга и князя Лону. Она подбивала дворянство не только графства, но и всего Фарка выступать против Теринского. Но ее

усилия не увенчались большим успехом. Бездетная, не имеющая особого авторитета в обществе, до последнего времени не занимавшаяся политикой, баронесса Найская изо всех сил старалась наверстать упущенное – но сделать это было очень тяжело.

Искала она и вторую дочь Иллы, Эглину, ту, которая сейчас могла носить титул графини Рейкской, но безуспешно. Двоюродная сестра Ирии, бабка Эглины и Альды, Нисса, знала судьбу младшей внучки, но секрет этот унесла с собой в могилу. В минуты сомнений и слабости Ирия проклинала и ее, и Виро Фаркского, и Эглину. Но потом она собиралась, вспоминала, что проклятьями делу не поможешь, и продолжала действовать. За сезон ей удалось сплотить вокруг себя рейкских дворян, которым так же, как и ей, не нравились действия Милана. Сегодня она ждала наиболее влиятельных, активных, а самое главное – надежных из них здесь, в фольварке Рейка. Потому что именно сегодня они получили повестку собрания всефаркского сейма. Повестку, в которой значился вопрос о досрочном прекращении траура по Илле и свадьбе Милана и Альды.

Первым приехал молодой барон Михо Итинский, сотник гвардии Рейка. Высокий, красивый, черноволосый и голубоглазый. Отец его был тысячником Северного воинства и погиб в стычке с большим отрядом гномов-мародеров на северных границах. Мать после этого полностью погрузилась в дела, и молодой барон, как и две его сестры, остались без присмотра. С молодых лет Михо прослыл задирой и сорвиголовой. Его безудержная храбрость быстро снискала ему популярность среди воев рейкской гвардии и ее командира. Благородный и честный, Итинский считал сепаратистские настроения Теринского клятвопреступлением, а самого Теринского – авантюристом.

Вслед за Михо прибыли братья Зареченские, Алек и Милан. Эти двое были детьми барона Митко Зареченского. Алеку было чуть за сорок, Милану – чуть меньше шестидесяти. Братья еще полтора десятка лет назад сосредоточили свои усилия на усилении финансового влияния рода и теперь делали неплохие деньги на торговле древесиной, а также вложившись в развитие столярных цехов. Многие дворяне, в том числе и старый Радан Теринский, открыто обвиняли Зареченских в том, что те «отступили от дворянских традиций» и «превратились в купцов и мястчан». Братья вполне обоснованно опасались за свои капиталы в случае окончательного закрепления Теринского на троне. Ходили слухи, что Алек после начала противостояния Фарка и Княжества встречался с канцлером Ирлингом, и теперь братья представляли интересы канцлера в Рейке.

Баронесса-регент Улита, дочь погибшего недавно на дуэли со сторонником Теринского барона Запольского, приехала вместе с Зареченскими. Пока ее старший брат служил на флоте, она взялась отстаивать честь рода. Худенькая, с мальчишечьей фигурой, короткими волосами и карими глазами, полными отчаянной решимости, она прошла в зал, где должна была пройти встреча.

Последним прибыл статный барон Талько Бойковский – тысячник и глава рейкской гвардии. Высокий, крупный, седовласый, с аккуратно постриженной бородой, Талько внушал уверенность и непоколебимость одним своим видом.

Собравшиеся дворяне расположились в большом зале на первом этаже. Дворецкий с помощником накрывали на стол, Улита и Милан Зареченский делились последними новостями с юга. Бойковский и Итинский обсуждали подготовку гвардейцев к возможному вооруженному конфликту. Алек Зареченский молча курил, обратив взгляд на изображение Рейкской крепости, висевшее над входом в зал. Все ждали старую Ирию, которая в этот момент сидела в примыкавшей к залу обеденной комнате и, вновь и вновь перечитывая повестку сейма, старалась придумать решение проблемы.

- Пани, гости ожидают вас, - сказал дворецкий, бесшумно отворив дверь.

- Спасибо, Руфий. Я уже иду, - она улыбнулась и поднялась из-за стола, сжимая в руке повестку сейма. Ирия вошла в зал. Собравшиеся учтиво поклонилось хозяйке, Бойковский подошел и поцеловал ей руку.

- Пани Найская, вы очаровательны, - сказал тысяцкий. – Как всегда.

- Полно тебе, старый льстец, - грустно улыбнулась Ирия. – Сказал бы ты мне это полвека назад, глядишь, и поверила бы.

Она подошла к столу в центре зала и села во главе.

- Панство, - сказала Ирия, - думаю, вы все уже знаете, что замыслил граф Теринский. На сейме через две седмицы он планирует сократить траур по моей племяннице, что позволит ему скорее жениться на княгине Альде и прибрать власть к рукам. И, буду с вами откровенна, я не знаю, что могло бы ему помешать.

- Вздор, пани Ирия, - сказал Итинский. – Дворянство не допустит.

- Оно уже допустило, - возразила Улита. – Многим по нраву речи Теринского о независимости.

Она крепко сжала подлокотники кресла.

- Согласен с пани Улитой, - сказал Бойковский. – Сторонников у Теринского все больше – при условии молчания Ластарта. Не понимаю, на что надеется Великий князь.

- Великий князь надеется на канцелярию. А канцелярия не отвечает на наши вопросы - признался Алек. – Мы не знаем, понимают ли они всю серьезность ситуации.

- Зато я знаю, - фыркнул Бойковский. – Его Светлость герцог Альята скорее продаст нас всех скопом Теринскому, чем позволит признать очевидное. Он до последнего будет пытаться умиротворить этого наглого шакала.

- А вы бы уже с удовольствием начали бы войну, пан Бойковский, - процедил Милан Зареченский. – Срубили бы голову Альде Фаркской, проредили бы ряды нашего дворянства и бросили бы Фарк кланяться в ноги Его Высочеству Беркликану.

- Ну знаете, пан Зареченский, - Талько скрипнул зубами, - я, по крайней мере помню, что такое быть дворянином и смотреть в лицо своим врагам. Пока канцлер плетет свои интриги, Теринский все больше готовится к тому, как бы это залезть на трон. А потом, когда он на него залезет, крови может пролиться гораздо больше. Тем более что интриги Ирлинга направлены только на пополнение его кармана!

- Голословные обвинения, пан Бойковский!

- Ну уж нет! Тут я знаю, о чем говорю!

- Прошу вас, панове! – Ирия поднялась и строго посмотрела на ссорящихся дворян. – Мне кажется, наше собрание сейчас не должно касаться ни планов герцога Ирлинга, ни возможностей князя Лону. Все они далеко. Сейчас только мы в ответе за то, что случится на нашей земле здесь. Поэтому прошу вас отложить споры. Вы сейчас должны служить не панам из Альята, Ластарта и Берклики, а своей земле, Рейку и Фарку.

- Просим прощения, пани Ирия, - Бойковский встал и поклонился, Зареченский последовал его примеру. – Вы, конечно, правы.

- Давайте будем более конструктивны, - продолжила Ирия, – и подумаем, что мы можем противопоставить Теринскому.

Вариантов прозвучало множество. От серьезных: о бойкоте сейма всем графством, до шутливых – разослать анонимные письма о том, что Теринский болеет заразной формой фурункульной сыпи. Михо Итинский предложил вызвать Теринского на дуэль. Улита - подать прошение о присоединении Рейка к Ластарту или Берклике (что решало бы все местные проблемы, но неминуемо развязывало бы войну).

- Я все равно думаю, что мы должны донести эту весть до Ластарта, - после того как последнее предложение было отвергнуто, сказал Милан Зареченский. – Подождите, пан Бойковский! Не канцлеру, и не князю Лону, а Великому князю. Не думаю, что кто-то кроме нас решится передать ему то, что творится здесь. Возможно, он не знает, насколько далеко зашел Теринский. Возможно, он считает, что ситуация под контролем.

- Может быть, вы и правы, - признал Бойковский. – Все остальные дворяне будут слишком заняты своими делами, да и с текущей блокадой и речами Теринского слишком многие настроены против Княжества. Мы должны уведомить Ластарт. Только сейчас, с ситуацией на границах, там будут сновать люди графа Милана. Путешествие будет очень опасным.

- Я готов поехать! – воскликнул Михо. – Посмотрим, кто из них меня остановит! Я думаю, среди наших дворян найдутся смелые вои, которые отправятся со мной.

Ирия улыбнулась. Возможно, не все было потеряно – смелость может одолеть коварство. Она собиралась сказать это вслух, но тут дворецкий вошел в зал и доложил:

- Барон Клио Лимицский!

«Принесло поганца», - выругалась Ирия. Бойковский нашел слова покрепче. Барон Клио, названный в честь приснопамятного княжича, был одним из немногих сторонников Милана Теринского в Рейке. Ему было сорок два года, он был подтянут, могуч и статен. Он считался одним из самых опытных и опасных фехтовальщиков Фарка, наряду с бароном Циверским. Именно Клио был зачинщиком ссоры, после которой отец Улиты был убит. Ирия краем глаза посмотрела на девушку. Улита закусила губу до крови, но старалась держаться.

Барон Лимицский вошел в сопровождении двух воев гвардии Теринского.

- Панство, - коротко поклонился он. – Граф Милан и княгиня Альда передают свое почтение уважаемому собранию.

- Приветствуем и вас, пан Клио, - с холодной учтивостью сказала Ирия, не поднимаясь, а лишь повернув к нему голову. – С какой же целью Его Сиятельство и Ее Высочество прислали вас?

- Его Сиятельство просил передать вам, - сказал Клио, - что с сегодняшнего дня, в связи с торговой блокадой и неспокойной ситуацией в лесах Рейка, я становлюсь его особым поверенным и принимаю на себя обязанности по обеспечению порядка на этих территориях. В рейке вводится военное положение на ближайшие две седмицы, до проведения сейма.

- И что же вы намерены делать? – спросила Ирия, рассмотрев приказ.

- Ходят слухи, - Клио засунул большие пальцы за пояс, - что несколько лесных банд возглавляют дворяне. Мы намерены разыскать виновных и поступить с ними по закону Княжества. С этого дня и ближайшие две седмицы я намерен тщательнейшим образом расследовать этот факт. Особое положение позволяет мне на месте карать виновных при наличии неопровержимых доказательств и лишь потом отдавать их тела и дела на освидетельствование в канцелярию. В связи с этим я бы просил всех присутствующих, а также их доверенных лиц без особой надобности не покидать пределы графства до будущего сейма.

- Неужели, пан Клио, вы считаете, что кто-то из присутствующих может состоять в сговоре с лесными братьями? – возмутился Михо.

– Я никого не обвиняю, пан Итинский. Я предупреждаю.

- Мы вас поняли, барон, - сказала Ирия, перебивая уже готового сорваться Итинского. – Я не скажу, что мы одобряем это решение Ее Высочества, но мы вынуждены ему подчиниться. Однако я бы хотела заметить, что дворянству нашего княжества будет сообщено об этом вопиющем нарушении наших прав!

- Очень надеюсь на ваше благоразумие, пани Ирия, - строго сказал Клио, игнорируя последнюю реплику баронессы. – И повторюсь: рекомендую вам не покидать переделы графства до сбора на сейм. Дабы не зарождать лишние подозрения. Честь имею.

И он вышел. В зале повисла тишина. Несколько минут никто не мог сказать и слова. Затем тишину нарушил Алек:

- Теринский переиграл нас, - просто сказал он. – Он предвидел все и послал этого головореза, чтобы нас напугать. И, признаться, напугал.

- Мы ничего не сможем сделать, - тихо сказала Ирия. – Мы в тупике.

- Не все так плохо, пани Ирия, - сказал Бойковский. – Нас много, и в случае чего – они узнают, что мы еще можем драться. Правда, пан Михо?

- Это точно, пан Бойковский, - кивнул Михо.

- Пока же, - сказал Бойковский. – Мы должны сохранять спокойствие и противиться Теринскому на сейме. И надеяться, что если Теринский на шаг опережает нас, то Ластарт на шаг опережает его.
- Надеяться стоит, - глухо сказала Ирия. – Но что-то с трудом верится. Думаю, наше собрание окончено, панство.

Она попрощалась со всеми и направилась в свои покои. Улита уехала с братьями Зареченскими, а Итинский и Бойковский направились одной дорогой – Михо в свой фольварк, а Бойковский в казармы гвардии.
- Всегда удивлялся этому Клио, - сокрушался Итинский. – Как можно так ненавидеть свою родную землю и своих соседей!?
- Даже среди дворян не без урода. Но это нам даже на руку, - задумчиво сказал Бойковский.
- Что вы имеете в виду, пан Талько?
- Теринский стал слишком самоуверенным,- тысячник жестко скривил губы. – И он обязательно совершит ошибку.
- Мне бы вашу уверенность.
- А я с вами ею поделюсь, пан Итинский. Слушайте внимательно, сейчас я буду говорить с вами не как дворянин, а как тысячник нашей гвардии. Мнится мне, что если Теринский свершит задуманную им гнусность на сейме, то он не остановится ни перед чем, чтобы извести Рейкское дворянство.
- Что вы имеете в виду? Вы что-то знаете о его замыслах?
- Считайте это предчувствием. Так вот, когда придет время сейма, вы скажетесь больным и не поедете туда. И если вдруг в Улесье или в Рейке произойдет что-нибудь этакое, какие-нибудь выступления с участием этого подонка Клио – вы возглавите нашу гвардию, подавите эти безобразия, а потом немедля выдвинетесь к Фарку. Вы должны будете защитить наше дворянство силой оружия, даже если придется с боем пробиться в столицу.
- Но разве это не измена – направлять гвардию в столицу во время сейма?
- Поверьте мне, если все будет так, как я думаю, то только такой поступок сможет спасти Фарк и Княжество.

Фольварок Низзинки, надалеко от границы Ластарта и Фарка, Год 1476 от В.Н., 89 день лета

Вечер был прохладным, с теми еле уловимыми нотками тоски, которые обычно появляются именно в конце лета. Вроде бы и тепло, но легкий ветерок уже приобретает не то ласковое теплое дыхание, которое у него было всего седмицу назад, а все более тяжеловесное, предрекающее пришествие осени, а впоследствии и зимы.

Песка сидел на изгороди объездной площадки и наблюдал за тем, как Мали и Иниан упражняются в фехтовании. Отправив княжну отдохнуть, эльф заявил, что ему нужна настоящая тренировка, и попросил Мали быть его спарринг-партнером. Мали от такой чести раскраснелась, вздернула подбородок и молча кивнула. И вот уже около часа клинки двойных мечей в руках соперников танцевали замысловатый танец.

Песка вообще пришел сюда, дабы подчерпнуть для себя приемы боя, коими владел эльф. Он думал о возможности разработать собственную тактику защиты в сражении против двойного меча. Но, наблюдая за движениями, выпадами и пируэтами, которые проделывали Мали и Иниан, сделал для себя вывод, что и Мали-то он очень недооценивал. И понял, что лучшей тактикой в схватке с ланиртом – эльфийским ли или человеческим – является тактика Звяка. То есть стрельба из самострела, находясь в безопасном укрытии на расстоянии более ста шагов. Песка наблюдал за поединком Иниана и Мали завороженно и думал о том, что ему посчастливилось родиться после Войны Храмов. Хоть та и не коснулась Южных Земель, но как-то легче знать, что существует оружие, способное сдержать вот таких вот практически неуязвимых воинов. Что бы там ни говорили о благородстве меча, а прагматизм самострелов имел свои неотъемлемые преимущества.

Клинки сходились, расходились, проходили друг от друга на расстоянии волоса. Мали то бледнела, то, наоборот, краснела, балансируя на грани использования способностей и собственного чутья. Иниан, сражаясь преимущественно одним клинком, лишь пару раз заметно изменился, но, видимо, оставался доволен качеством подготовки девушки.

- Отлично, пани, - одобрил он очередной выпад соперницы. – Но в данном случае ты слишком открыта.

Он сделал пируэт, перешел в полуприсяд и попытался сбить Мали с ног. Девушка, моментально сильно побледнев, в фантастическом сальто уклонилась от удара и приставила свой клинок к горлу эльфа.

- Вы просчитались, Мастер, - гордо заявила она, когда живой румянец вернулся на ее лицо. – Сдаетесь?

Иниан встал, опустил меч и коротко поклонился.

- Сдаюсь, - признал он. – И действительно, я недооценил твой потенциал. Можем считать, что счет по партиям стал «пять – один» в мою пользу.

- Я намерена свести нашу встречу в ничью, - взгляд у Мали загорелся. – Скоро вы устанете и начнете делать ошибки.

- Не стоит меня недооценивать, - Иниан взмахнул рукой с мечом, точно разминаясь, и встал в оборонительную стойку. – Если я почувствую, что устал – я воспользуюсь силой, заключенной в мече.

- И я буду рассказывать своим внукам, что истинный ланирт сражался со мной в полную силу, а я осталась жива, - рассмеялась Мали. – Я думаю, что мало кто может этим похвастаться.

- Думаю, что да, - кивнул Иниан. – Хватит болтать, пани, продолжаем!

И они снова закружились в смертельном танце клинков. Песка вновь погрузился в размышления. Отсутствие вестей из Ластарта все больше беспокоило его. Он все чаще порывался запросить новые инструкции у подканцлера, но, вспоминая четкий приказ Ирлинга «ожидать распоряжений», останавливал себя.

- Пан графканцлер! – к нему, тяжело дыша, подбежал взволнованный младший писарь из числа слуг. – Вас срочно зовет к себе пани мястканцлер Мирриа!
- Отдышитесь, писарь, - Песка спрыгнул с изгороди. – Что случилось?
- Ну… пани Мирриэ, пани Рыжая и пани Рейкская… они, - видимо у писаря дыхание сводило – то ли от волнения, то ли от ужаса. – Они…
- Что они!? – не выдержал Песка. – Утонули все разом? Были захвачены воями противника? Ограбили соседнюю деревню?
- Они лесовика поймали! – выпалил писарь.

Песка отметил, что его варианты были гораздо более реальными. Лесовики, духи леса, оставленные, по преданиям, в качестве мести Падшими Богами в чащобах и обладающие магическими способностями на манер колдунов Аш-Твара, были, по его убеждению, не более чем вымыслом. Находились, однако, люди и нелюди, которые верили вот в такую живность. Правда, он не ожидал, что к их числу можно отнести княжну, и уж тем более Иртэю.
- И что они с ним сделали? – осведомился Песка.
- Ну, этот лесовик… он сказал, что хочет поговорить с вами, - писарь боязливо покосился на Песку и опустил глаза. Мальчик, похоже, действительно верил в лесовика – а теперь считал, что графнканцлер Динский связан с нечистой силой. Смех смехом, а главное чтобы не пошел доклад писать – не начальству, а в ближайший храм. Проблем потом не расхлебаешь.
- Что случилось, Кирий? – окликнул его Иниан. Мали замерла в ожидании и тоже посмотрела в сторону командира.
- Чушь какая-то, - пожал плечами Песка. – Лесовика какого-то наши девки поймали. Пойду посмотрю, не обращайте внимания.
- Я с тобой, - сказал эльф. – Посмотрим, что там за лесовик и из какого межмирья он вылез.

Они последовали за слугой. Мали постояла-постояла, длимернулась и пошла за ними. Она в лесовиков как раз верила, но считала, что Песка с Иртэей (а ведь и Звяк наверняка рядом!) справятся с каким-то духом. И явление этого самого духа не повод прерывать бой, когда ей только начало везти.

Они прошли за писарем к веранде дома. Уже на подходе Песка различил стоящих к ним спиной Иртэю и Эглину, которые загораживали кого-то. Поза Иртэи выдавала нетерпение и раздражение, а Эглины – смятение и страх. «Рыжая, видимо, наверху, в беспамятстве валяется», - подумалось Кирию.

Они подошли ближе, и Песка смог разглядеть лесовика. Ну что ж, видом он действительно походил на духа леса – заросший, борода чуть не до живота, с запутавшимися травинками в волосах, грязными руками и сапогами, так поросшими грязью, что не увидишь, сапоги это или демонические копыта. Но самое удивительное, что Кирий действительно знал этого «лесовика» - лучшего егеря его отца, Тихва Лесознавца.
- Так-так, - с напускной строгостью сказал Песка, - и что же делает знаменитый Тихв так далеко от дома и в таком виде?
- Так ты его знаешь? – с облегчением и разочарованием спросила Иртэя. На лице Эглины читалось только облегчение.
- Знаю, - кивнул Кирий. – И очень хорошо – на коленях у него сиживал. Только тогда он был не лесовиком, пугающим мнительных девок, а уважаемым егерем при дворе графа Ульта Динского, моего уважаемого родителя.
- Пан Кирий! – улыбнулся лесовик, обнажая желтые зубы. – Доброго здоровьица вам! И долгих лет. Скажите паненкам, что я не сила нечистая, а слуга ваш покорный. А то крепко руки связали, веревочка давит.
- Ты не ответил на мой вопрос, Тихв, - сказал Кирий, делая знак Иртэе, чтобы та развязала егеря. – Что ты здесь делаешь?

- Батюшка ваш, да будут Боги к нему благосклонны, послал вас разыскать, - простодушно ответил егерь. – Спасибо, милая. А узелки хорошо вяжешь, добротно.

Иртэя хмыкнула на комплимент, но ничего не ответила.

- Пан Ульт вызвал меня, - произнес Тихв, – и сказал так: «Тихв, езжай на границу Фарка и Ластарта, найдешь там село Низзинки, рядом с ним фольварк. Там пана Кирия найдешь».

- А откуда твой отец знает, где мы, Песка? – спросила, насторожившись, Иртэя.

- Потом объясню, - Песка посмотрел на Иртэю. Та неодобрительно покачала головой. Затем снова перевел взгляд на Тихва.

- И что просил передать отец?

- Батюшка ваш просил передать, чтобы здоровы вы были, и что ждет он вас, как сможете приехать, - с чистыми и наивными глазами, ну точно послушник Эльвэниэн, сказал егерь.

Песка обернулся, посмотрел на слугу, все еще стоявшего рядом, и распорядился приготовить Тихву ванну, еды и вина. Слуга поклонился и ушел.

- Всем остальным здесь можно доверять, - сказал чуть тише Песка. – Отец не послал бы тебя для того, чтобы передать мне доброго здоровья. Выкладывай.

- Его Сиятельство просил передать вам вот это письмо, - сказал Тихв деловито и протянул конверт, запечатанный печатью графа Динского. – А на словах просил передать, что на дорогах из Рейка в Фарк сейчас неспокойно – гвардия Теринского и его подручные перекрыли границы и ввели торговую блокаду. Будьте осторожны!

Кирий хотел было спросить, с чего его родитель решил, что они поедут этой дорогой, но передумал. Во-первых, Ульт вряд ли посвящал в свои размышления егеря, а во-вторых – ответ наверняка в письме. Кирий сломал печать, развернул конверт, достал письмо и принялся читать. Чем дальше он читал, тем более обеспокоенным становилось его лицо. Второй лист он пробежал глазами, плотно сжал губы и потом тихо выругался себе под нос.

- Что там, Кирий? – спросила Иртэя.

- Головная боль, - ответил Кирий раздраженно. Он посмотрел на Иртэю, потом на Эглину. Перевел взгляд на Иниана, потом на Адду. – Тихв, иди на кухню, пускай тебя там накормят и отмоют. Потом ожидай распоряжений в людской. Иртэя и Мали, найдите Звяка и стрелкой ко мне. Княжна – поднимись к Нике и приготовьтесь к отъезду. Иниан… пойдем.

Иртэя и Мали ответили положенным «слушаюсь, пан графканцлер», Эглина попробовала было возразить, но Мали приложила палец к губам и повела ее с собой. Песка и Иниан проследовали в дом и поднялись на второй этаж.

- Я недооценил тебя, - серьезно сказал эльф. – Думал, что ты полагаешься только на информацию Ирлинга. Заручиться независимым источником информации было мудрым решением.

- Значит, ты знаешь об операции что-то, чего не знаю я? – Песка пропустил эльфа вперед и закрыл за ними дверь. – Знаешь, почему мы так долго отсиживались здесь?

- Не знаю, но догадываюсь. В духе Ирлинга играть сразу несколько партий. Наверняка вся эта заварушка с Эглиной была спектаклем для Теринского. Слишком уж канцлер топорно себя вел в Нирре. Сам-то не заметил?

Песка задумался. Показалась ли ему подозрительной вся эта шумиха или же он не придал ей значение? Наверное, подсознательно он все же чувствовал подвох. Может быть, именно поэтому и принял решение написать отцу.

- Я привык к тому, что высшее дворянство может быть излишне демонстративным, - наконец ответил он. – Но в голове постоянно звучала мысль, что здесь не все чисто. А почему ты сразу не высказал свои подозрения?

- Лично нам это промедление, в общем-то, ничем не грозило. Поэтому и не стал подрывать вашу веру в начальство. Да и ты поначалу счел бы меня провокатором, начни я сомневаться в приказе Ирлинга, не так ли?

- Возможно, - нехотя признал Песка.

- Что в этом письме, Кирий?
- Подождем остальных.

Ждать пришлось недолго. Канцелярские явились буквально через мгновение – и в компании с Эглиной.

- Я настаивала, пан Кирий, - ответила княжна на вопросительный взгляд Пески. – Канцлер Ирлинг сказал, что хочет видеть во мне союзника, а не символ. И мне кажется, что скрывать что-то жизненно важное от своего союзника не слишком дальновидно.
- Не буду спорить, - сказал Песка. – Но мне бы хотелось, чтобы и канцлер думал так же. Панство, у нас чрезвычайная ситуация. И, боюсь, времени советоваться с центральной канцелярией у нас нет. Иртэя, зачитай письмо.

Эйниэ взяла бумагу и начала читать вслух:

«*Графканцлеру великокняжеской канцелярии,*
барону Кирию Динскому.

Сын мой! В прошлый твой визит мы с тобой обсуждали некоторые местные новости, по которым не достигли полного согласия. Тогда ты дал мне повод думать, что тебе, как дворянину Великого княжества, небезразлично то, что происходит у тебя дома. С тех пор я был вынужден признать, что ты оказался во многом прав, а я ошибался. И в знак признания своих ошибок я передаю тебе следующий документ. Надеюсь, ты сможешь воспользоваться им по назначению.
Твой отец, граф Ульт Динский»

- Приложенный документ – это повестка следующего княжеского сейма Фарка, - отчеканил Кирий. – В которую внесен вопрос о сокращении срока траура по княгине Илле и назначение даты свадьбы княгини Альды.
- Кажется, мы дождались, - заметил Звяк. – Кирий, я ошибался. В этом случае белое оказалось отнюдь не белым.
- Неслыханный позор, - зло сказала Эглина, – так опорочить память матери! Да кем мы после этого будем выглядеть?!
- Еще сезон назад тебя этот вопрос не волновал, княжна, - наставительно сказал Иниан. – Так что часть твоей вины в этом позоре тоже присутствует.

Эглина замолчала, проглотив обиду. Эльф был прав, но от этого не становилось легче. Она сжала кулаки, но смогла справиться со вспышкой злости и не ответила на его реплику.

- Главный вопрос состоит в том, знает ли об этом канцлер? – заметила Иртэя. – И если знает, то почему молчит?
- Я думаю, что канцлер слишком осторожен, - подбирая слова, сказал Кирий. Ему совершенно не хотелось при княжне озвучивать догадки Иниана. – К тому же до Ластарта гораздо дальше, нежели до Низзинок, а Тихв смог пробраться к нам только сейчас. Пока Ластарт получит эти сведения, может быть слишком поздно. До сейма восемь дней. От нас до Ластарта в лучшем случае три дня, до Фарка, в лучшем случае, тоже три. И это не считая трудностей, о которых рассказал нам Тихв.
- Нужно действовать самим! – произнесла Эглина решительно. – Что бы вы ни говорили, Мастер Айклин, а в данном случае честь семьи для меня не пустой звук.
- У нас четкий приказ канцлера не действовать без санкции, - сказал Кирий. – Обстоятельства чрезвычайные, спору нет. И я понимаю вашу озабоченность, Ваше Высочество. Но нарушение приказа может быть расценено как тяжкое преступление. Не говоря уже о том, что мы можем нарушить планы Его Светлости.
- Кирий, ты лучше знаешь высший свет Фарка, - Иниан закурил трубку. – Как, на твой взгляд, поведет себя сейм, если Ластарт не вмешается?

- Теринские, Озерецкие и Миковские поддержат это предложение. Алерские, Прибрежские и Нелльские тоже проголосуют за Теринского – они вообще на сеймы ездят, только чтобы напомнить о своем существовании. Картент и Миран вмешиваться не станут. Дин, если мы не появимся, скорее всего, тоже. Отец не будет выступать на заранее проигравшей стороне. Рейкские останутся в одиночестве. Предложение будет принято, и тогда Милан Теринский очень скоро официально станет князем Фаркским. И, что важнее, он одержит весомую победу над Княжеством и приобретет еще больший политический вес.
- И тогда Княжество решится на интервенцию, - добавила Эглина. – Именно об этом и говорил мне канцлер. Прольется много крови. Неужели он этого не понимает?! Неужели ты этого не понимаешь, Кирий?!
- Успокойтесь, Ваше Высочество! Иртэя, уведи княжну! Эмоции нам здесь не помогут.
- Кирий, - Эглина отстранила Иртэю, – барон Динский, я прошу тебя. Только я могу остановить это безумие! Я должна быть там!
- Княжна, пойдем, - вмешался Иниан. – Барон прав – эмоции нам здесь не помогут.

Они вышли, в комнате повисла тишина. Иртэя теребила свою косу, Звяк задумчиво смотрел на Кирия, Мали переводила взгляд на всех по очереди. Песка отвернулся к окну и смотрел на почти скрывшееся солнце. Слова Эглины звучали у него в голове. Да, рейкские дворяне просто так не отступятся. Случится бойня. Но, длимерн его побери, неужели канцлер этого не предвидел?
- Песка, а Эглина действительно сможет повлиять на сейм? – спросила Иртэя, нарушая молчание.
- Если она будет представлять Рейкских как графиня и род Фаркских как княжна, это может повлиять на колеблющихся. Динские будут на ее стороне, Миранские могут поддержать нас. Троеграфье – это те, которые напоминают о своем существовании – скорее всего не решатся открыто поддержать Теринского. В крайнем случае, будучи ближайшим родственником, Эглина может обратиться за поддержкой в храм. В самом крайнем случае.
- Тогда я не понимаю, почему мы до сих пор не получили распоряжений от канцлера.
- Иниан считает, что вся наша операция – спектакль для Теринского и что канцлер хотел надавить на графа.
- И ты это подозревал, поэтому и связался с отцом? – Иртэя испытывающе посмотрела на командира.
- Можно и так сказать, - не стал отрицать Песка. – Но у нас все равно строгий приказ. Касайся это дело только меня, я бы рискнул. Но я не хочу подставлять под удар вас.
- Я ее успокоил, как мог, - сказал вернувшийся Иниан. – Но она очень упорно изъявляет желание отправиться на сейм. И, если вы спросите мое мнение, такое рвение надо использовать.
- Я согласен с Мастером, - сказал Звяк. – У меня много знакомых в Фарке. Не самая лучшая публика, но все же мне было бы неприятно знать, что я мог спасти их и не сделал этого.
- Иртэя? – повернулся к ней Кирий.
- Мы постоянно рискуем жизнью во имя Княжества, - полуэльфка улыбнулась. – Почему мы сейчас должны отказывать себе в этом удовольствии?
- Я тоже считаю, что надо ехать, - подала голос Мали. – Накрутить стервецу хвост, коль мы можем это сделать.
- Тогда решено, - кивнул Песка. – Осталось только придумать, каким образом мы проберемся в Фарк. Я дам голову на отсечение, что Теринский раздал своим людям описание Эглины.
- А почему бы нам не присоединиться к тебе в качестве свиты? – спросила Иртэя.
- Рискованно, - подумав, сказал Кирий. – Мне неизвестно, какие сейчас у отца отношения с Теринским. А если люди графа Милана узнают о том, что я служу в канцелярии, это

может очень осложнить дело. Спешить нам сейчас – это попасться прямо в руки к его ищейкам.
- Мы должны передвигаться по возможности без заездов в корчмы, псарни и свинарни, не выдавая в себе служащих канцелярии и знатных особ. И прибыть в Фарк как можно скорее, - резюмировал Иниан. – Все просто, мы замаскируемся под караван.
- И будем стоять на каждом посту в ожидании досмотра, - возразил Кирий. – Если уж они перекрыли границы, то купцов наверняка тщательно трясут. И как такая маскировка поможет нам проехать незамеченными?
- Элементарно, - улыбнулся Иниан. – Мы будем маскироваться под похоронную процессию! Никто не станет надолго задерживать гроб с покойником.
- Неординарно, - после нескольких мгновений удивленного молчания сказал Сайн. – И как же ты дошел до такой мысли?
- Я сразу предполагал ситуацию, при которой нам придется срочно выезжать в Фарк, - сказал эльф. – Растянутость коммуникации и большой период времени, затрачиваемый Ирлингом на подготовку, привел меня к выводу, что ваш центр больше хотел привлечь внимание Теринского, показать, что у Ластарта есть козыри в рукаве. Несложно было догадаться, что Теринский может принять и контрмеры. Таким образом, нам следовало бы двигаться как можно скорее, но и наименее заметным способом. Караваны на больших трактах – дело привычное. Но, как правильно заметил Кирий, торговый караван будет стоять на каждом посту. И тут мне пришло в голову: а что если вы везете меня хоронить? Разное бывает – перепил эльф браги да ударился головой. В Фарке осталась некогда горячо любимая дочка, к которой и везет усопшего не менее горячо любимая внучка. То есть Иртэя. Эглина – ближайшая подруга, или фрэйлина, или, на худой конец, правнучка, это вы уже сами додумайте. Песка с Сайном – возничий и свинарь. Мали – служка. А вот что делать с Никой – я, признаться, не знаю.
- Я знаю, - сказал Песка. – Ника поедет вместе с Тихвом в Ластарт. Я составлю письмо к канцлеру. И писарю канцелярии, которую он знает лично, будет пробиться к нему гораздо проще, чем лесовику.
Иртэя хмыкнула.
- Если мы решили действовать по моему плану, - сказал Иниан, - то нам нужно подготовиться. Нам понадобятся шесть или восемь кабанов, две телеги и гроб. И лучше все это найти сегодня – чтобы завтра выехать на рассвете.
- С телегами нет проблем, - отметил Песка. – Позаимствуем у местных, в счет канцелярии. А вот с гробом…
- Да, мне придется съездить в город, - улыбнулся эльф, и Песка явственно представил реакцию гробовщика на явившегося к нему мертволесского эльфа с требованием срочно сделать ему гроб.
- Нет, пан эльф, - сказал Песка. – За гробом поедут завтра утром твои безутешные родственницы. Сегодня они тебя измерят. Сайн и Мали - озаботьтесь телегами. Иртэя - уведомь княжну о нашем решении. Подберите с ней одежду под роли. Нике и Тихву я все позже скажу сам.
- А я? – спросил Иниан, - что делать мертвецу?
- А с мертвецом мне надо еще поговорить, - ответил Песка.
Иртэя, Звяк и Мали вышли, что-то вполголоса обсуждая между собой. Песка устроился в кресле напротив Иниана и произнес:
- Бравада бравадой, но я серьезно опасаюсь реакции Его Светлости.
- И небезосновательно, - кивнул эльф.- Тебе нужно дать ему понять, что у тебя не было другого выхода. Хотя на твоем месте я бы писал письмо не ему.
- Подканцлеру Лито?
- Великому князю Неркану.
- А не слишком ли это самонадеянно?

- Подумай, Кирий. Если Ирлинг ведет свою игру, то он вполне может не информировать Неркана обо всех ее деталях. Или же, в конце концов, сделать виноватым в провале исполнителя, то есть тебя. А вот если ты сможешь достучаться до Великого князя, то сбросить на тебя вину будет не так и просто. К тому же, насколько я знаю Ирлинга, он всегда уважал тех, кто проявляет самостоятельность и не позволяет собой манипулировать. Это тоже может сыграть в твою пользу.
- Звучит обнадеживающе, - грустно улыбнулся Кирий. – Эх, а я надеялся, что буду защищать Княжество от подонков и на сто шагов не подойду к политическим играм!
- То ли еще будет, мой друг, - сочувствующе сказал эльф.
- Спасибо, утешил.
- Не за что. Всегда рад.
- Пожалуй, я послушаю твоего совета. И буду молить богов, чтобы ты оказался прав, - сказал Кирий.

Великокняжеский дворец, Ластарт, Год 1476 от В.Н., 3 день осени

- Значит, ты полагаешь, - Великая княгиня Акра Ластартская стояла у зеркала в своих покоях Великокняжеского дворца и расчесывала непослушные волосы гребнем, - что и Ирлинг, и Лону пытаются выиграть из этого кризиса?
- Я в этом уверен, - Неркан сидел в кресле, подкидывая ластартский золотой со своим профилем. Каждый раз, глядя на монету, Великий князь вновь убеждался, что выпала решка, и заново ее подкидывал. – Я пытался сплотить их, чтобы они работали вместе, как и раньше. Но борьба за власть ослепляет их. Думаю, наши интересы все больше будут расходиться.
- А я так не думаю, - Акра повернулась к нему. В длинной белой ночной рубахе, с растрепанными волосами Акра очень не походила на ту жесткую и энергичную властительницу, коей представала перед подданными. Неркан же в этот ранний час был в парадном мундире и уже мысленно проводил совещание с воеводами, которое было назначено на полдень.
- Аргументируй, - произнес Великий князь, оторвавшись от размышлений о казне и способах ее наполнения.
- Ты по-прежнему, уже в течение полувека, продолжаешь вести себя с ними как с равными, - сказала Великая княгиня. – Я тебе давно говорила, что времена дружбы прошли и осталась чистая политика. То есть я хочу сказать, что ваши интересы не могут расходиться – ты должен подчинить их интересы своим.
- Знаю, - Неркан вновь подкинул монету, снова поймал, увидел, что выпала решка, вздохнул и поднялся с кресла. – Проблема в том, что мне нужны обе силы – и прогрессивные, на которые ставит Ирлинг, и консерваторы-дворяне Беркликана. Фарк может стать началом цепи событий, которые приведут к их масштабному столкновению. И в данном случае я пока не вижу возможности удержать их.
- Может, и не надо? – Акра подошла к нему, обняла за плечи, посмотрела в глаза. – Пусть столкнутся, а ты сделаешь ставку на победителя.
- Нет, Акра, - Неркан опустил голову. – Я… я чувствую, что это будет неправильно.

Она обняла его крепче, прижалась к груди. Именно такой он ее запомнил в их первую встречу – когда после долгого приема они гуляли по террасам еще старого Ластартского замка, разговаривали, шутили. А потом он посмотрел на нее, а она просто так, без слов, обняла его и прижалась к груди. Тогда Неркан, князь Илинский, второй раз за свою огромную жизнь ощутил себя не одиноким в этом мире. Первый был при их знакомстве с будущим императором Сайдэном Рэндэльским, ныне его смертельным врагом.
- Знаменитые предчувствия Неркана Элендского, - улыбнулась она, отстраняясь. – Всегда такие правильные и всегда абсолютно необъяснимые.
- Считай это даром богов, - улыбнулся он в ответ. А потом помрачнел, - Только от этого не легче. Я все равно не знаю, как их остановить от междоусобиц. Ирлинг хочет вынудить Теринского к переговорам, а Лону – закопать где-нибудь промеж двух древ и посадить на трон своего послушного герцога.
- Ну, вызови обоих и поговори с ними, - предложила Акра.
- «Что ты, Неркан, мы с Лону лучшие друзья, как ты мог подумать», - Неркан поднял руки, изображая диалог пальцами. – «Да, Неркан, мать твою, я за ушастого кому хочешь рожу начищу». А сами в это время кинжалы за спинами прячут. Ну, или палицу и двойной меч.

Акра рассмеялась. Снова повернулась к зеркалу, взяла гребень, принялась расчесывать волосы. Неркан любовался изящной линией ее спины и крепкими бедрами. Он подошел сзади, положил руки ей на талию.
- Отлично выглядишь, - сказал он.

- Ой, отстань, - отмахнулась она. – Знаешь как тяжело вымыть все это и расчесать после трех декад в лесу? Да и самой отмыться – то еще приключение.
- Представляю, - хмыкнул Неркан. – Но стоило ведь того?
- Стоило, - кивнула Акра. – А что насчет девочки?
- Какой? - удивился Неркан столь резкому переходу. – Обо всех девочках ты вроде знаешь.
- Да я не про твои похождения, - сказала Акра и скривилась, рванув гребень так, что часть запутавшихся волос осталась на нем. – Пора стричься.
- Точно, - подтвердил Неркан.
- Что?! – Акра повернулась и подозрительно и гневно посмотрела на Великого князя. – Тебе не нравится моя прическа?!
- Молчу, молчу, - поднял он руки, признавая свое поражение.
- То-то же, - сказала она и снова повернулась к зеркалу.
- Так что за девочка? – спросил Неркан и посмотрел на часы на стене. Собрание начиналось через два часа.
- Младшая дочь покойного князя Фаркского, - ответила Акра. – Которую Ирлинг использует в качестве запасного варианта.
- Эглина Рейкская… Ну, или Фаркская. Не знаю. Ирлинг отделался по ее поводу общими фразами: в надежном месте, с надежными людьми, готова выступить по первому зову. Вот и все.
- А почему бы тебе не сделать ставку на нее? – Акра закончила расчесываться, сняла ночную рубаху и подошла к шкафчику, чтобы критически оценить свой запас нижнего белья. – В итоге не поддержав кого-либо из них, а сыграв в свою игру. А то что-то тебе игру часто стали навязывать приближенные.
- Правитель, не желающий быть тираном, должен прислушиваться к советам своих поданных, - сказал Неркан. – Но идея интересная, дорогая. Спасибо.
- Пожалуйста, милый, - откликнулась Акра. – А теперь не будешь ли ты так любезен уделить внимание своей супруге, пока она не выбрала, какие ей трусики надеть на сегодняшнее собрание?

Через час Великий князь покинул покои княгини Ластартской и проследовал в свой кабинет. Там он выпил чашку крепкого отвара, пробежал глазами реферат, подготовленный канцелярией к нынешнему собранию. Потом вызвал хорунжего Дилиана Бора, главу своей гвардии, исполнявшего у Неркана кроме своих основных обязанностей роль доверенного лица для личных и деликатных поручений.
- Ваше Величество? – Бор появился через несколько минут.
- Дилиан, подготовьте мне, пожалуйста, краткую справку об Эглине Фаркской. Все известные записи канцелярии, наши источники, сплетни, слухи. В общем, все, что сможете достать. Мне эта информация нужна к вечеру. И сообщите, пожалуйста, герцогу Альята, что я ожидаю его на сегодняшнем собрании.
- Будет сделано, Ваше Величество, - поклонился хорунжий.

Ирлинг принимал у себя Лито в тот момент, когда ему доложили, что в приемной его ожидает посланник от Великого князя. Ирлинг был немало удивлен, когда именно Дилиан сообщил ему о желании Неркана – само по себе явление хорунжего Илинской гвардии уже было необычным, а в качестве посыльного Великий князь использовал его крайне редко.
- Благодарю, Дилиан, я немедленно направлюсь к Его Величеству, - сказал Ирлинг, переглянувшись с Лито.
- Всего доброго, Ваша Светлость, - коротко поклонился Дилиан и удалился.

Ирлинг проводил его взглядом. Такой вызов был тревожным знаком, хотя и не особо неожиданным. Ситуация с Фарком, это Ирлинг вынужден был признать, выходила из-под контроля. Вместо того чтобы пойти на переговоры, Милан Теринский предпринял беспрецедентный шаг – организовал торговую блокаду. То, что граф сам пойдет на такие,

на первый взгляд не выгодные и не популярные для него, меры, стало для Ирлинга полной неожиданностью. Доверенные люди Теринского вскоре после этого покинули Ластарт «для консультаций». Осложнялось все тем, что из Фарка продолжали приходить противоречивые сведения. Сперва гонец принес весть, что Теринский продвигает несколько дерзких инициатив, таких как роспуск сейма, введение пошлин на товары из других частей Княжества и отмена традиционного траура по покойной княгине Иллы. Запросили доверенных людей из Рейка, но ответа не получили – гонец застрял в блокированном графстве. Разгневанный Ирлинг полторы седмицы назад приказал Лито разобраться, и тот отправил в Фарк еще два боевых отряда разведать обстановку. После этого граф Легийский еще раз поговорил с подканцлером Стефом Клийским о лояльности фаркской канцелярии и лично княжканцлера Миковского. Как и следовало ожидать, подканцлер Стеф отказался подтвердить отставку своего протеже, требуя проведения служебного расследования.

- Он напирает на то, что я использую ситуацию для борьбы за власть, - докладывал Легийский. – Пытаюсь сместить его людей. Требует расследования деятельности графа Лиина или угрожает пожаловаться вам, Ваша Светлость.

- Что ж, не могу его винить, - вздохнул Ирлинг. – Стеф чрезвычайно ревниво относится к своему месту – он все-таки выходец из мястчанства. Хотя в другой ситуации я бы тоже мог так подумать. Не обижайтесь, граф. Уж слишком образцово и честно выполняет Лиин свои обязанности.

- Возможно, следовало бы уговорить пана Клийского, - предположил Лито. – Вы лучше знаете его… хм… тонкую натуру.

- Да, даже слишком хорошо, - Ирлинг облокотился на спинку кресла. – Нет, здесь мы успеха не добьемся. Либо он действительно затребует расследование, а это лишний шум, либо подаст в отставку, либо пойдет жаловаться Великому Князю. Даже не знаю, что из этого будет хуже.

- По крайней мере пан Клийский согласился вызвать Миковского к себе для беседы. Будем надеяться, он сможет на него повлиять,

- А если не сможет… - Ирлинг сделал паузу и постучал пальцами по столу. – А если не сможет, то подканцлеру придется опасаться за свой пост.

- Мы по прежнему не рискнем сделать ставку на Эглину Фаркскую? – спросил Лито.

- Пока нет. И блокада, и слухи о повестке сейма могут быть интригой с подачи Беркликана. Подождем доклада двух других групп. Я отправлюсь к Великому князю и объясню ему ситуацию. Если вдруг появится какая-нибудь информация, немедленно отправляйтесь во дворец и известите меня. Распорядитесь приготовить для меня карету.

Уже через половину часа гвардеец у дверей большой совещательной комнаты известил собравшихся, что прибыл канцлер Великого княжества Ластартского Ирлинг, герцог Альята. Ирлинг вошел, пожал руку князю Лону Беркликану, воеводе западному, и его старшему сыну Ниву, адмиралу речного флота Княжества. Кивком поприветствовал беседовавших чуть поодаль воеводу восточного Ликве, графа Лормеронского и главного скарбничего, близорукого Нира Калицкого. Скарбничий даже не заметил канцлера в пылу беседы. Ликве небрежно ответил. Эльф мертволесский и потомок эльфов вэнгалиэнских друг друга невзлюбили с первой встречи, но в дела друг друга старались не лезть.

Следующую группу командующих канцлер приветствовал церемонным средним поклоном. Воевода южный, Великий магистр ордена Эльвэниэн Яростной, наместник Храмовых Земель, Этирита Ланегона оторвалась от беседы с воеводой северным, Великой княгиней Акрой Ластартской и удостоила его ухмылки:

- Приветствую, герцог, - сказала она. – Решили лично убедиться, правильно ли ведутся записи военных заседаний и совпадают ли с донесениями?

- Вы слишком демонизируете меня, магистр, - улыбнулся Ирлинг.

- Ему незачем получать донесения, - произнесла Акра и протянула канцлеру руку для поцелуя. – Любую интересующую его информацию по этому собранию канцлер получит лично из уст Великого князя.

Ирлинг поцеловал руку Великой княгине, протокольно улыбнулся Этирите и проследовал к трону Неркана. Великий князь беседовал с адмиралом морского флота Княжества Толио, бароном Ринеркским. Судя по тону беседы, речь явно шла о недостаточно, с точки зрения адмирала, активных действиях флота на море. Ирлинг симпатизировал Толио. С подачи канцлера бывшему пирату вместо казни через повешенье было предложено сперва офицерское звание, а потом и дворянский титул. В свои тридцать семь лет Толио успел стать адмиралом флота – в большинстве своем, лично им собранного из тех пиратов, которые решили сменить вольные хлеба и возможную виселицу на офицерское жалованье и привилегии. Неркан отвечал тихо, степенно. Видимо, до этого он имел беседу с Ниром и теперь пояснял адмиралу, почему средств на финансирование флота в достаточном размере нет. Ирлинг дождался, пока Неркан договорит, и подошел ближе.

- Мой князь, приветствую вас, - низко поклонился канцлер, а затем протянул руку Толио. – Барон, рад вас видеть.

- Взаимно, Ваша Светлость, - пожал руку адмирал. – Хотя ваше присутствие здесь и неожиданно.

- Не так уж и неожиданно, - сказал, поднимаясь с трона, Неркан. – Я вызвал канцлера, так как считаю его присутствие на этом собрании полезным и своевременным. И если все собрались, тогда, пожалуй, начнем.

Неркан прошел к столу, стоявшему в середине зала. Толио и Ирлинг последовали за ним. Адмирал стал правее князя, канцлер остался стоять поодаль – ближе к секретарю собрания. Остальные участники рассредоточились вокруг стола.

Собрание началось с доклада Акры. Ирлинг слушал Великую княгиню без особого любопытства. Информация о стычках на северных границах, с бандами ли отщепенцев или с рейдерами из срединных земель, поступала к нему в тот же день, а иногда и раньше, чем к Великой княгине. Не было нужды перепроверять ее: люди Ирлинга в северном воинстве редко докладывали что-нибудь, что бы расходилось с официальной версией. Не ожидая услышать новостей, Ирлинг рассматривал военную элиту Княжества.

По традиции, никто из собравшихся не был вооружен – военные славятся своей горячностью и, бывало, пытались выяснить свои разногласия с применением оружия прямо на месте. А Неркан не одобрял убийства посреди дворца. Все, кроме Нира (темно-синий камзол канцелярии, естественно, без лычек) и Этириты (бело-золотой орденский доспех), были одеты в парадные военные камзолы – приталенные, оранжевые с белыми вставками для воевод, и светло-синие для адмиралов. Великий князь с недавних пор строго следил за тем, чтобы у войск Княжества форма была единой, различаясь лишь знаками отличия и принадлежности. Исключение делалось для матросов и офицеров флота. Среди высшего руководства это возражений не вызвало, зато более мелкие офицеры усмотрели в этом некий заговор против дворянства и несколько раз демонстративно выступали в поход в неуставном виде. Ирлинг помнил, как двух тысячников и одного хорунжего (все трое были дворянами, один из тысячников – из родственного Беркликану рода) судили за подобное «неуважение». Всех понизили в звании до воев и отправили на флот. Решение было элегантным, хотя и непопулярным. Зато выступления прекратились.

Выступление Акры не затянулось. Проблем с комплектацией у северного войска не имелось, постоянные стычки поддерживали боевой дух и боеготовность на хорошем уровне. Потери минимальны. Неркан поблагодарил супругу и перешел к делам южного войска.

Этирита начала доклад с вознесения благодарностей Эльвэниен и рассказала о высокой боеготовности своих подопечных. Затем усомнилась в необходимости перевода

большей части личного состава на стрелковое оружие и самострелы новых образцов, мотивируя это тем, что «стрелка дура, а меч – молодец». Ирлинг посмотрел на Великого магистра с неодобрением. Сорокалетняя Этирита (между прочим, единственная Великий магистр и Верховный жрец Эльвэниэн, не являвшаяся вэнгалиэнским эльфом) создавала вокруг себя ауру незамутненного консерватизма. Женский орден Эльвэниэн Яростной был известен своей кавалерий, несгибаемой, фанатичной отвагой и предельной жестокостью в обращении с противником. Ирлинг подозревал, что нелюбовь Этириты к самострелам проистекает из-за недостаточной кровавости этого оружия. Разбирая донесения о подавлении Орденом недавнего селянского восстания в подконтрольных землях и глядя на описание казней, к коим прибегли эльвэнитки, Ирлинг сказал подканцлеру Лито: «Вот до чего доводит женщин обет безбрачия».

Неркан, выслушав магистра, в своей спокойной манере отверг ее предложения о сокращении стрелкового вооружения и приказал в течение седмицы начать тренировки двух пехотных тысяч Ордена с самострелами нового образца. «Которые в течение трех дней им должны завезти, не правда ли, пан Нир?». Пан Нир встрепенулся и усиленно закивал головой. Этирита сослалась на волю Эльвэниэн. Неркан заметил, что неплохо было бы воле Эльвэниэн совпасть с его Княжеской волей, иначе не видать Ордену податных послаблений. Этирита стерпела богохульство и обещала сделать все возможное, дабы «избежать возможных осложнений».

В восточном воинстве царили разброд и шатание, за что Ликве получил нагоняй и клятвенно заверил, что повысит дисциплину. Ирлинг сомневался на этот счет – воинство Ликвэ фактически являлось резервным и не участвовало ни в охране границ, ни в боестолкновениях с подготовленным противником. Ликве занимался тем, что подавлял мелкие выступления в графствах и княжествах – те, с которыми не справлялись гвардии местных дворян и городская стража. Если не справлялся Ликве – к нему подключались силы Этириты, и на этом обычно история восставших заканчивалась. Ирлинг и Нир несколько раз предлагали Неркану распустить восточное воинство – распределив боеспособные части в северное и западное, а также и во флот, что весьма бы сэкономило деньги на содержание. Но Неркан резонно отвечал, что это чрезмерно усилит северную группу, а такого подарка «другу Лону» Великий князь делать не желал.

Доклад адмиралов канцлер пропустил мимо ушей. В канцелярии морскими и речными делами занималось специальное ведомство во главе с бывшим пиратом, другом Толио, сеймканцлером Кеором. Сеймканцлер периодически делал адаптированные доклады для Ирлинга, ни длимерна в морских делах не смыслящего. Когда они закончили доклад, слово взял Лону Беркликан.

Князь был предельно точен и краток – как всегда, когда приходилось описывать обстановку в войсках и сдерживать крепкие слова в присутствии дам. Доложил о положении на границах (слегка расходилось в лучшую сторону с тем, что докладывали Ирлингу) и уровне обеспеченности и экипировки (чуть более расходилось с докладами в худшую сторону). Лону отметил обеспокоенность своих тысячников обстановкой в соседнем Фарке, фактический правитель которого «играет в опасную игру», и выразил готовность немедленно надавать этому самому правителю «по – извините, дамы – его тощей заднице». Неркан поблагодарил Беркликана за доклад и уверил того, что в случае необходимости крайних мер Лону будет первым, кто об этом узнает. Беркликан недовольно кивнул, но возражать не стал. Ирлинг был удивлен, что Неркан не попросил его высказаться по этому вопросу. Эльфу было немного не по себе – неужели Великий Князь догадывался об истинном положении дел? Или, может, ему доложили – хотя бы тот же Лито? «Нет, это вряд ли, - оборвал себя Ирлинг. – Не думаю, что Лито или даже Стеф, тем более Стеф, будут играть у меня за спиной и наговаривать на меня Неркану. Побоятся».

Завершил совещание Неркан. Он говорил в течение часа – о перевооружении, о боеготовности и стратегических направлениях. Попросил Нира высказать его мнение о

финансовой стороне вопроса (скарбничий отрицательно отнесся к увеличению расходов на армию, дворянство – к увеличению податей, на этом пока и порешили). Еще раз прошелся по Ликве, но тот стоически перенес трепку, поэтому Великий князь переключился на потенциальных противников.
- Сейчас все говорит о том, что в течение десяти-пятнадцати лет Рейнвилль как королевство перестанет существовать. Империя перебрасывает войска к его границам, и я не думаю, что их остановит что-либо. Поэтому нам нужно быть готовыми к тому, что мы столкнемся с легионами Рамонда – или на территории Рейнвилля, или у наших границ. Император Сайдэн никогда не питал к нам дружеских чувств, и падение Рейнвилля сделает военный конфликт только вопросом времени. Также мы не должны снимать со счетов Священный союз. Пани Этирита может сколько угодно говорить о мирных намерениях Храма, но история полна примерами того, как самые мирные намерения выливались в наиболее кровавые конфликты. Поэтому, панство, я призываю вас – мы должны быть готовы к угрозе извне. Все, панство, не смею вас более задерживать.

Военное руководство покинуло зал. Вслед за ними Великий князь отпустил секретаря и личную охрану. В комнате остались Неркан, Акра и Ирлинг.
- Твое мнение, милая? – спросил Неркан у Акры.
- Этирита слишком консервативна. Следовало бы обратить внимание на ее более прогрессивных заместителей и помочь им по возможности увеличить влияние в Ордене. И наконец определиться с Ликве – восточное войско никуда не годится. Я думаю, канцлер Ирлинг меня поддержит.
- Я думал об этом, - согласился Неркан. – Но не усилит ли это позиции Лону?
- Ты перестал доверять Беркликану? – удивилась Акра. – Я думала, этой паранойей у нас страдают только эльфы.

Ирлинг знал Акру достаточно давно, но привыкнуть к ее прямоте никак не мог. Иногда подобные выпады его выводили из себя и приходилось напоминать себе, что Великая княгиня не ставит своей целью его обидеть или принизить в глазах супруга. Точно так же Акра общалась и с Нерканом, правда, преимущественно в узком кругу приближенных.
- Здесь ситуация тяжелее, - вздохнул Ирлинг.
- Никогда этого не пойму, - пожала плечами княгиня. – Не доверяешь – отстрани. Опасаешься – возьми под стражу. Или казни. К чему эти интриги?
- Без интриг, Ваше Величество, политика перестанет быть политикой, - вклинился Ирлинг.
- И станет чем-то куда более эффективным, - фыркнула Акра. – Я так понимаю, вы сейчас как раз и займетесь интригами?
- Не исключено, - улыбнулся Неркан.
- Тогда я оставлю вас, - сказала она и поцеловала мужа в щеку. – Не делай никаких каверз, не посоветовавшись со мной, дорогой.
- Не обещаю, дорогая, - в тон ей ответил Неркан и подмигнул Ирлингу.

Акра покинула совещательную комнату. Неркан пригласил Ирлинга отойти к столу секретаря и присесть.
- Акра права насчет Этириты, - заметил Великий князь. – Меня беспокоит ее двойное подчинение, особенно учитывая ситуацию со Священным союзом.
- Я думал об этом, - сказал Ирлинг. – Решение Великой княгини оригинально, но Орден – слишком закрытая структура. Понадобится время на исполнение комбинации.
- Лучше пока займись самим Союзом. Рейнвилль, отчаявшись отбиться от Рэндэльского, может решится на вступление туда, а нам это не нужно. Подумай, какие шаги мы могли бы предпринять для удержания короля Крэга нейтральным в этой ситуации.
- Мы уже ведем работу в этом направлении, - улыбнулся Ирлинг. – Ты поэтому вызвал меня сюда? Зачем же тогда было посылать Дилиана?

- Нет, не поэтому. Это мысли, навеянные собранием, - Неркан закинул ногу на ногу и испытывающее посмотрел на Ирлинга. – Что происходит с Фарком, пан канцлер?

Ирлинг подался вперед и принялся рассказывать упрощенную и приукрашенную версию ныне происходящего. Канцлер понимал, что Неркан не может не знать о самом факте блокады, но старался подать происходящее как меры по недопущению провокаций со стороны Лону. А Неркан в свою очередь продолжал думать о том, что Акра подсказала ему единственно правильный в данной ситуации ход. Когда канцлер закончил, Великий князь задумчиво почесал подбородок и спросил:

- А не замешана ли в Фаркском инциденте какая-нибудь третья сторона?

- Подканцлер Лито не нашел никаких связей Теринского и его окружения ни с Империей, ни со странами Союза, ни с Рейнвиллем. А отчего ты вдруг решил, что такие связи могут иметь место?

- Ты упомянул о том, что в операцию вошел Иниан Айклин. Не бывает таких совпадений – чтобы такая одиозная личность, как твой бывший наставник, внезапно оказалась в Княжестве. А потом вдруг и в центре событий государственного значения. Ты его проверял?

- Обижаешь, Неркан, - сказал канцлер. – Перечитали, проследили, опросили – он действительно уже несколько лет в бегах. Вполне вероятно, что его версия правдива.

- А изгнание не могло быть липой? – спросил Неркан. – Насколько я понимаю, такие бойцы, как твой наставник, просто так не уходят.

- Не могло, - уверенно сказал Ирлинг. – Его изгнали с лишением меча и без возможности возврата. На такие жертвы ни один ланирт не пойдет.

- Даже в условиях дела государственной важности?

- Даже в таком условии, - подтвердил Ирлинг. – Можно устроить десятки правдоподобных побегов с таким же уровнем изгнания, но без перелома меча.

- Как у тебя, например, - задумчиво сказал Великий князь.

- Жизнь с Акрой тебя портит, - проворчал Ирлинг. – Да, как у меня.

- Не обижайся, старый друг, - похлопал его по плечу Неркан. – Я просто размышляю.

- Никаких обид, Неркан. Я тоже не очень-то верю в такие совпадения.

- Скажи своим людям, чтобы проверили окружение Теринского еще раз, - сказал Неркан. – И не только на контакты с Рамондом, Рейнвиллем или кем-то из восточных соседей. Пусть внимательно проверят связи с Мертволесьем, Ресментелем и гномами.

- Ты думаешь?

- С экономической точки зрения это логично.

- Точно, - подтвердил Ирлинг. – Будет сделано.

- Так ты все еще веришь в возможности переговоров с Теринским? – спросил Неркан.

- Я полагаю, его можно склонить к переговорам, - сказал Ирлинг. – Как только он поймет, что его можно легко заменить, он пойдет нам на встречу.

- А я думаю, что не пойдет, - жестко сказал Неркан и посмотрел эльфу в глаза. В этот момент Ирлинг понял, что перечить Великому князю сейчас нельзя.

- Предлагаешь использовать Эглину? – спросил Ирлинг.

- Да, именно, - подтвердил Неркан. – Я…

Дверь отворилась, на пороге появился секретарь Неркана.

- Ваше Величество, аудиенции просит подканцлер Лито Легийский, - объявил он. – Вы примите его сейчас или позже?

Неркан взглянул на Ирлинга. Канцлер кивнул.

- Я просил подканцлера сообщить нам, если вдруг появятся срочные известия, - сказал он.

- Пусть войдет, - сказал секретарю Неркан.

Лито, безукоризненно одетый, чеканным шагом прошел через зал.

- Ваше Величество, - коротко поклонился он Неркану. Затем посмотрел на Ирлинга, - Ваша Светлость.

- Мы слушаем вас, Ваше Сиятельство, - улыбнулся Неркан.

- Неожиданные и тревожные вести из Фарка, - сказал граф Легийский. – Только что прибыл гонец. Он назвался егерем графа Динского.
- Графство Дин, - задумчиво произнес Неркан. – Если я правильно помню из докладов, граф Динский не входил в число наших союзников.
- Не входил, - согласился Ирлинг. – Но он не был и нашим противником.
- Пан канцлер прав, Ваше Величество, - сказал Лито. – Но в данном случае важно еще то, что гонец прибыл из Низзинок с письмом, запечатанным личной печатью барона Динского.
- Барона Динского? - Неркан непонимающе посмотрел на Ирлинга.
- Кирий Динский, сын графа Ульта Динского, глава нашей группы, занимающейся обеспечением безопасности Эглины Фаркской. Пан Лито, вы уверены, что письмо написал именно Кирий Динский?
- Вместе с егерем Ульта прибыла пани, назвавшаяся Никой Рыжей, из канцелярии Нирры, - сказал Лито. – Она утверждает, что вы должны ее знать, и передавала наилучшие пожелания от пана Иниана.
- Ника Рыжая – коллега Эглины из канцелярии, где та работала, - пояснил Ирлинг Неркану. – Кирий и Иниан, видимо, послали ее, чтобы удостоверить личность егеря.
- Умно, - отметил Неркан. – Давайте письмо, граф.

Лито посмотрел на Ирлинга, тот кивнул. Подканцлер протянул Великому князю конверт, тот нетерпеливо вскрыл его.
- Здесь два письма, - сказал он. – От Ульта Динского и от Кирия Динского.

Неркан быстро прочитал письмо Кирия, затем письмо Ульта. Молча протянул оба письма Ирлингу. Тот прочел:

«Великому князю Неркану Первому Элендскому.

Обстоятельства, указанные в письме моего отца, подлинность которого не вызывает сомнений, побуждают меня к немедленным действиям. Посоветовавшись с доверенным лицом канцлера, мы решили, что в данной ситуации специальный отряд Алый Клинок не может поступить никак иначе, кроме как прорываться в Фарк, дабы успеть к назначенному сейму и засвидетельствовать права княжны Эглины, что, как мы надеемся, предотвратит намечающуюся катастрофу. В случае нашей неудачи вверяю свою честь и жизнь, если мне удастся ее сохранить, в вашу волю, панове.
Слава Ластарту!
Графканцлер К. Динский

И чуть ниже, на мертволесском, было написано:
Дополнение: Ирлинг (ты же все равно это прочитаешь), не будь суров к своим подчиненным – это действительно единственный выход.
И.А.»
- Доверенное лицо И.А. – это Иниан Айклин? - спросил Неркан.
- Да, это мой бывший наставник, - ответил Ирлинг, дочитав письмо графа Ульта. – Когда гонец выехал из Низзинок?
- Четыре дня назад, - ответил Легийский. – Они уже должны быть недалеко от Фарка. От города, я имею в виду.
- Я понял, - кивнул Ирлинг. – Я думаю немедленно отправиться туда с небольшим отрядом. Оказать поддержку в случае их удачи. Или провести переговоры в случае провала.
- Нет, Ирлинг, - сказал Неркан. – Ты слишком долго затягивал с действиями, и это нас подвело к опасной черте. Я лично отправлюсь в Фарк – тогда я точно буду знать, что было сделано все, что могло быть сделано. Вы свободны, панове. Мне нужно собираться в путь.
- Ваше Величество, - быстро произнес Лито, - писарь Ника нижайше просила у вас аудиенции по личному вопросу.

Ирлинг недоуменно посмотрел на Легийского, тот пожал плечами. Действительно, мало ли просьб может быть у простой мястчанки, впервые попавшей ко двору?

- Что ж, - Неркан остановился, задумавшись, - я встречусь с пани Никой. Пусть ее проводят ко мне в приемную через час.

Из дворца канцлер и подканцлер вышли молча. Ирлинг размышлял о превратностях судьбы, Лито чувствовал себя виноватым из-за того, что подставил шефа.

- Прошу прощения, Ваша Светлость, - сказал подканцлер, когда они покинули дворец. – Вообще, я шел во дворец сказать вам, что обе мои группы, что я отправил в Фарк, раскрыты сторонниками Теринского в канцелярии. И у ворот наткнулся на этого гонца и его сопровождающую. Новости были действительно безотлагательные.

- Пустое, пан Лито, - сказал Ирлинг. – Что сделано, то сделано. Великий князь решил сделать основную ставку на княжну Эглину, и ему будет очень неприятно, если его козырь будет потерян. Заготовьте два приказа по Алому Клинку: первый, в случае успеха – наградить Кирия Динского Знаком Славы и отметить всех остальных за отличную службу. Второй, в случае неудачи – расформировать отряд, распустить всех по местным канцеляриям с понижением по службе, а Динского арестовать за дезертирство.

- Понял, Ваша Светлость, - кивнул Легийский.

Ластарт, здание канцелярии. Год 1476 от В.Н., 4 день осени

- То есть вы утверждаете, что за прошедшие две седмицы все, что вы сделали – это свели цифры в одну таблицу? – подканцлер Великого княжества Стеф Клийский посмотрел на стоящую перед ним молодую мястканцлера, и той захотелось провалиться сквозь землю.
- Ваше Сиятельство, я не... не получила всей информации, - запинаясь, сказала девушка. – Канцелярия Фарка… из-за блокады. Смысла не было…
- Две седмицы! – заорал Стеф. – За это время вы бы туда съездить успели и вернуться! Да ладно бы только Фарк! У вас нет данных по Вылле! Информация по югу вообще выглядит как длимерн знает что!

На глазах у девушки навернулись слезы, она закусила губу. Руками она бессознательно теребила рукава форменного камзола.
- Милица, я вас предупреждал! – продолжал Стеф уже тише. – Мне нужны результаты, работа. Ваш отец может быть хоть трижды бароном, но это не избавит вас от необходимости сдавать отчеты вовремя!
- Да, Ваше Сиятельство, - тихо сказала она.
- Чтобы завтра – слышите, мястканцлер? – завтра отчет был готов! Мне плевать, кому вы продадите душу или что-нибудь еще, но работа должна быть сделана! Вам понятно?
- Да, Ваше Сиятельство, - повторила девушка.
- Свободны, - махнул рукой Стеф, и Милица вышла из кабинета. Подканцлер мысленно посчитал до двадцати, встал и выглянул в приемную. Его секретарь, молодой полуэльф, мгновенно подскочил со стула.
- Что угодно, Ваше Сиятельство? – спросил он.
- Зарыдала? – вместо ответа спросил Стеф.
- У дверей всхлипнула, - ответил секретарь. – Но сдержалась.
- Вот стерва, - выругался Стеф. – На сколько мы спорили?
- Пустяки, Ваше Сиятельство, - сказал полуэльф, но, уловив взгляд подканцлера, быстренько добавил, - три серебряных.
- Не везет мне в спорах нынче, - вздохнул Стеф. – После приема отдам. Следующий кто?
- Княжканцлер Лиин Миковский, - отчеканил секретарь. – Еще не прибыл, Ваше Сиятельство.
- Как только появится – пусть заходит, - сказал Стеф и вернулся в кабинет.

Кабинет у Стефа был небольшим и светлым. Стол, кресло, два стула для посетителей и небольшой шкаф-сейф. Сам Стеф в свои почти пятьдесят выглядел гораздо старше своего возраста. Лысеющий, небольшого роста, раздавшийся в зрелости вширь, он более напоминал местечкового градоначальника, нежели одного из первых людей государства. Камзол, брюки и узкая рубаха выглядели на нем мешковато. Он знал это и терпеть не мог форму, но положение обязывало его носить ее. Он сменил несколько любовниц за три года с тех пор, как стал подканцлером, но так и оставался жить с нелюбимой женой. Дети его разъехались, не питая особой любви к родителям. Младшая дочь вышла замуж за рейнвильского купца и даже не писала, средний сын служил в северных землях в ранге подхорунжего, изредка посылая сухие письма. У старшей дочери брак не удался, и она с ребенком нынче жила в одном из фольварков, периодически наезжая в гости и привнося в его жизнь хаос.

Спасение от всего этого Стеф находил в работе. Еще в академии он проявил себя способным организатором, а через год после начала службы в городской канцелярии занял должность ее руководителя. Он умел организовать работу так, чтобы вмешательство руководителя требовалось как можно реже. Он с первого взгляда мог уловить суть проблемы и решить ее с минимальными для себя затратами сил и энергии. Это его умение снискало симпатию у предыдущего подканцлера, старого барона Сана Тольского, и тот начал перекидывать молодого тогда еще Стефа на самые трудные участки работы

канцелярии – туда, где требовалось срочно привести работу местных писарей в порядок. Стеф мотался по всей стране, налаживая работу, приводя в порядок иерархию и структуру. Через пятнадцать лет мытарств он получил звание княжканцлера в Фарке, а еще более чем через десять, после почетной отставки более чем столетнего Сана, стал подканцлером. Лито делал из канцелярии структуру, на плечах которой должна была находиться безопасность Княжества; Стеф, в свою очередь, превращал ее в единый, эффективный бюрократический механизм, сплачивая изнутри.

С Лиином Миковским они познакомились, когда Стеф стал княжканцлером. Молодой граф Лиин выделялся среди своих коллег абсолютной честностью, порядочностью и почти фанатичным рвением к работе. Стеф понял, что лучшего заместителя, способного контролировать исполнение приказов, ему не найти. Каждое задание, которое Стеф возлагал на Лиина, удавалось тому с блеском. Карьерный рост Миковского был поистине быстрым. За три года он из стольного писаря стал сеймканцлером. Злые языки приписывали это его положению и связям отца. Но канцлер, зная Клийского, понимал, что Миковский заслужил свое звание не иначе как преданностью делу и фантастической работоспособностью. И когда Стеф стал подканцлером, Лиин автоматически был назначен его приемником.

За время совместной службы Стеф и Лиин сблизились и подружились. Стеф отмечал в подчиненном целеустремленность и самоотверженность. Лиина, в свою очередь, восхищали организаторские способности Стефа и его умение добиваться от подчиненных результата. Профессиональное уважение переросло в личную симпатию и крепкую дружбу.

Когда Лито Легийский обратился к Стефу с подозрениями по поводу Миковского, Клийский забеспокоился. Он знал, что Лито гораздо ближе к канцлеру, нежели он сам, и что Легийский отчасти превратил канцелярию из органа гражданского в полувоенную организацию. Поэтому Стеф отреагировал очень жестко, посчитав, что Лито хочет окончательно отодвинуть его на второй план, подминая под себя всю структуру. Он знал Лиина, знал, что тот всегда был абсолютно честен и никогда не подписался бы под делом, в котором не был уверен. Клийский старался не лезть в денежные дела канцелярии дальше, чем это нужно было по службе. Конфликт Теринского и высшего руководства Княжества он воспринимал как сугубо финансовый, считал, что как только стороны поделят деньги, все сразу утрясется. И, как следствие, просьбу Лито он воспринял как попытку воспользоваться конфликтом в личных целях. Но, как человек, привыкший полагаться на объективную информацию – на документы, он на следующий день после разговора с Легийским запросил информацию по Теринскому и его окружению. Просмотрев документы, донесения и прессу, Клийский передал источники в созданный им специальный отдел анализа и прогнозирования, а сам выслал гонца с приказом княжканцлеру Лиину явиться в Ластарт.

Утром этого дня Стефу передали краткий реферат по Фарку. Из него следовало, что усилия Теринского направлены более не на финансовую, а на политическую независимость и в эскалации конфликта большую роль играет местная канцелярия. Отгоняя от себя мысль о том, что Лито был не так уж и неправ, а сам Стеф крупно подставился, Клийский пытался придумать рациональное объяснение действиям друга. Вариантов была масса, но все равно ясность мог внести только сам Миковский. Который должен был прибыть с минуты на минуту.

Стеф открыл окно кабинета и выглянул на улицу. Ластарт постепенно оживал. Вместе с прохладой осень приносила в город возвращавшуюся из поместий к политической жизни знать, осенние ярмарки и приступивших к учебе после каникул студентов гимназий и академий. Улица шумела, слышались разговоры, смех, брань. Стеф вдохнул удивительно прозрачный осенний воздух. Он не помнил Ластарт до воцарения Неркана, но знал, что за последние шесть десятков лет город преобразился, чему несказанно способствовали гномий водопровод и канализация, появившиеся здесь

усилиями Великого князя. Тяжело было представить, что когда-то нечистоты выливали прямо на улицу.

В дверь постучали. Стеф закрыл окно, сел за стол и крикнул:

- Войдите!

В дверях появился высокий, подтянутый по военному, в идеально отглаженном камзоле и рубахе человек. Длинные волосы были перевязаны лентой, в серых глазах играла задорная искорка, на красивом лице - улыбка.

- Здравия тебе, пан подканцлер! – сказал Лиин Миковский, протягивая руку Клийскому, вышедшему из-за стола навстречу. – А ты ни капли не изменился за последнее время.

- И тебе не хворать, Лиин, - улыбнулся Стеф. – А ты очень изменился – и в лучшую сторону.

- А то! – усмехнулся Миковский. – Дочь в этом году в Ресментель на общую магию поступила, сын в академии на внутреннем деле. Мы с женой наконец можем побыть вместе без оглядки на детей.

- Или третьего заделать, - произнес Стеф, усаживаясь в кресло. – Присаживайся.

- С третьим пока не спешим, - Лиин сел на стул перед столом. – Я предпочту несколько следующих лет посвятить себе и жене. А у тебя как?

- Все так же, - хмуро сказал Стеф. – Во мне Анельку устраивает все, кроме, собственно, меня.

- А тебя в ней? – спросил Миковский.

- Лиин, это тема для отдельного разговора. Который лучше проводить не здесь.

- Ну, так может вечером посидим у меня на Дворянской? Или заедем к тебе? – предложил Лиин.

- К сожалению, не смогу, Лиин, - ответил Стеф. – Очень много работы. И все больше по Фарку.

- Подводишь к сути беседы? - ухмыльнулся Миковский. – Я, видимо, доставил тебе немало хлопот.

Стеф нажал на педаль под столом, отозвавшуюся колокольчиком в приемной. Вошел секретарь.

- Вызывали, Ваша Светлость? – спросил он.

- Два кофе, - сказал Клийский. – Одну большую чашку, одну маленькую. В маленькую молока.

- Хорошо, Ваша Светлость, - поклонился секретарь и вышел.

- Я ни в чем не ошибся? – спросил у Лиина Стеф.

- Нет, все точно, - кивнул Лиин. – Так ты говорил о Фарке и работе.

- Говорил, - согласился подканцлер. – Но я бы с удовольствие послушал тебя, мой друг.

- Даже не знаю, что тебе сказать, - пожал плечами Лиин. – Работаем.

- Лиин, ну ты ведь все понимаешь, - поморщился Стеф. – Сам же про хлопоты сказал.

Лиин немного склонил голову на бок, лицо его стало серьезным, стальным. «Вот чего мне так не хватает, - отметил про себя Стеф. – Я всегда буду сыном купца, какое бы положение я ни занимал, и никогда у меня не появится такого стального взгляда. Это поколения и поколения благородных предков». Лиин смотрел на него с упреком, и подканцлеру показалось, что сейчас они меняются местами. Дабы отогнать эту иллюзию, Стеф жестко произнес:

- Ты огорчаешь меня, Лиин. Мне казалось, что ты выше подобных вещей.

Миковский хмыкнул, и сталь на его лице сменилась грустной улыбкой.

- Чего именно я должен быть выше, по-твоему, Стеф? – спросил он. – Мыслей о судьбе родины? Или о судьбах дворянства в целом?

Вошел секретарь, поставил на стол кофе и вышел. Стеф отпил небольшой глоток. Внутри бушевали гнев и обида, но он давил их – негоже позволять себе злиться в такие моменты. Он выждал паузу, а затем сказал:

- Выше политических амбиций. Неужели ты не понимаешь, что граф Теринский использует тебя в своей борьбе против Княжества?
- Ты повторяешь то же, что говорят герцог Альята и Великий князь Неркан, - горестно сказал Лиин. – Ты слушаешь их, а я вижу, что происходит на месте. Вы здесь, в Ластарте, пребываете в царстве иллюзий. Политика Великого князя…
- Политика Великого князя здесь ни при чем, - перебил княжканцлера Стеф. – Посмотри, Лиин.

Он протянул Миковскому реферат по Фарку. Пока тот читал, Стеф говорил.
- Это не информация агентов Лито или агитация Ластарта. Это то, что следует из действий твоего друга Теринского. Это то, что собрали мои люди из тех крох информации, что попадают к нам от тебя и из фаркских газет. Но и этого хватает для неутешительных выводов. Теринский хочет отделить Фарк от Княжества, а ты ему помогаешь в этом. И я очень надеюсь, что невольно.

Миковский дочитал реферат, глотнул кофе.
- Твои люди не видят всей картины, - сказал он. – Да и кто поручится за то, что их всех не подкупил граф Лито? Его Сиятельство Легийский давно пытается превратить канцелярию в подобие того, чем занимались храмовники на севере. За день до моего отъезда в Фарке объявились два его так называемых «боевых отряда». Хорошо, что мы смогли их перехватить и временно изолировать. И ты будешь говорить, что убежден в честности своих людей?
- Тогда переубеди меня, Лиин, - сказал Стеф. – Убеди меня в том, что это не то, чем выглядит. Покажи, что ты по-прежнему служишь канцелярии и Княжеству, а не Милану Теринскому и его плану.
- В том-то и дело, - сказал Лиин, и на лице его снова возникла сталь, - что я служу канцелярии, а не канцлеру. И Милан служит не Великому князю, а Великому княжеству. Канцлеру затмили взор золото и власть, и он не видит, что Неркан превращает Княжество в царство челяди. Это видят некоторые дворяне – но никто из Высшего Совета. Наши князья слишком погрязли в беззаботной жизни. И не видят, что скоро дворянство придет в упадок, а на их места придут бывшие купцы и слуги.
- Я тоже из купеческой семьи, - заметил Стеф, сжав губы. – И я занимаю один из высших постов в государстве. Раньше тебя это не смущало.
- Я не об этом, Стеф, - стушевался Лиин.
- А я об этом, - Стеф встал и посмотрел на княжканцлера сверху вниз. Чувства рвались наружу, и подканцлер почти кричал. – Основным принципом Великого княжества были возможности – возможности для тех, кто готов за них бороться. И до этого тебе не приходило в голову это оспаривать. Ты вторишь речам Теринского, сам не замечая этого. Ты играешь свою роль в его интригах. В конце концов ты либо пойдешь с ними на все ради власти, либо их клика тебя уничтожит.
- Прости, Стеф, - произнес Лиин тихо. – Я не хотел тебя обидеть. Но и ты не прав. Ты не понимаешь и не видишь всего. Ты должен мне поверить, как верил раньше. Если я увижу, что ты прав, я смогу это признать, ты это знаешь.
- Знаю, - кивнул Стеф, усаживаясь обратно в кресло. «Но может быть слишком поздно», - подумал он про себя.
- Так или иначе, блокада будет скоро снята, - примирительно сказал Лиин. – Я сделаю все, чтобы не доставлять тебе хлопот после этого. Доклады пойдут в полном объеме.
- Я очень надеюсь на это, Лиин, - Стеф не смотрел на него, переводя взгляд с окна на дверь и с двери на стол. – Канцлер требует объяснений, и мне будет очень тяжело придумать то, которое устроило бы всех. Сегодня Великий князь уехал в Фарк. Как ты и сказал, блокада, так или иначе, будет снята. И я очень надеюсь, что ты теперь будешь более благоразумен.
- Великий князь уехал в Фарк? – удивился княжканцлер.
- Да, после совещания с воеводами, - подтвердил Стеф.

- Никто не ожидал подобного поворота, - заметил растерянно Лиин.
- Никто. Теперь, надеюсь, ты понимаешь, насколько серьезна ситуация? И насколько далеко зашел твой друг Теринский.
- Милан не заходил далеко. Я думаю, Великий князь поймет это, как только встретится с ним.
- Увидим, - устало вздохнул подканцлер.
- Я надеюсь, ты мне по-прежнему доверяешь? – спросил Лиин. – Как раньше?

Стеф посмотрел тому в глаза. Он понимал, что его друг искренне верит в то, что говорит. И искренне не понимает, что в этой игре он сам отвел себе роль разменной карты.
- Да, я тебе верю, - соврал Клийский. – Но постарайся воздержаться от высокопарных речей о судьбе дворянства. Я очень надеюсь, что ты окажешься прав.
- Я окажусь прав, - убежденно сказал Лиин. – Теперь, если ты меня извинишь, я пойду. Точно не хочешь зайти ко мне вечером?
- Не смогу, Лиин, прости, - поднимаясь и заставляя себя улыбнуться, сказал Стеф. Он протянул руку княжканцлеру. – Ближе к зиме постараюсь тебя навестить, если будет время.
- Конечно, - улыбнулся Миковский. – Буду рад тебя видеть у себя. Бывай.
- Бывай, - отозвался подканцлер.

Когда Миковский вышел, Стеф облокотился на спинку кресла и закрыл глаза. Так он лежал несколько минут без движения. Он гнал прочь мысли о том, что предательство, кое он замыслил – это месть за слова Миковского, за его происхождение и умение держаться, кое Стеф никогда не надеялся приобрести. Он убеждал себя, что если сейчас не отдать Лиина на растерзание, то в конце концов тот все равно погибнет, но неминуемо потянет за собой и самого Клийского. Но так и не смог себе честно сказать, что же именно вынуждало его сделать то, что он собирался сделать. «Лиин сам подставил себя, я ничего не смогу с этим поделать. Как бы он фанатично ни верил в Теринского, как бы, возможно, сам Теринский ни верил в свои слова и действия, рядом с ними всегда окажутся те, кто воспользуется их верой. И за эти преступления они будут расплачиваться. Они – но не я». Стеф знал, что перед отъездом Великого князя канцлер встречался с Его Величеством. А после Лито поручил своим людям перепроверить окружение Теринского на наличие у них «компрометирующих связей». «Значит, Великий князь думает, что здесь замешаны внешние источники, - думал Стеф. – Что ж, значит, и мне не зазорно развить эту гипотезу. Только пока Лито будет искать явки и пароли, я буду искать следы в документах, денежных переводах и миграционных ведомостях».

Он встал, подошел к окну, посмотрел вниз на камни. На миг он снова представил лужи нечистот и горы мусора на улицах. «Дворяне уже пришли в упадок, Лиин. Они пришли в упадок тогда, когда забыли о своем истинном предназначении. Только приток новой крови в старый высший свет способен расшевелить застой в государстве. Это понимает Великий князь, но этого не понимаете вы. Пусть будет так. Прости меня, старый друг».

Он сел за стол и вызвал секретаря.
- Да, Ваше Сиятельство? - произнес тот, входя в дверь.
- Спустите распоряжение в аналитический и метрический отделы, - сказал Стеф. – Мне нужна информация по тому, как движется расследование канцелярских групп по Фарку, а также записи метрических ведомостей и документы по денежным операциям графа Милана Теринского и всех его приближенных за последние полгода. Включая княжканцлера Миковского. Попросите для меня аудиенцию у канцлера. И сделайте еще кофе.

Проселочная дорога, между Рейком и Фарком, Год 1476 от В.Н., 5 день осени

До этого момента Кирий считал, что им везло. Несмотря на постоянные проверки и длинные очереди перед кордонами и заставами, все проходило достаточно гладко. Погода стояла отменная – даже ночами было тепло, и только под утро бодряще накатывала прохлада, покрывая росой траву. Спали по очереди на телеге рядом с гробом, иногда останавливаясь на привалы – чтобы дать отдохнуть кабанам и не заблудиться. Ночи, однако, стояли лунные, и дорогу было хорошо видно. Кирий, в молодости объездивший весь Фарк вдоль и поперек по делам военной службы, хорошо знал местные дороги и без труда находил нужную.

Информация графа Ульта оказалась верной. Заставы стояли на каждой дороге и, по ощущениям Кирия, у каждого мало-мальски значимого мястечка. На каждой заставе путников ожидал осмотр – беглый или тщательный, по желанию «мытников». «Мытники» представляли из себя разномастный контингент – от воев и местных мелких дворян, до вчерашних лесных братьев, которым, видимо, была обещана амнистия за их помощь. На многих импровизированных заставах приходилось расплачиваться «кровно заработанными» медяками и серебрушками. Кирий скрипел зубами, но не дать «пошлину» не мог – и выглядело бы странным, и задержать могло на неопределенный срок. Каждый раз давая себе обещание потом обязательно разогнать эту шушеру, Песка с немного чудаковатой и растерянной улыбкой протягивал очередную монетку досматривающему. Купцы и просто путешествующие пропускали «похоронную процессию» без очереди, иногда опасливо косясь на гроб, иногда сочувствующе глядя на заплаканных Иртэю и Эглину. На заставе у небольшого городка Высокое пожилая селянка так впечатлилась, что запричитала и заголосила прямо у поста, да так, что чуть сама там же и не отдала богам душу.

Один раз даже пришлось открыть гроб – не в меру бдительный вояр, видимо, отозванный из местной мытной службы, решил удостовериться в том, что в гробу именно покойник, а не контрабандные травы. Кирий и Сайн неодобрительно качали головами – покойника беспокоить ни к чему. Но вояр остался непреклонен. Когда он подошел к гробу, Кирий нащупал рукоять меча под седушкой телеги, а Сайн засунул руку за шиворот – где держал самострел. Гроб вскрыли, и Песка готов был поклясться, что еще утром задорно смеявшийся эльф действительно издох, причем довольно давно. Побледневший вояр сглотнул и отпустил процессию без дальнейшего осмотра.

- Обычная глубокая медитация, - пояснил позже «покойничек». – Удобная штука, когда надо выспаться так, чтобы тебя не беспокоили.

- Ага, - вполголоса проворчал Звяк. – Самое главное при этом – чтобы случайно не закопали.

- В северных землях и такое бывало, - согласился Иниан. – Не со мной, конечно, но бывало.

- И что тогда? – заинтересовалась Мали.

- А, ничего особенного, - махнул рукой эльф. – С тех пор местные завели традицию откапывать покойника через седмицу после похорон. Если в гробу тишина – значит, действительно помер. Если из гроба поминают родню нехорошим словом – значит, случайно зарыли зря. Если очень нехорошим – тогда, может, случайно, но не зря.

И рассмеялся. «Чокнутый народ эти эльфы», - прошептала на ухо Эглине Мали, и та согласно кивнула, глядя на веселящегося Иниана.

А сегодня днем, когда они уже порядочно удалились от очередной заставы, в телеге сломалось колесо. Дорога шла через лес, возвращаться к заставе пешком за помощью было долго, а ближайшими населенными пунктами были уже пригороды Фарка, которые явно отделялись от них очередной заставой. Сайн критически осмотрел средство передвижения, выругался и объявил, что оно-то, конечно, ремонтируемо, но ремонт

займет не меньше нескольких часов. Кирий покачал головой – так некстати, до цели оставалось не так уж и много.
- Ладно, ремонт так ремонт, - согласился он. – Только давайте оттащим телегу к обочине и сами отойдем в лес, дабы внимания не привлекать.

Телегу оттащили. Мали, Эглина и Песка перенесли припасы на ближайшую поляну. Растолкали спящего Иниана и сказали перенести себя вместе с гробом туда же. Эльф попробовал возмутиться – дескать, беспокоить покойника, а тем более поднимать его из гроба, дело небогоугодное и проклятое. На что получил ответ от благодарной родственницы (помогавшей в этот момент Звяку с телегой и успевшей занозить палец), что в случае чего покойничка, дабы не мешал, можно прикопать и прямо здесь. И выкопать дней через семь, если захочется. Пообещав не оставлять Иртэе наследства, Иниан, подхватив гроб, с королевским достоинством направился в сторону поляны. Кабанов привязали чуть дальше от поляны. Хрюшки с удовольствием принялись рыть носом мох, выискивая съестное.

Мали и Эглина разводили костер. Вернее, Мали разводила, а Эглина с любопытством наблюдала за таинством добычи огня в походных условиях и засыпала Адду вопросами. Иниан сидел у дерева, положив недалеко от себя гроб, и что-то мурлыкал себе под нос – то ли сочинял стихи, то ли напевал что-то уже сочиненное. Звяк, Иртэя и Песка разбирались с поломкой телеги. Когда минут через десять стало ясно, что барон Динский в деле починки телеги не может помочь ни делом, ни советом, он был отправлен на поляну готовить обед вместе с девушками. Мали оценила нового помощника и отправила вместе с Эглиной поискать воды – своих запасов осталось не очень много, да и глупо их тратить, если где-нибудь рядом есть родник.

Они шли по лесу, пробираясь сквозь кусты, ступая по мху и веткам, иногда натыкаясь на опутанные паутиной деревья. Песка уверенно выбрал направление, Эглина шла за ним, периодически гремя котелком, натыкавшимся на ветки кустов и деревьев.
- Ты так идешь, как будто точно знаешь, куда, - заметила княжна.
- Я точно и знаю, - ответил Песка. – Здесь недалеко Тенистая впадает в Фарчивку. Тенистую питают многочисленные родники по берегу, начинается она вообще дальше к югу из Лесной купели. Ну, или из Кристиньевской, как ее местные пастыри называют. Поэтому по течению можно найти несколько родников.
- Ух ты, - удивилась Эглина. – А ты тут раньше бывал?
- Не тут, - Песка остановился, осмотрелся и пошел чуть правее. – Около местного Кристиньевского монастыря. Мы там изучали храмовую архитектуру на практике. В оборонительном значении.
- А откуда знаешь о местности?
- Наш сотник, пока мы в монастыре квартировались, заставлял нас наносить на карты каждую кочку. Дабы, если, не дай Боги, придется вести войну на своей территории, знание местности помогло нам оказывать сопротивление вероятному противнику. Ну, еще для того, чтобы мы на послушниц не засматривались.
- Помогало? – хмыкнула Эглина.
- Вести войну – не знаю, не пришлось еще. А послушниц мы по ночам навещали в кельях. Те, кто самоволок не боялся. Дворянские сынки, в основном. Однажды поймали нас, выволочку устроили, две декады в лесу ночевали, в дозорах – я и еще три молодца.
- А послушницы?
- А им-то что сделается? – пожал плечами Кирий. – Служение Кристинии целибата не предполагает. Они наоборот рады помочь страждущим. Особенно если это молодые дворяне, с перспективой замужества.
- Понятно, - протянула княжна.

Некоторое время они шли молча. Потом вновь разговорились – на этот раз Эглина рассказывала о своей жизни в академии. Песка внимательно слушал, вставлял колкие замечания, когда дело касалось отношения полов. Эглина смеялась, иногда краснела и

снова рассказывала. Беседуя, они дошли до речки Тенистой. Река была небольшой, но быстротечной, с чистой, прозрачной водой. По берегу действительно оказалось несколько родников, из которых они и наполнили котелок. Песка поставил его на камни и присел.
- Пару столетий назад у Тенистой Фаркские и Динские остановили войско Рейкских, - сказал он. – Именно с этого момента началось объединение Фарка в княжество.
- Да, я знаю, - кивнула Эглина. – И Мирко Фаркский взял себе в жены Иену Динскую, младшую дочь графа Коты.
- Князя Коты, - ухмыльнулся Кирий. – Графами мы стали уже после, когда внук Иены ввел закон о единой княжеской линии. И повесил своего троюродного брата Мила Динского на воротах Фаркского замка.
- Ой-ей, - сказала Эглина. – А у нас между родов нету кровной вражды? А то вдруг ты меня сейчас в речке утопишь.
- Да, было бы забавно, - зловеще улыбнулся Кирий, и Эглине стало не по себе. – Пока сильные миро сего делают ставки и играются судьбами людей, барон Кирий Динский удовлетворил бы старую семейную жажду мести и похерил бы все планы князя и канцлера из своих корыстных побуждений.
- Да, это было бы… неприятно, - произнесла Эглина. – Особенно для меня.
- Не волнуйся, - вздохнул Кирий. – Что было, то давно прошло. Тем более, насколько я знаю, Мил был еще тем идиотом. Ну, и его казнь привела на графский трон моего прадеда, так что я вроде как должен быть еще и благодарен твоему достославному предку.
- Но ты не благодарен? – спросила Эглина.
- Как тебе сказать, княжна, - Кирий постучал ладонью по колену. Эглина за время их знакомства успела заметить, что этот жест графканцлера означал растерянность и нервозность. – Я не могу жаловаться на условия, в которых я рос. Но быть третьим сыном в знатном роде – это само по себе испытание. Что бы ты ни делал, ты всегда будешь хуже первых двух. Просто потому что родился третьим. Поэтому я и сбежал сначала в войско, а потом в канцелярию. Здесь на происхождение иногда смотрят, а вот на порядковый номер нет.
- Я тебя понимаю, - кивнула Эглина. – Я тоже – что бы ни делала, никогда не могла стать для отца сыном, которого он так хотел.

Они помолчали и двинулись в обратную дорогу.

Когда они вернулись, Иртэя и Мали сидели около костра и о чем-то вполголоса беседовали. Иниана не было видно, только со стороны дороги доносился его голос, да иногда редкие реплики Звяка.
- Ирти, ты умудрилась припахать эльфа? – удивленно спросил Песка, поднося котелок с водой к костру.
- Ну, мы предоставили ему выбор между нарезкой грибов и овощей и достойным мужчины поступком – ремонтом колеса в телеге, - сказала Мали.
- А когда он выбрал нарезку, посетовали, что не осталось нормальных мужиков на свете, - хихикнула Иртэя.
- Ему вроде несколько сотен лет, а ведется на такие простые разводки, - хмыкнул Песка.
- Он просто настоящий рыцарь, в отличие от некоторых.
- Когда некоторым это мешало? – пожал плечами Кирий и уселся рядом с ними. Эглина постояла, посмотрела на них и пошла к телеге проведать Звяка и Иниана.

Через полчаса обед был готов, а от телеги вернулись Эглина, Звяк и Иниан. Эглина и Звяк выглядели озабоченными, Иниан – оптимистически настроенным.
- Хорошие новости! – объявил эльф. – Как Сайн и говорил, эту телегу можно починить.
- Ага, и плохие, - угрюмо сказал Сайн. – На это уйдет еще часа три, и не факт, что она долго продержится. Я вообще рассчитывал на то, что мимо будет кто-нибудь проезжать, и сможет нам помочь, но дорога пуста, как голова у дурака.

- Поэтому я и выбирал эту дорогу, - сказал Кирий, доставая из мешка миски. – Здесь меньше шансов нарваться на внеочередную заставу. И, что немаловажно, на въезде в город с этой стороны заставы обычно нет.
- Как это? – спросила Иртэя. – Мне казалось, что во всех крупных городах у каждых ворот стоит кордон.
- Здесь застава стоит на единственном мосту через Фарчивку, - ответил Кирий. – Эта дорога непопулярна как раз потому, что селений мало по дороге, да и Фарчивка разливается весной и осенью, если дожди идут. Если б не это длимерново колесо, сегодня бы прошли заставу и были бы в Фарке к вечеру.
- А так?
- А так будем к ночи, - сказал Иниан. – Не понимаю, чего беспокоиться.
- Не будем, - произнес Песка. – Проходить заставу ночью дело неблагодарное. Можем нарваться – не любит стража, когда их будят по пустякам.
- Так у нас же похороны! – возмутилась Эглина. – Какой же это пустяк?
- Для них все, что отрывает их ото сна, это либо пустяк, либо опасное бедствие, - поучительно сказал Сайн. – И я даже не знаю, что хуже.
- В общем, как доделаете телегу – посмотрим, - заключил Песка. – Но, чует мое сердце, выдвигаться будем завтра утром.

Чутье графканцлера его не подвело. К наступлению темноты телега была готова продолжать путешествие – но выезжать не имело смысла. Заночевали прямо на поляне, перетаскав солому из телеги. Дозорным остался Иниан – эльф за время путешествия в гробу отоспался и решил избавить спутников от ненужных дежурств. Он сидел у костра, смотрел на звезды, курил трубку и думал о чем-то своем.

Выехали наутро, наскоро позавтракав остатками припасов. Как выяснилось, еды осталось в обрез, но до Фарка было в районе пяти часов езды, поэтому это особо не огорчало. Утро было солнечным, ветерок теплым, а настроение приподнятым. Даже обычно хмурый Сайн улыбался и хмыкал над историями, не всегда приличными, которые рассказывал Иниан, лежа по причине хорошей погоды в открытом гробу.

До заставы доехали к полудню. Гроб накрыли крышкой, солому прибрали, сделали скорбные лица. Иртэя и Эглина разрезали последнюю луковицу и натерли ее глаза, дабы слезы выглядели совсем натурально.

Башня – а это была именно башня в три этажа, с узкими бойницами, тяжелыми воротами и небольшим балкончиком над ними – стояла у длинного моста через Фарчивку. Река в этом месте была наиболее узкой, но тем не менее выглядела все равно внушительно. Быстротечная, она делала возможность переправы на лодке или вброд практически невозможной. Поэтому единственной башни с этой стороны хватало городу, чтобы контролировать поставки. Когда-то на этом месте стоял большой оборонительный форт, в котором могли держать оборону защитники города, в случае если враг собирался взять замок в блокаду. Он же позволял контролировать реку в месте, наиболее удачном для высадки у Фарка. После присоединения Фарка к Великому княжеству в форте надобность отпала, его разобрали на строительный материал для города. Осталась лишь одна башня, в которой теперь и ютились караульные. Песка помнил из своей молодости, что караульных обычно выставляли десяток. Значит, рассуждал он, при усилении могли довести и до двух.

Но перед башней особого столпотворения воев не наблюдалось. У ворот скучали вояр, вой в форме фаркской стражи и одна войка со знаками различия стражи пограничной. Мужчины были рослые, но не плечистые, вояр - брюнет, вой - русоволосый, войка – худенькая блондиночка с волосами, собранными в хвост. На плече у брюнета висел армейский самострел, русый опирался на древко алебарды, а у войки на бедре висел короткий меч и кинжал. Ворота были закрыты.
- Согнали, похоже, с разных хоругвей, - прошептал Сайн Кирию.
- Направление не приоритетное, людей не хватает, - кивнул тот. – Собрали, кого смогли.

Когда телега приблизилась, вои подобрались. Русый перехватил алебарду и замер около ворот в стойке смирно. Войка оценивающе посмотрела на Кирия и Сайна, а потом и на телегу – взгляд цепкий, не иначе как с мытниками служила. Вояр поправил перевязь с самострелом и двинулся навстречу телеге.
- Стойте! Кто такие? По каким делам в Фарк? – зычно гаркнул он.
- Пан вояр, - простецки сказал Песка. – Селяне с Низзинок да паненка наша. Усопшего пана в город везем к родичам.
- Низзинки – это где? – с подозрением спросил вой.
- В землях высокородного пана Лиркского, - ответил Сайн.
- Ластартские, значит, - утвердительно сказал брюнет.
- Так, паночек, так, - согласился Песка. – Токмо от столицы мы далековато.
- Ясно, - кивнул главный. – Элька, Морик, посмотрите, что там в телеге. Эй, девки, ходите сюда, посмотрю на вас.
- Какая я тебе девка, вой? – возмущенно сказала Иртэя сквозь слезы. – Не балуй там, дед мой с Мертволесья приехал, да и фольварк мы свой заслужили кровью.
- Прощенья прошу, пани, - с почтением сказал вояр, - не разобрался.
- Да и покойника тревожить незачем, - сказала Иртэя уже мягче. – И так на дороге постоянно не проехать, все спрашивают. Дедуля мой у Морвида Милостивого небось неспокоен – как гроб постоянно туда-сюда.
- Здесь, пани, прошу простить, служба, - деловито заметил вояр. – Мало ли, может, вы деда хоронить везете, а может – травы да вина запрещенные. Княжеский указ, мы ничего не сделаем. Пожалуйте сюда, посмотрю на вас.

Иртэя насупилась для приличия, подтолкнула Эглину и окликнула Мали, и они втроем продефилировали к брюнету. Русый вой и войка тем временем открыли крышку гроба. Парень взглянул внутрь, побледнел и отошел. Девка осталась рядом, видимо, озираясь по телеге в поисках тех самых запрещенных трав.
- А к чему такая строгость, пан? - спросил Песка. – Который день уже едем, а стопорят постоянно, пана старого беспокоят почем зря.
- Не твоего ума дела, селюк, - ответил вой надменно. А потом тише прибавил: - Да и не моего. Сейм скоро, может, порешат чего. Пока велели досматривать, травы и вино из Ластарта, Альята и Берклики больше, чем одному человеку, необходимо не пропускать. Да и в лица вглядываться, подозрительных тормозить и задерживать.
- Паночек, так чего в нас подозрительного, - подивился Песка. – Мы же…

Его прервал леденящий душу крик, а за ним и громкая ругань на мертволесском, донесшиеся сзади. Кричала войка, ругался Иниан. Песка, Сайн и девушки мгновенно обернулись, старший вой вскинул самострел, младший схватился за алебарду.

Войка, поседевшая за один миг, оседала на землю и уже не кричала, а тихо выла. «Покойник» сидел, еще не до конца вышедший из своей медитации, и представлял собой жуткое зрелище – темная аура вокруг была видна невооруженным взглядом, лицо и кожа белее мела, щеки впалые. И ругался он, как не ругаются сапожники в иных кабаках.
- Чудо! – воскликнула Иртэя. – Дедуля, ты жив!

Ее крик сбил с толку стражников, ошарашено посмотревших в сторону девушки. Песка и Звяк переглянулись, Песка кивнул. Мгновением позже Звяк выбил из рук старшего самострел и приставил свой к его подбородку, а Песка, выхватив меч из-под сиденья, отправил в беспамятство второго воя ударом гарды в висок. Осмотрелся. Ситуация была идиотской – в башне явно кто-то еще был, ворота были закрыты, и открыть их отсюда у них не было возможности. Брать башню штурмом – этот вариант казался фантастическим. Ну, только если Иниан способен запрыгнуть на балкончик. Ах да, Иниан…
- Эльф, какого хрена? – заорал Песка. – Ты чего творишь, Тьма тебя побери!
- Эта сука хотела мне хер отрезать! – проорал в ответ эльф. И прибавил еще несколько ругательств, от которых Мали хмыкнула, а Эглина залилась краской.

- Ну и что нам теперь делать? – спросил Песка.
- Давай допросим нашего пленника, - предложила Иртэя. – Только быстро – мы здесь отличная мишень.

Вояр попытался что-то сказать, но язык у него заплетался, и получилось нечто совсем бессвязное.
- Иниан, ты забраться на балкон сможешь? – поинтересовался Песка.

Эльф оценил высоту и собирался ответить, когда сверху их окликнули:
- Эй, что за шум там внизу? – на балконе стоял тучный вой, одетый в кольчугу, но без шлема. Его кудрявые каштановые волосы трепал ветер. – Вы что с моей сменой сделали, едреть вашу мать?

Кирий посмотрел вверх и улыбнулся, понимая, что выглядит как идиот. Он знал очень немного людей, способных вот так разговаривать с нарушителями спокойствия, даже осознавая свое полное превосходство. Но он был очень рад, что в этот раз перед ним – а точнее, над ним – оказался именно этот человек.
- Алек из Керра, ты ли это? – прокричал он снизу.
- Когда-то был, - согласился тучный страж. – Теперь меня зовут Алек Ельский. С кем имею честь?
- Кирий я, - ответил Песка, - Кирий Динский, заместитель твой из багрового десятка первой сотни.
- Кирий, верв тебя раздери, - голос сверху стал дружелюбнее. – Тысячу лет не виделись, старик. Какого ж длимерна ты там творишь? В лесные что ль подался или контрабандой промышляешь?
- Если бы, - ответил Кирий. – Впусти, поговорить надо. Обещаю, мы будем вести себя хорошо. Слово дворянина.
- Ну, смотри, старик, - ответил Алек. – Если что – я на тебя очень обижусь.

Он ушел с балкона, а через пару минут изнутри послышались шаги и ворота стали подниматься.
- Мы в безопасности, - сказал Песка спутникам. – По крайней мере, на текущий момент.
- Сомневаюсь, Кирий, - покачал головой эльф.

Опасения Иниана были напрасны. Хотя их, конечно, разоружили, смотрели с опаской и поставили у комнаты четырех стражников с самострелами. В комнате было очень даже уютно, насколько может быть уютно в сторожевой башне. Рассудив, что если бы с ними хотели сделать что-либо плохое, уже бы сделали, девушки расположились на кроватях и заснули. Иниан и Сайн сидели и беседовали вполголоса.
- Ты чего крик поднял? – спросил Сайн у эльфа.
- А ты сам подумай, - ответил Иниан. – Я лежу себе спокойно, тут чувствую – рукой она мне между ног дотрагивается. Я насторожился, глаз приоткрыл. А эта стервь щупает там и чего-то улыбается.
- Тебя что, девки до этого не щупали? Потерпеть не мог? Или ты уже решил, что себя выдал?
- Так ладно бы щупала, - обиделся Иниан. – Так смотрю, а у нее кинжал в руке. Думаю, сча как полоснет. Бегай потом к магам – то ли девкой становиться, то ли просить новый отрастить.

Сайн согнулся пополам – с таким возмущением эльф говорил об этом. Смеялся беззвучно, но долго. Эльф покачал головой, прислонился к спинке кровати и задумался о чем-то своем.

Кирий в это время беседовал с Алеком на верхнем ярусе башни в комнате коменданта. Сперва Алек переговорил с той сменой, с которой так нагло обошлись его гости. Потом, отправив вояра отдыхать, а войку и воя в лазарет, он вызвал очередную смену и приказал занять пост. Лица у тех не светились радостью. Сам Алек снял кольчугу и теперь остался просто в серо-зеленой форме со знаками различия западного войска. Ножны с мечом он отцепил от пояса и положил на стол.

Кирий в это время рассматривал комнату. Четыре узких окошка давали очень немного света, а чародейский огонь, видимо, посчитали размещать нерациональным, поэтому у стола коменданта горели свечи, вставленные в железный канделябр. Сам стол был широким, однако практически пустым, лишь чернильница, перо да печать стояли на нем. Ковер под ногами был неброским и истоптанным так, что рисунка почти уже не было видно. На стене висели две картины – обнаженная девушка среди трав и парадный портрет Великого князя в полный рост. Парадный портрет висел над столом, а девушка – над дверью, напротив стола, что Песка нашел весьма практичным и правильным решением. Неширокая кровать стояла в углу. Недалеко от нее расположился камин, который Алек зажег, когда они вошли в комнату, столик и два мягких кресла.

Когда Алек закончил давать распоряжения, в том числе и об обеде для себя и гостей, Песка обратился к нему:

- Неплохой кабинетик, друг. А платят хорошо?

- А длимерн его знает, - отмахнулся Алек. – Я здесь всего с седмицу. И, надеюсь, ненадолго. Присаживайся, - и он указал на кресло.

- Спасибо, - кивнул Кирий.

- Вино? Местное? Ластартское? Рейнвильское? Или предпочитаешь что покрепче?

- Что покрепче, - ответил Кирий. – Лучше северную настойку, если есть.

- Есть, отчего ж ей не быть, - усмехнулся Алек и достал из комода у кровати бутыль и два бокала. – Еду подадут чуть позже.

- Отлично, - сказал Кирий. – Но тебя, я помню, отсутствие закуски никогда не останавливало.

- Как и тебя, - хохотнул Алек. – Ну что ж, Кирий, во здравие!

- Во здравие! – сказал Песка, и они выпили.

Несколько мгновений, пока рот обжигало, они фыркали, выдыхали и ругались.

- Ну, так какими судьбами ты здесь? – спросил Кирий.

- Нет, старик, так не пойдет, - улыбнулся Алек. – На правах хозяина это мой первый вопрос.

- Хорошо, - согласился Песка. – Всего я тебе сказать не смогу, но я здесь по прямому приказу канцлера.

- Ух ты, ничего себе, - сказал Алек. – Так ты теперь при канцелярии?

- Я не при, - улыбнулся Кирий. – Я в канцелярии. Графканцлер Динский, к твоим услугам.

- Ну дела! - Алек похлопал его по плечу. – Поздравляю! Высоко взял. Тайными делами занимаешься?

- Ну, что-то вроде, - кивнул Кирий.

- Понимаю, государственная служба, - закивал Алек. – Ну что, по второй?

- Давай, - согласился Кирий. – Только третью уже под еду.

- Согласен!

Они снова выпили. Песке показалось, что пламя в камине начало играть веселее. Алек расплылся в благодушной улыбке.

- Ну, я тоже времени даром не терял, - заметил он. – Видишь, хорунжий при мытной службе.

- Что хорунжий – это я понял, - сказал Кирий. – Но тут вроде до ближайшей мытни далеко.

- Так я и говорю: надеюсь, что я тут ненадолго. Когда началась вся эта чехарда с травами и винами, я себе спокойно сидел на границе с гномами. И тут – трах-бах – говорят, попался на мзде комендант местный и надо кому-то ехать. И наш тысяцкий думал-думал, да надумал. Говорит, езжай ты, список у тебя послужной хороший. Ни в чем не замечен. А я ему «пан тысяцкий, да гори оно синим пламенем, не хочу я туда, хоть бейте, хоть вешайте». А он смеется и рапорт оформляет. Вот так я сюда и приехал. Ребята вроде толковые хоть попались. Вишь, даже вашего покойника раскусили, - и хорунжий заулыбался.

- А с чего эта твоя баба полезла эльфу в штаны? – спросил Кирий, улыбаясь в ответ.
- Да дурость бабья, вот чего, - хмыкнул Алек. – Прослышала она, болтали, что, дескать, у эльфов хер раза в два длиннее обычного. Интересно ей стало пощупать, видите ли.
- Ага, и отрезать на память, - поежился Кирий.
- Она говорит, что резать ничего не собиралась, - пожал плечами Алек. – Но длимерн этих баб знает. Я ей внушение сделал, но она после вашего «покойничка» теперь вряд ли вообще к гробам подойдет. Хорошо б сцаться по ночам не начала.

Принесли еду. Отварной картофель, сало и лук – все просто, но под настойку в самый раз. Они вспомнили службу, поговорили о мытне и о канцелярии, рассказали друг другу несколько забавных случаев из жизни. Песка все ждал, пока Алек спросит о цели их приезда, а Алек тянул время, понимая, чего ждет Кирий. Наконец, когда бутыль подходила к концу, хоружий посмотрел на графканцлера:
- Скажи честно, Кирий, вся эта шумиха – это из-за вас? Слухи ходили, что женишок нашей княгини с канцлером и князем что-то не поделили. И я теперь думаю, что неспроста, так?
- Так, - подтвердил Кирий. Отрицать смысла не имело.
- И чего же ты теперь хочешь от меня?
- Сперва ты скажи, как ты относишься к вашему нынешнему правителю? – спросил Кирий. – Не княгине. Реальному правителю.
- Ну и вопросики ты задаешь, друже, - хмыкнул Алек. – Мы – и ты, и я – получаем приказы и выполняем их. Он – тот, кто отдает приказы. Вот так.
- Расплывчатая формулировочка, - заметил Кирий.
- Другой ты от меня не получишь, - улыбнулся Алек. – Учитывая место твоей службы. Так что тебе нужно?
- Завтра до сейма нам нужно попасть в город, - ответил Кирий.
- Всем или только отдельным личностям?
- Всем.
- Хм, - задумался Алек. – И что мне прикажешь делать? У меня приказ – княжеский – задерживать подозрительных. И если я этого не сделаю, мои меня прекрасно смогут сдать. Ты ведь вряд ли проплатишь их молчание.
- С ходу вряд ли, - ответил Кирий. – Потом – запросто.
- Потом меня не устраивает, старик, - покачал головой Алек. – Мне нужно знать, что сказать местным. Вы вошли сюда очень неординарным способом, такое вряд ли смолчится. Что ты вообще сможешь рассказать мне о вашем деле?
- А ты уверен, что хочешь это знать? - тихо и твердо сказал Кирий. – Такие знания обычно приносят многие печали.
- Кирий, ну не пугай меня, - обиженно ответил Алек. – Я пуганый еще с начала службы при мытне. Меня разным пугали, так что выдюжу как-нибудь. Ты ведь понимаешь расклад – ты мне говоришь, я думаю, как тебе помочь. Ты молчишь – и я продержу тебя для проверки. Ведь ты мне никак свою должность не подтвердил.

Кирий заскрежетал зубами. Алек был прав, и злиться на него не было резона – хотя Песка, конечно, злился. Он не мог знать, а Алек не хотел говорить о том, что утром сюда приезжал Коссит Анесский и отдал четкое указание – всех подозрительных личностей, пытающихся проникнуть в город, задерживать. И особо предупредил о том, что в город может попытаться проникнуть самозванка, называющая себя «графиней Рейкской». С ней следовало поступить «по всей строгости, как с оскорбляющей дворянскую честь проходимкой».
- Зачем тебе все это? – спросил Песка.
- Мне скучно здесь, - просто ответил хорунжий. – Настолько, что я уже готов стрельбы по воронам устраивать из бойниц. Но пока что держусь. А тут ты – с такими новостями. Хоть какое развлечение.

Песка задумался, потом ухмыльнулся.

- Давай так, - сказал он. – Играем партию в «княжье вяселле». Выигрываешь ты – я тебе все рассказываю и ты решаешь, что с нами делать. Выигрываю я – ты сегодня обеспечиваешь нам ночлег, а завтра пропускаешь в город.
- А это идея, старик! - обрадовался хорунжий. – У меня как раз есть карты. Пять партий или до трех побед…

…Через два часа Песка с треском проиграл партию. Он смотрел на расклад и понимал, что недооценил своего противника и теперь завалил все дело. Алек радостно и гордо смотрел на графканцлера.
- Я много и тщательно тренировался, - сказал он. – На мытне вечера бывают очень долгими. Ну что, рассказывай.

Песка сидел и думал, что ему теперь делать. Придумать что-либо убедительное он бы не смог – усталость и настойка брали свое. Оставалось рассказывать и показывать. А это могло закончиться очень нехорошо: свою миссию он собирался выполнить – или погибнуть, ее выполняя. «Ну, положимся на случай. И благоразумие старого друга», - решил он.
- Мне нужно привести тебе кое-кого из спутников, - сказал Кирий. – Я спущусь и вернусь.
- Я весь во внимании, - сказал Алек. – Ты хорошо подогреваешь мое любопытство!

Кирий спустился вниз, прошел мимо стражи в комнату. Его товарищи разговаривали, но при его появлении затихли и внимательно, ожидающе посмотрели на него.
- Иниан, можно тебя на секундочку, - сказал Песка.
- Конечно, Кирий, - эльф встал, подошел к нему и тихо спросил: - Что случилось?
- Я должен рассказать коменданту о нашей миссии, - сказал Песка.
- Что ты пьян, я чую. Но я не думаю, что настолько, - Иниан посмотрел на него удивленно. – Ты с ума сошел? А если…
- В случае если, - прервал его Кирий, - если ты услышишь сверху шум, снимай охрану и прорывайся наверх. Я возьму с собой Эглину и надеюсь, что все пройдет хорошо.
- Ты дважды сумасшедший, - покачал головой Иниан. – Но я тебя понял. Я оповещу остальных.
- Ты сможешь прорваться?
- В случае надобности постараюсь, - твердо сказал эльф. – В крайнем случае, возьму на себя всю охрану, а Мали точно прорвется.
- Тогда пожелай мне удачи.
- Удачи.

Иниан отошел. Кирий подозвал Эглину и пригласил ее следовать за ним. За спиной послышался обеспокоенный шепоток.
- Что мне сказать коменданту? – спросила девушка.
- Желательно, правду, - ответил Кирий. – Другого выхода у нас нет.
- А если он на стороне Теринского?
- Тогда мы убьем его, - сказал Кирий. – Или он нас. В любом случае я постараюсь удержать его, а ты выжить до того, как в комнату прорвется Иниан.
- Мрачная перспектива, - вздохнула Эглина.
- Согласен, - кивнул Кирий. – Но выхода у нас нет, я его предупреждал об этом.

Они вошли в комнату. Алек сидел за столом и смотрел на них ожидающе.
- И кого ты привел, мой друг? – спросил он.
- Хорунжий, позвольте представить вам высокородную княжну Фаркскую, графиню Рейкскую Эглину, - церемонно сказал Кирий и поклонился.

Алек застыл в изумлении. Минуту он не двигался. А потом встал и вынул из ножен меч.

Фарк, Зал Сейма, Год 1476 от В.Н., 7 день осени

Если бы кто-нибудь спросил у Альды Фаркской утром седьмого дня осени тысяча четыреста семьдесят шестого года, какой самый счастливый день в ее жизни, она, не задумываясь, ответила бы, что этот. Потому что она не сомневалась в исходе голосования сейма и была уверена, что свадьба ее состоится не далее как через треть сезона после этого дня. Этого момента она ждала многие годы, и теперь он был как никогда близок.

Милан Теринский тоже находился в приподнятом настроении. Никаких происшествий за последнюю треть сезона не произошло. Упредительные действия против Рейкских парализовали внутреннюю оппозицию, оставив ее без верхушки. Верные Берклике вои из Озерца и Мирана заняли выжидательную позицию. Милан не сомневался, что князю Лону уже доложили о повестке сейма. Однако одно дело знать о планах противника, другое дело – принять правильное своевременное решение. Теринский был уверен, что Беркликан не решится на интервенцию без согласия Неркана, а пока Ластарт и Берклика будут согласовывать свои действия, Милан уже будет полноправным владыкой этих земель.

Лучше всего дела пошли с противодействием канцелярии. Миковский, в силу положения знавший большую часть ее информационных каналов в Фарке, смог провести чудесную работу по дезинформации агентов Ирлинга. Прибывшие сюда два так называемых «специальных отряда канцелярии» застряли в своей же бюрократической машине. На перепроверку сведений у канцлера уйдет уйма времени. И, насколько Теринский знал методы работы герцога Альята, тот еще может помешать действиям Беркликана. Конечно, Миковский сам может пострадать из-за этого. Не зря же его спешно вызвали в Ластарт. Но, в конце концов, каждый из них чем-нибудь да жертвует ради общего дела.

Дворянство съезжалась к круглому Дворцу Собраний в центре Фарка. Дворец этот возвели на месте особняка рода Аневских, когда-то второго рода в княжестве. Аневские выступили против присоединения к Великому княжеству и были уничтожены почти до единого. Имущество их передали Фаркским и Динским, а дворец в центре города снесли до основания и соорудили новый Зал Собраний. Трехэтажный, он включал в себя сеймовый, несколько банкетных и бальных залов и гостевые комнаты – на случай если участники того или иного собрания не имели бы собственности в Фарке или за его пределами. Сам дворец, каменный, как и большинство строений города, был выкрашен в темно-желтый цвет и украшен гербами княжеского и еще десяти графских родов Фарка.

На площади перед Дворцом выстроился почетный караул гвардии князей Фаркских. Участников сейма встречала толпа горожан, прибывшая посмотреть на парад роскоши власть имущих. В городе царило ожидание – ждали решений по торговой блокаде и послабления городских налогов. Некоторые прослышали, что будет решаться вопрос о скорой свадьбе княгини, но мястчанам, в отличие от дворянства, этот вопрос был не столь интересен. Купечество и цеховики и так считали Теринского номинальным правителем и надеялись, что он наконец перестанет дурить и займется делом.

В дворянской же среде нервозность вызывал именно вопрос свадьбы. Милан очень постарался довести до всех и каждого, что мешать ему налаживать личную жизнь – себе дороже. Из крупных родов против него выступили Динские, Рейкские и Миранские. Остальные влиятельные лица либо были на его стороне, либо считали, что пора бы уже княжеству определиться с владыкой, а Альда на эту роль подходит меньше всего. Худой мир предполагался лучше доброй ссоры, поэтому граф Милан мог вполне надеяться на одобрение большинства.

Он помнил рассказы отца о том, как споры на сеймах решались с помощью мечей. Каждый дворянин имел равное право голоса, каждый кричал свое, и зачастую самых больших крикунов из зала выносили – после дуэлей или даже простой сечи в зале собраний. А потом Великий князь издал эдикт, по которому вопрос в сейме решался

голосованием делегаций от каждого графства. Не поддерживаешь своего графа – не приезжай на сейм, вот и все. Склок, по крайней мере публичных, стало меньше, решения стали приниматься быстрее. Популярные во дворянстве идеи стали проходить гораздо проще, а в дворяне посвещали осмотрительней. И вот теперь мудрость Великого князя должна была обернуться против его интересов в Фарке. Милан находил это забавным.

Его делегация была внушительной – число его сторонников в Теринке было огромно, и почти каждый счел своим долгом поддержать своего сюзерена. Борин Циверский возглавлял почетную стражу Теринского, окружавшую карету графа. Отец барона, один из немногих не поддержавший решение Милана, остался в Терии. Как и граф Радан, приславший сообщение о том, что «немощь не позволяет ему лично выразить поддержку Милану в столь важном для него предприятии». Рядом с Борином, в парадной форме верховых войск прошел Коссит Анесский. Йатик Клесский, не являвшийся официально дворянином Фарка, остался в резиденции Теринских и осуществлял приготовления к торжествам.

Делегация Альды была не столь большой – княгиню многие ее дворяне не любили за слабость, Теринского презирали как нарушителя традиций. Открыто не выступали, но поддержать их свадьбу на сейм не приехали. Что ж, ну и пускай – у них найдутся союзники. Динские и Рейкские все равно останутся в меньшинстве.

Они встретились около входа в зал собрания. Альда улыбнулась Милану, и тот отметил про себя в очередной раз, что улыбка у этой девушки замечательная – чистая и какая-то беззащитная. Он нахмурился.

- Милый, ты выглядишь озабоченным, - сказала Альда. – Что-то случилось?

- Немного волнуюсь, дорогая, - сказал Теринский, натянуто улыбнувшись. – Сегодня ведь такой день!

- Все будет хорошо, Милан, - она дотронулась до его руки – украдкой и очень аккуратно, как делала всегда, - нас понимают, нас одобрят.

- Да, милая, - он поцеловал ее в щеку, она залилась краской. – Все будет хорошо.

- Милан, веди себя на людях скромнее, - шепнула она ему на ухо.

- Прости, - он виновато улыбнулся.

- Иди в зал, - она снова украдкой сжала его руку. – Вечером мы поедем к тебе и отпразднуем нашу помолвку.

- Конечно, дорогая, - сказал он и направился внутрь.

Пробираясь на свое место, он пожал руки баронам и панам, раскланявшись с паннами. Ложа Теринки была переполнена – некоторые даже стояли у самого входа. Милан сел на мягкий стул, специально оставленный для него около перил, и осмотрел зал. Его ложа находилась на третьем ряду, в числе самых крупных графств. Справа от него помещались Озерецкие, слева Динские, левее Динских - Рейкские. На втором ярусе расположились менее влиятельные графства. На первом, перед самым носом у председателя собрания, самые мелкие графские роды, в народе именуемые «троеграфьем» за то, что очень редко принимали решения, отличные друг от друга. На четвертом ярусе находилась княжеская ложа, куда прошествовала Альда в окружении охраны из гвардейцев и немногочисленных баронов и баронесс. В каждой ложе находился балкон-трибуна, с которой выступавший мог вещать – на верхних ложах балкон был обращен к нижесидящим, на средней и нижних – боком к вышесидящим.

Рядом с Миланом сел Борин Циверский, наклонился к нему и прошептал:

- Твоя суженая тебя не слишком отчитала за вольный поцелуй в щечку?

- Отчитала, но не сильно, – шепнул в ответ Теринский.

- Не переживай, старик, - хохотнул Циверский. – Пару декад – и ты с ней будешь делать, что захочешь.

Милан промолчал. Он наблюдал за тем, как заполняются ложи. Графиня Озерецкая, статная вдова, всегда симпатизировавшая свободолюбивым взглядам Милана, собрала на этом собрании большую поддержку. Хотя, как знал Милан, блокаду графиня не

поддержала, она одобряла брак Теринского и Фаркской, и размер делегации Озерца вполне мог сыграть на руку Милану.

Динских тоже собралось немало. Старый Ульт занял свое место, рядом с ним присел смутно знакомый Теринскому молодой дворянин. Ульт, седой, с аккуратно зачесанными назад длинными волосами, криво улыбнулся Милану и что-то сказал своему соседу. Тот кивнул, прикрыв рот рукой.

- Кто сидит рядом со старым Динским? – спросил Милан.
- Где? – спросил Циверский.
- Слева.
- Ммм, вроде один из его сыновей, - ответил Циверский. – Или внуков. Но вроде это третий сын – хотя я не уверен.
- Что-то я его здесь раньше не видел, - задумчиво сказал Теринский.
- Он служит – то ли в войсках, то ли в канцелярии, - произнес Борин. – Точнее тебе не скажу, я не очень-то в курсе дел Динских. К ним сложно подобраться – старый род, со своими заморочками.

Рейкские опаздывали, их ложа наполнялась медленно. Милан посмотрел на лица своих противников – озабоченные, задумчивые. А потом отвернулся, бродя взглядом по залу. Ложа Миковских была полной, но вместо Лиина сегодня председательствовал его младший брат, барон Ниин. Теринский снова вспомнил о старшем Миковском и пообещал себе возместить потом другу все его потери. Снова посмотрел в ложу Рейкских. Ирии Найской удалось собрать множество сторонников. Сама Найская в этот момент проходила сквозь ряды. Под руку ее вела какая-то особа с лицом, закрытым черной траурной вуалью.

- А это еще кто? – шепнул ему Циверский.
- Кто их знает? – пожал плечами Теринский. – Может, спектакль какой готовят.

Тем временем в зал вошел сеймканцлер Ганко Таркский и секретарь собрания – высокая девушка с бледно-фиолетовыми волосами.

- Я приветствую вас, панове, - зычно произнес Ганко. Милан поудобнее сел в кресле, приготовившись. Вопрос о свадьбе стоял на повестке первым. Теринский попросил Ганко вчера поменять регламент, дабы сразу решить насущное для себя, а потом приступать к остальному – важному для остальных.
- Прошу всех собравшихся свериться с регламентом, - вещал тем временем сеймканцлер. – Сейчас секретарь собрания пани Мирриа сверит списки делегаций.

Милан слушал списки вполуха. «Троеграфье» собрало вместе пятьдесят четыре дворянина. Во второй ложе отсутствовала делегация графства Картент – но неожиданности в этом не было. Арамель Картент, слывшая чуть ли не ведьмой, редко интересовалась политикой, а земли графства в основном выдавались служивым из мытни и войска. Их отсутствие на сеймах было обычным делом.

Сеймканцлер дошел до верхней ложи. Когда назвали его фамилию, Теринский встал и поклонился. Краем взгляда он заметил, что неизвестная дворянка в черной вуали сидит рядом с баронессой Найской. Рейкские явно что-то замышляли.

- Делегация Рейка, - произнесла пани Мирриа тем временем. – Сорок панов, пять баронов. Возглавляется графиней Рейкской, – Теринский дернулся, не поверив своим ушам, взглянул наверх на Альду – та побледнела и смотрела в сторону ложи Рейкских, – великородной княжной Фаркской, Эглиной.

Рядом с Ирией с места главы делегации поднялась и скинула вуаль молодая девушка. Черты лица ее были тоньше, чем у Альды, но в целом можно было уловить их фамильное сходство.

- Как? - спросил он у Циверского. – Почему я об этом ничего не знаю? Ты ведь говорил, что просматривал списки?
- Уважаемый председатель, - вместо ответа поднялся и громко сказал Циверский. – Здесь какая-то ошибка. Насколько известно делегации Терии, графини Рейкской не может быть в Фарке. Не может ли это быть каким-то трюком?

- Сядьте, пан Циверский, - сказал Ганко. – Мне непонятно, откуда у делегации Терии может быть информация по местонахождению графини Рейкской. Но это сейчас и неважно. Секретариату собрания предоставлены убедительные доказательства личности графини Эглины Рейкской.
- Какие, хотелось бы узнать? – не успокаивался Циверский, несмотря на то, что Теринский сделал ему знак сесть.
- Если вы, пан, посмотрите на то, как побледнела невеста вашего графа, вы сможете убедиться, что графиня Эглина та, за кого себя выдает, - насмешливо произнес сосед Ульта Динского.
- Пан имеет наглость обращаться ко мне, не называя своего имени, и оскорблять княгиню Фаркскую? – закипел Циверский. – Это может плохо кончиться для пана.
- Для пана Циверского – возможно. Меня зовут Кирий, барон Динский, сын графа Ульта Динского, графканцлер Великого княжества Ластартского, - поднялся со своего места Песка. – И я не оскорблял княгиню Фаркскую. Дабы пан Циверский был спокоен, я могу засвидетельствовать личность Эглины Фаркской, а также перед богами и уважаемым собранием свидетельствовать, что личность ее подтверждена канцлером Великого княжества Ластартского Ирлингом Альята, коий лично беседовал с графиней Рейкской не далее как половину сезона назад.

Циверский хотел что-то сказать, но потом сплюнул себе под ноги и сел. Теринский впился пальцами в перила кресла. Кирий улыбнулся, сел на место и прошептал отцу:
- Хорошая реакция. Приятно видеть их выведенными из себя.
- Спокойнее, сын, - ответил ему Ульт. – Игра еще не окончена.
- Ой, отец, - отмахнулся Кирий. – Дай насладиться. Знал бы ты, сколько я по их милости натерпелся.
- Если уважаемое собрание позволит, - продолжил тем временем Ганко, - мы перейдем к повестке дня.

Собрание зашумело. Теринский глубоко вздохнул. Присутствие Эглины безмерно усиливало позиции Рейкских, и Динские, судя по всему, открыто оказывали ей поддержку. Это явно могло повлиять на позицию «троеграфья», да и неизвестно, хватит ли у Ниина Миковского влияния в своей делегации. Ситуация становилась очень неблагоприятной.
- Вопрос о прекращении траура по великорожденной пани Илле, княгине Фаркской, и назначения срока свадьбы высокородной княгини Альды Фаркской, - произнес сеймканцлер. – Слово берет высокородная княгиня Альда.

Милан посмотрел на свою невесту. Альда была бледна, и на секунду Теринскому показалось, что она не сможет даже подняться. Но княгиня встала и твердым шагом подошла к балкону-трибуне.
- Уважаемое панство Фарка, - начала Альда. – Я… нет, мы – народ княжества – просим вас. Мой высокородный отец сказал мне когда-то, что дому всегда необходима твердая рука. Волею богов наш дом рано осиротел. Отец мой погиб, и траур по нему мы относили сполна. Мать моя очень любила моего отца и всегда полагалась на его волю. Ее смерть была для нашего общего дома, нашего Фарка, большим ударом, но он не может сравниться с тем, что и моя семья, и наше княжество остались без сильного лидера. Дело женщины – сохранять уют и покой, чем я и пыталась заниматься последнее время, несмотря на горе, постигшее меня. И мой жених, граф Теринский, помогает мне в этом. Кроме того, он стал надежным защитником нашего княжества. Он сражается с опасностями и справляется с теми трудностями, которые выпадают на нашу долю – но он не может, волею горестных обстоятельств, стать полноправным хозяином в доме. И это не только держит в узде наше развитие! Это дает возможности нашим противникам и врагам плести интриги за нашими спинами! Они обращают взоры на наши земли, они хотят изменить наши взгляды. Они натравливают на нас даже членов наших семей! И пока наш общий дом не обретет надежного защитника и хозяина – мы все будем оставаться под

угрозой. Я умоляю вас, во славу моего рода, во славу нашего княжества, в память о моем отце, сократить траур и позволить мне сочетаться законными узами пред Богами и народом Фарка и Великого княжества Ластартского браком с достойнейшим из достойных сыновей Фаркской земли Миланом Теринским.

Милан не отрываясь смотрел на Альду в момент произнесения речи. Бледность отступила с ее лица. Ее озарило какое-то внутреннее величие. Голос стал твердым, и он чувствовал, что до конца не знает эту женщину. И, может, никогда и не пытался узнать. И когда Альда закончила, он почти уверился в том, что и в этот раз они победят – несмотря на козни врагов, и даже несмотря на Эглину Рейкскую, сидящую в этом зале. Ему даже на мгновение представилось, как Эглина, поддавшись голосу сестры, произносит «не возражаю против их брака» и все намерения Ирлинга и Неркана рушатся.

По залу прошел шепоток. Княжеская ложа, ложи Терии и Миковки зааплодировали. Их поддержал первый ряд. Дворяне негромко обсуждали речь между собой.

- Хорошо сказано, - прокомментировал Циверский. – Но, боюсь, зря.

- Посмотрим, - сказал Теринский.

- Слово берет граф Милан Теринский, - тем временем произнес Ганко. Милан посмотрел на Циверского, но тот пожал плечами. Конечно, выступление Эглины не подразумевалось, и по повестке следующим выступал Милан. Граф встал и произнес:

- Панство! Мои высокородные братья и сестры! У нас может быть множество разногласий. Многие из вас не поддерживают те меры, которые я советовал принимать княгине Альде последнее время. Но я прошу у вас лишь одного – прислушайтесь к нашей княгине! Вы знаете меня: я никогда не стремился к личным выгодам, я всегда болел душой за наше княжество. И подумайте о моей любви к пани Альде и о ее любви ко мне. Не заставляйте два влюбленных сердца продолжать биться порознь. Я уверен: и покойный князь, и покойная княгиня были бы не против отмены траура, если бы это помогло их дочери обрести счастье, - и он сел на свое место.

Ложа Терии разразилась аплодисментами. Из остальных лож донеслись редкие хлопки – в основном из ложи княгини и со стороны «троеграфья». Собрание вновь загудело.

- Княжна Эглина, предоставляем слово вам, - сказал Ганко.

- Благодарю вас, пан председатель, - сказала Эглина поднимаясь. Она была одета в черное строгое траурное платье. Прозрачная вуаль накрывала ее волосы, кисти закрыты черными перчатками. Выражение лица жесткое, целеустремленное – Песка впервые видел Эглину такой с тех пор, как они познакомились. - Моя сестра очень хорошо сказала. Наш дом осиротел со смертью наших отца и матери. И какие бы у нас ни были разногласия с отцом, я могу сказать, что он был достойным правителем и делал для Фарка все, что было в его силах. И еще он ценил традиции и был очень предусмотрительным человеком. Именно этими двумя качествами я могу объяснить то, что моя сестра до сих пор не вышла замуж – для своей наследницы он выбирал подходящую пару. И еще он бы никогда не позволил уменьшить траур по своей жене только ради того, чтобы облегчить долю своей дочери. «Если боги возложили на нас испытания – мы должны нести их с честью», - так говорил он мне последний раз, когда мы виделись. Не его вина, что его наследница оказалась недостойна его.

- Что ты говоришь? – воскликнула Альда, поднимаясь. – Как ты смеешь!?

- Я не перебивала вас, Ваше Высочество, - Эглина развернулась и посмотрела на сестру. – Я попрошу вас также соблюдать регламент.

- Ты, паршивка! Ты подумала, что ты делаешь!? – закричала Альда, и Теринский подумал, что ее голос на мгновение стал очень похож на голос отца. Эглина закрыла глаза, а потом открыла, и на устах ее заиграла улыбка.

- Достойно ли, Ваше Высочество, оскорблять вашу сестру, о судьбе которой вы не беспокоились почти десять лет, перед лицом почтенного собрания?

- А что делаешь ты? – Альда захлебывалась от возмущения.

- Я привожу факты, - улыбка исчезла с лица Эглины. – Ты прекрасно знаешь, как отец относился к семейным традициям. Он бы никогда не позволил отменить траур по матери. И ты прекрасно знаешь, что отец никогда не позволил бы ни себе, ни тем более тебе лгать перед лицом сейма. А ты врешь! Причем врешь нагло, ведь ни для кого не секрет, что мать была против вашего брака с графом Теринским! И именно поэтому она и умерла.
- Да как ты смеешь!? – Альда кричала, и Теринский пожалел, что не может сейчас успокоить ее. А вскакивать и бежать к ней – что подумает собрание? – Ты не вспоминала о нас! Тебя здесь не было, когда она умерла! Ты даже на похороны не приехала!
- Но я и не пытаюсь опорочить ее память только ради того, чтобы запрыгнуть в койку к ее возможному убийце! – выкрикнула Эглина. Циверский вскочил и положил руку на рукоять меча. Кирий Динский поднялся, отвел подол камзола и Теринский увидел у него за поясом самострел. Началось шевеление по залу. Дворяне вставали со своих мест, нервно теребя оружие.
- К порядку! К порядку! – застучал молотком по столу Ганко. – К порядку, уважаемое собрание, иначе я буду вынужден вызвать стражу. Ваше Высочество Эглина, ваши обвинения очень серьезны. Есть ли у вас доказательства их справедливости?
- Это не обвинения, пан председатель, - просто сказала Эглина. – Это мои предположения, и они лягут в основу расследования, которое начнет по этому вопросу канцелярия.
- Я подтверждаю, - сказал Кирий, одергивая камзол. – Вчера документ с запросом Рейкского дворянства о начале расследования по факту смерти княгини Иллы Фаркской был направлен канцлеру Ирлингу. Я уверен, что он его утвердит. Также сообщаю, что канцелярией уже ведется расследование по факту покушения на жизнь княжны Эглины.
- Какого покушении? – спросила Альда.
- Теринский тебе не говорил? – спросила Эглина. – Он не сказал своей любящей невесте, что подослал убийцу к ее сестре?
- Это правда, Милан?! – закричала Альда
- Вы выставляете лживые обвинения, княжна? – обратился к Эглине Теринский. – Или вы опять предполагаете?
- Не далее как пол сезона назад в меня стрелял человек, связанный с дворянством Теринки, - ответила Эглина. – А точнее, державший связь с Циверком. Это установлено точно, и есть свидетели, которые могут это подтвердить. В остальном же – расследование канцелярии выявит и накажет виновных.
- Как ты мог?! – закричала Альда, и слезы потекли по ее щекам.
- Альда, я не делал этого! – ответил Теринский и двинулся к ней.
- О, не выставляйте свои скандалы на всеобщее обозрение, прошу вас! – вздохнула Эглина. – Уважаемое собрание, я думаю, вы понимаете, почему я, как ближайшая родственница, накладываю запрет на это богопротивное действие. И буду делать все, дабы моя недостойная сестра перестала являться нашей княгиней.

Теринский молнией добрался до княжеской ложи и теперь обнимал Альду, что-то шепча ей на ухо. Собрание шумело – слышались смешки, выкрики, проклятья. Ганко стучал молотком и призывал всех к порядку. Иртэя спешно записывала протокол собрания.
- Неплохой спектакль, - сказал Кирий на ухо отцу. – Отменно сыграно.
- А как поставлено? - улыбнулся Ульт. – Я же говорил тебе, что так оно и будет. Видишь, твой старик еще на что-то да годится.
- Я никогда и не утверждал обратного, - обнял Кирий отца.
- Прошу всех сесть! – кричал Ганко. В этот момент двери собрания отворились и вошел гонец в форме илинской гвардии Великого князя. Подошел к сеймканцлеру, протянул конверт. Ганко посмотрел на печать, изменился в лице, вскрыл ее, достал письмо и перечитал его. Затем положил письмо, потер переносицу двумя руками, взялся за молоток и неистово застучал по столу.

- Прошу всех успокоиться! – кричал он. – Только что пришло сообщение от Великого князя Ластартского, Неркана Первого!

Собрание утихло почти мгновенно. Лишь Теринский что-то шептал Альде, а та всхлипывала у него на груди.

- Великий князь Ластартский, высокородный князь Илинский, граф Элендский Неркан приветствует сейм дворян Фарка и высказывает ко всем присутствующим свое полное уважение, - чинно произнес Ганко. – И сообщает, что не далее как к одиннадцатому дню осени он лично прибудет в Фарк, дабы переговорить с уважаемым собранием и присутствовать при принятии решений сейма. В связи с этим он просит уважаемое собрание перенести сейм на четыре дня, обещая компенсировать все расходы, кои уважаемое панство понесет из-за задержки.

Собрание, а особенно нижние ряды, одобрительно загудело. В ложе Рейка Талько Бойковский что-то прошептал своему молодому соседу из дворян-гвардейцев и тот, кивнув, поднялся и вышел. Кирий усмехнулся и посмотрел на Эглину. Та сидела, закусив нижнюю губу. Девочка держалась, хотя ей этот спектакль дался нелегко. Песка вздохнул и перевел взгляд на княжескую ложу. Ни Милана Теринского, ни Альды Фаркской там не было. Он глянул вниз, на Иртэю – та торжествующе улыбалась. Лидер Алого Клинка улыбнулся в ответ. Эта партия была за ними.

Когда через полчаса общим голосованием было принято предложение перенести сейм – при восьми ложах за и трех воздержавшихся – Циверский и Анесский покинули зал собраний. Коссит уехал в особняк Теринского предупредить Клесского и продумать возможные последствия сегодняшнего заседания и дальнейшие действия Гарды. Борин же, в отсутствие Теринского, попросил дворян не разъезжаться и назначил на этот вечер общее собрание в своем особняке. А потом отправился искать графа. Теринский нашелся на мосту через Фарчивку – он стоял и смотрел вниз, на бегущую реку.

- Надеюсь, ты прыгать не собираешься? – спросил Циверский.

- Она уехала, - вместо ответа сказал Милан. – Мне не удалось убедить ее остаться.

- Успокоится твоя княгиня, не беспокойся, - сказал Циверский. – Конечно, она вышла из себя. Они нам хорошо съездили по морде, Милан. Очень хорошо.

- Как они провезли Эглину в город незамеченными, Борин? – процедил Теринский. – Как, я тебя спрашиваю?

- Не знаю, Милан, - ответил Циверский. – Но когда узнаю, виновным мало не покажется.

- Узнай, Борин, узнай. А еще добейся того, чтобы твои люди были готовы действовать. Действовать жестко. Бой лоялисты выиграли. Но войну, клянусь честью, проиграют.

- Старик, ты только успокойся, - Борин смотрел на друга удивленно. – Все сделаем. Только успокойся и не теряй хватку.

- Я не теряю, друг, - сжал кулак Теринский. – Мы просто должны показать им, что не стоило связывать с настоящим фаркским дворянством.

- Конечно, старик, конечно, - ответил Борин. И впервые почувствовал, что Милан неуверен в себе. Что, несмотря на громкие слова, в душе он начал сомневаться в своих силах. И понял, что если так пойдет дальше, Теринский не сможет быть лидером. И в душе ощутил затаенную стыдливую радость в том, что если это случится, в первых рядах будет он – Борин Циверский. Случится то, о чем он так мечтал.

А Милан Теринский не мог рассказать Борину, что впервые в жизни ему было обидно не за себя, не за княжество, а за Альду Фаркскую. За ту, которую, как казалось ему до сегодняшнего дня, он презирал и к которой он ничего не чувствовал. И что ему очень страшно в этом признаваться себе.

Они стояли вместе, впервые за долгое время разделенные такими разными чувствами, и смотрели на убегающие воды реки.